

Комитет по образованию Санкт-Петербурга

Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение
«Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных»

*В год 75-летия полного освобождения Ленинграда
от вражеской блокады*

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на VII региональной олимпиаде по краеведению (9-11 классы)
2018 года

ВЫПУСК 27

Санкт-Петербург
2019

Серия основана в 1991 году

Автор-составитель: И.Г. Васильева

Под общей редакцией:

В.И. Аксельрода

Э.И. Архиповой

С.Д. Мангутовой

Т.Г. Смирновой

Автор предисловия:

Алексей Дмитриевич Ерофеев

Компьютерная вёрстка: И.В. Петров

Наследники великого города : фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на VII региональной олимпиаде по краеведению (9–11 классы) в 2018 году. – СПб. : ГДТЮ, 2019. – Вып. 27. – 173 с.

- © Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных», 2019
- © Авторы публикаций, 2019
- © Валентин Лебедев, обложка, 1996

Содержание

Юные историки города	5
----------------------------	---

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Петрова Виктория. «Сохраняя память о Великой Победе» (биография историка М.И. Фролова).....	8
Журавлев Даниил. Запасной командный пункт Ленинградского фронта – объект ЗКП «Нева».....	15
Воронцова Дарья, Серякова Екатерина, Чернявская Вероника. История школы № 156 в годы войны в лицах	20
Васильева Полина. Вера Фарберг – актриса Блокадного театра.....	27

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

Мацуева Ольга. Между поэзией и наукой (А.М. Городницкий, поэт и ученый, выпускник Ленинградского городского Дворца пионеров).....	34
Чусовитина Варвара. Петербург Н.Я. Агнивцева	41
Зайцева Юлия. Гумилёв, Ахматова, «Жемчуга» и Эстер. Загадки двух автографов, одного посвящения и одной обложки.....	47
Кутузов Максим. Врач и художник А.Д. Агушев	53

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

Исаев Иван. Забывтый купеческий особняк в Царском Селе	62
Сычёва Валерия. Из истории Выборгского сада: спорные вопросы, малоизученные страницы	69
Табачник Ксения. Церковь Святого митрополита Петра на Улянке (страницы истории 1700–2018 гг.)	77
Копылова Мария. Адресная система Петербурга, или История настенных номерных знаков	85

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

- Головина Лидия. Сотрудники отделения СПОН
Ленинградского педагогического института
им. А.И. Герцена в 1920–1930-е гг. 91
- Андреева Анна. Петербургский хирург Е.В. Павлов:
жизнь, отданная людям 103
- Васильева Вероника. Первый детский мировой судья –
Николай Александрович Окунев 110
- Романова Полина. Введенский в Петербурге –
Петрограде – Ленинграде 118
- Леусенко Леонид. Дело Старокадомского,
или О чём рассказали архивные документы. 126

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

- Бутылов Матвей. О чём может поведать фотография?
(история одного предмета
из музея «Нарвская застава») 134
- Четырина Анастасия, Постникова Яна. Страницы
истории моей школы: школа № 332 в послевоенный
период 142
- Ламзин Денис. Мне есть, кем гордиться.
Полный Георгиевский кавалер –
Иван Никифорович Огурцов. 158

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Программа VII региональной олимпиады
по краеведению школьников Санкт-Петербурга 166

Юные историки города

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! В 2019 году мы отметили 75-летие полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Этой дате и посвящён 27-й выпуск сборника «Наследники великого города», в который вошли фрагменты 20 исследовательских ученических работ победителей и призёров VII региональной олимпиады школьников Санкт-Петербурга по краеведению. Они представлены в пяти тематических разделах.

Первый из них, «Война. Блокада. Ленинград», открывается очерком выпускницы историко-краеведческого клуба «Петрополь» Петровой Виктории «Сохраняя память о Великой Победе» (биография историка М.И. Фролова). Посвящена работа памяти замечательного учёного-историка и педагога Михаила Ивановича Фролова, чья научная деятельность началась более сорока лет назад монографией «Артиллеристы в боях за город Ленина». Уверены, что читатели с интересом прочтут публикацию Журавлёва Даниила, учащегося гимназии № 74 Выборгского района, приоткрывшего тайны объекта ЗКП «Нева» (Запасного командного пункта) Ленинградского фронта в парке Лесотехнической академии. Настоящее открытие по итогам проведения поиска сделали ученицы школы № 156 Калининского района (тогда Смольнинского района) Воронцова Дарья, Серякова Екатерина и Чернявская Вероника, изучив дневники учителя литературы 156 школы А.А. Бардовского, умершего от истощения в первую блокадную зиму, и выпускницы той же школы 1943-1950-х годов А.В. Пушкиной. Юные музейеды школы Калининского района, воспитанники той блокадной школы, установили ранее неизвестный факт работы этого учреждения в годы блокады Ленинграда. Блокадной судьбе артистки Второго Ленинградского театра кукол (нынешнего БТК) Вере Фарберг посвятила свою работу Полина Васильева, ученица школы № 416 Петродворцового района, вернувшая из небытия имя одной из замечательных выпускниц своей школы, носящей имя её первого директора В.В. Павловой.

В разделе «Культурное наследие Петербурга» читатели с интересом познакомятся со страницами жизни известного автора – исполнителя Александра Городницкого, поэта и учёного, а также подзабытого поэта начала прошлого века Николая Агнивцева, которому принадлежит крылатое выражение «Блистательный Санкт-Петербург». О Городницком, авторе песни «Атланты», ставшей своеобразным гимном Эрмитажа, написала работу «Между поэзией и наукой» (А.М. Городницкий, поэт и ученый, выпускник Ленинградского городского Дворца пионеров) Ольга Мацуева, а

о Петербурге Николая Агнивцева – Варвара Чусовитина. Обе они – выпускницы Юношеского университета Петербурга. Ещё одна выпускница этого коллектива, Зайцева Юлия, участвуя в городском проекте «Музей открывает фонды», смогла раскрыть загадки двух автографов Н.С. Гумилёва в Конволюте, хранящемся в книжном фонде Музея А.А. Ахматовой в Фонтанном доме. Кутузов Максим, учащийся школы № 421 Петродворцового района, своё исследование посвятил известному земляку, врачу военного госпиталя и художнику А.Д. Агушеву, запечатлевшему на своих живописных полотнах драматические эпизоды битвы за Ленинград на героическом Невском пятачке.

Четыре работы вошли в раздел «По петербургским адресам». Он открывается содержательным очерком учащегося школы № 530 Пушкинского района Исаева Ивана «Забывтый купеческий особняк в Царском Селе». Юный исследователь, проанализировав большое количество разнообразных источников, в том числе архивных, смог скрупулёзно восстановить историю особняка, ставшего известным благодаря его владельцу, крупному промышленнику, благотворителю и меценату А.В. Кокореву, и поставить перед общественностью города проблему бедственного состояния этого здания, необходимости его реставрации и использования как объекта культуры. Примерами классических исследований для юных краеведов могут служить вошедшие в этот раздел очерки: Сычёвой Валерии, ученицы школы № 560 Выборгского района «Из истории Выборгского сада: спорные вопросы, малоизученные страницы» и выпускницы историко-краеведческого клуба «Петрополь» Копыловой Марии «Адресная система Петербурга, или История настенных номерных знаков». Если первая работа касается общей адресации зданий, то нынешняя – номерным табличкам, образцы которых представлены в экспозиции Музея истории Петербурга в Комендантском доме Петропавловской крепости.

Авторы четвёртого раздела сборника «Имя в истории города» знакомят читателей с судьбами своих героев, оставивших заметный след в науке, медицине, педагогике, литературе, но сегодня известных лишь ограниченному числу жителей нашего города. Прочитав публикацию Головиной Лидии и Васильевой Вероники из объединения «Охта» ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района читатели сборника узнают о вкладе сотрудников отделения СПОН ЛГПУ им. А.И. Герцена в борьбу с детской беспризорностью и разработку передовой научной методики работы с «трудными» подростками в 1920-е годы, а также, об одном из ведущих сотрудников этого отделения Н.А. Окуневе, ставшим первым в России детским мировым судьёй. Андреева Анна, выпускница клуба «Петрополь», по крупицам смогла восстановить биографию петербургского хирурга

Е.В. Павлова, показать широкий круг его пациентов и друзей из мира культуры. О выпускнике Второй Санкт-Петербургской гимназии, враче и учёном, участнике знаменитой экспедиции ГЭСЛО, всесторонне исследовавшим в предреволюционные годы Северный морской путь в Арктику – Л.М. Старокадомском, увлекательно рассказал ученик этой гимназии и выпускник Юношеского Университета Петербурга Леусенко Леонид. Ещё одна выпускница клуба «Петрополь» Романова Полина в своей работе «Введенский в Петербурге – Петрограде – Ленинграде» смогла проследить трагическую судьбу одного из самых талантливых поэтов из литературного объединения Обэриутов и установить его адреса в нашем городе.

Пятый раздел «Многоликий Петербург», также как и предыдущие, ценен тем, что три, включённые в него ученические работы, построены на архивных источниках и материалах из фондов государственных и школьных музеев. Так, Бутылов Матвей, выпускник клуба «Петрополь», в работе «О чём может поведать фотография? (история одного предмета из музея «Нарвская застава»)» восстановил историю создания в 1907 году фотографии-коллажа рабочих одного из цехов Путиловского завода, установил имена многих из тех, кто отображён на ней, и фотографию самого автора. Четырина Анастасия и Постникова Яна, ученицы школы № 332 Невского района, проанализировав десятки приказов по школе 1950–1960-х годов, хранящиеся в Объединённом архиве Комитета по образованию, смогли вскрыть острые проблемы учёбы и дисциплины учащихся, существовавшие в их школе в те годы и установить их причины. Завершает же сборник «Наследники великого города» замечательный очерк Ламзина Дениса, учащегося школы № 529 Петродворцового района «Мне есть, кем гордиться. Полный Георгиевский кавалер – Иван Никифорович Огурцов», посвящённый его предку Ивану Никифоровичу Огурцову – полному Георгиевскому кавалеру, которого Денис по существу открыл для своей семьи в ходе кропотливого краеведческого поиска.

Все без исключения исследовательские ученические работы, вошедшие в сборник, открывают его читателям новые имена и неизвестные факты, и содержат, пусть скромные, но открытия в изучении родного города. За это мы должны поблагодарить не только авторов публикаций, но их руководителей – педагогов. Имена наставников впервые за историю издания «Наследников великого города» стоят рядом с именами их учеников.

Алексей Дмитриевич Ерофеев,
член городской Топонимической комиссии, журналист,
педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Петрова Виктория

11 класс, ГБОУ гимназия № 107

Выборгский район,

историко-краеведческий клуб

«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Осипова М.М.)

«Сохраняя память о Великой Победе» (биография историка М.И. Фролова)

Михаил Иванович Фролов родился 2 ноября 1924 г. в Москве в бедной семье. Был старшим из трёх братьев. Его отец умер от туберкулеза, когда М.И. Фролову было 7 лет. Мать работала регистратором в больнице. Закончил семилетнюю школу на отлично и был принят в Первую московскую специальную артиллерийскую школу. Как отмечал сам М.И. Фролов, таких школ в Москве в 1937 году было создано пять. Их задача состояла в подготовке высококвалифицированных командиров артиллерийских подразделений. Считалось, что там преподавали лучшие столичные учителя. Михаил Иванович рассказывал, что учился в школе с интересом [19].

Великая Отечественная война: учеба и военная служба

22 июня 1941 г. Михаил Иванович вместе со своей школой уезжал в летний лагерь в Сольцы. Уже находясь в пути, он услышал по радио о начале войны. В конце лета будущие артиллеристы вернулись в Москву и участвовали в строительстве оборонительных сооружений. 16 октября 1941 г. их школу эвакуировали в Анжеро-Судженск (Новосибирская область, с 1943 г. – Кемеровская) [19]. В июне 1943 г. М. Фролов закончил 10-й класс. По его просьбе его зачислили в огневой дивизион, поскольку срок учебы там был значительно меньше, чем в дивизионе артиллерийской инструментальной разведки. М.И. Фролов проучился там с июня 1943 по июнь 1944 г. и закончил его с отличием. Направлен в 421-й гаубичный артиллерийский полк [14, с. 4]. Младший лейтенант, которому не исполнилось 20 лет, с осени 1944 г. воевал с полком в Восточной Пруссии (сейчас Калининградская область, территории Литвы и Польши) в составе 3-го Белорусского фронта. В должности командира взвода управления полка, позже – начальника

разведки артиллерийского полка, он участвовал в освобождении Польши в декабре 1944 г. в составе 2-го Белорусского фронта [30, с. 4]. Роль командира взвода управления, который затем стали называть артиллерийской разведкой, во время боевых действий мне разъяснил в интервью А.В. Кутузов. Это офицеры, которые корректируют огонь батареи и находятся всегда с пехотой. Они дают установки своей батарее, которая может быть на расстоянии 8–10 км от них, должны увидеть именно свой разрыв и вновь корректировать огонь батареи. А на огневой позиции находится старший офицер батареи, который вводит те корректировки, которые ему дает командир взвода управления. Для связи между ними прокладывались телефонные провода [4].

Зимой 1945 г. М.И. Фролов принимал участие в Висло-Одерской операции, участвовал в освобождении Гдыни, Гданьска и Кенигсберга (Калининграда) [15]. О победе Михаил Иванович узнал 8 мая 1945 года в Шверине (Германия): «Радость была неопиcуемая, бесконечная. Стреляли в воздух, поздравляли друг друга, у кого была выпивка, всю выпили. Как же! Остались живы и победили этого гада, фашиста! Об этом мечтали все, и все ликовали» [19]. Фронтовые друзья и однополчане отзывались с добротой и уважением о Михаиле Ивановиче. За юный возраст он получил прозвище «юнкер» [14, с. 5]. За мужество и героизм Михаил Иванович награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом «Отечественной войны» I степени, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», польской медалью «Звечества и вольности» (Победы и Свободы) [14, с. 5]. Документы, подтверждающие награждение его, представлены на сайте «Память народа» [2]. В них описаны подвиги Михаила Ивановича. Например: «...Во время продвижения нашей пехоты товарищ Фролов находился все время с передовыми частями и корректировал огонь полка. Во время артиллерийского налета вражеских батарей на правом плацдарме, младший лейтенант Фролов быстро обнаружил стрелковую батарею и вызвал огонь нашего дивизиона, благодаря чему батарея противника была подавлена и расчищен путь пехоты вперед» [2]. Сам Михаил Иванович рассказывал об этом так: «Наша артиллерия сопровождала пехоту, пробивая ей дорогу. ...Вдруг справа, из хуторка, по нам открыл огонь пулемет. Я стою рядом с командиром полка, в 300-х метрах от вражеской огневой точки, он мне приказывает: «Хутор гаубицей стереть с лица земли!» Выкатываем студебеккер, разворачиваем гаубицу, и тут немец на нее огонь перевел. Расчет упал на землю, гаубица молчит. Мы с разведчиками добежали до нее, видим, почти все убиты. Я приказал солдатам подносить заряды, встал за наводчика, и уж тут-то мы разнесли фашистов в щепки» [14]. Как видно из сравнения этих описаний, в официальных документах

придерживались обобщенного стиля повествования, необходимо было показать значимость совершенного подвига для успеха боевых операций в целом. Михаил Иванович рассказывает о том же с позиции очевидца и участника событий, который не мог поступить иначе.

В должности начальника разведки артиллерийского дивизиона в составе 2-го Белорусского фронта Михаил Иванович закончил войну и после этого остался на службе в армии. В 1949 г. Михаил Иванович был зачислен в Военно-политическую Академию им. В.И. Ленина (г. Москва), через 3 года закончил ее экстерном, а затем был переведен на политическую работу. В феврале 1970 г. вышел в отставку по состоянию здоровья [14, с. 5–6].

Путь в науку

Интерес М.И. Фролова к истории появился после войны: «Была внутренняя тяга к истории. Хотелось рассказывать людям о Родине» [36]. В 1964 г. он окончил заочно с отличием исторический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена, преподавал историю в партийных школах. В 1968 г. назначен старшим преподавателем кафедры общественных наук Ленинградского высшего зенитного артиллерийского командного училища [14, с. 79]. После увольнения со службы работал в Ленинградской лесотехнической академии им. С.М. Кирова, где решил заниматься наукой. В марте 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию, связанную с ролью артиллерии в Ленинградской битве. Выбор темы не был случаен: «Жена, Людмила, была блокадницей, и я переехал в Ленинград, где царил атмосфера подвига еще долгие годы» [19]. Затем окончил курсы немецкого языка и начал заниматься докторской диссертацией. Она посвящена историко-сравнительному анализу отечественной и немецкой литературы о Великой Отечественной войне – новому направлению в историографии [19; 14, с. 6]. В 1997 г. Михаил Иванович был приглашен заведующим кафедрой истории профессором Н.Д. Козловым на работу в ЛГУ имени А.С. Пушкина [5]. В 1998 г. была создана Академия военно-исторических наук. Ее президентом является М.И. Каратуев, а вице-президентом и главным идеологом был М.И. Фролов. [13]. Он внес огромный вклад в развитие Академии [16]. С 2002 г. Михаил Иванович был ведущим сотрудником Института военной истории МО РФ, работая в научно-исследовательском отделе военной истории Северо-Западного региона РФ [14, с. 7, 56–57]. Из интервью, взятого у А.В. Кутузова и И.М. Кузинца, мне удалось узнать, что Михаил Иванович жил по адресу ул. Костюшко, д. 24, кв. 29 [3]. У него была очень скромная, типичная профессорская квартира. Например, был шкаф, целиком заполненный книгами, а на стене висел портрет, подаренный учёному в ЛГУ им. А.С. Пушкина, на котором он был изображен в образе А.В. Суворова [4].

Говоря о человеческих качествах Михаила Ивановича, можно отметить его скромность, сдержанность, самоотдачу, тонкий ум и нежность к близким людям. Он никогда не преувеличивал заслуг. Наоборот, очень скромно оценивал собственные достижения. Очень берёг свою жену – Людмилу Федоровну Фролову. К сожалению, она ушла из жизни раньше Михаила Ивановича. Книгу «Салют и реквием. Героизм и трагедия ленинградцев 1941–1945 гг.» М.И. Фролов посвятил именно ей [14, с. 30]. У Михаила Ивановича есть дочь – Елена Михайловна Фролова, внук – Руслан Владимирович Тихомиров, который в настоящее время глава муниципального образования «Шушары», и внучка Даша, живущая в Париже [3; 4]. Руслан Владимирович хранит личный архив М. И. Фролова. Мне бы хотелось его изучить, однако пока это невозможно.

10 сентября 2016 г. Михаил Иванович выступил на конференции «Город на Неве против героизации союзников Гитлера и военных преступников». Он не поддерживал идею открытия в Петербурге мемориальной доски К.Г. Маннергейму. Это дело ветеран выиграл: 13 октября доску демонтировали, но ему не довелось это увидеть [17]. 11 октября 2016 г. М.И. Фролов скончался. Отпевание состоялось 14 октября в храме во имя свв. Иоанна Кронштадтского и Марии Магдалины, где Михаил Иванович бывал при жизни. Похоронен на Большеохтинском кладбище [18].

Биографию М. И. Фролова можно разделить на следующие этапы: 1924–1943 гг. – детство и юность М. И. Фролова; 1944–1970 гг. – годы, посвященные военной деятельности (участие в Великой Отечественной войне, военная служба); 1964–1997 гг. – окончил ЛГПИ им. Герцена (сейчас РГПУ им. Герцена), преподавал историю в партийных школах, работал в Ленинградском высшем зенитном артиллерийском командном училище, затем – научная и педагогическая деятельность в Лесотехнической академии им. С.М. Кирова. Общественно-просветительская работа в обществе «Знание»; 1997–2016 гг. – научная и педагогическая деятельность в ЛГУ им. А.С. Пушкина, общественная работа в Академии военно-исторических наук.

Научная деятельность

Научная деятельность Михаила Ивановича началась во время работы в Лесотехнической академии им. С.М. Кирова. Именно там он написал одну из первых монографий «Артиллеристы в боях за город Ленина» (1978 г.) [7]. Через некоторое время он открыл новое направление в отечественной историографии – «Историко-сравнительный анализ отечественной и немецкой литературы о Великой Отечественной войне», защитив докторскую диссертацию. Его особенностью было то, что М.И. Фролов рассматривал

историю Второй мировой войны со стороны Германии, занимался изучением немецкой историографии, сравнивал взгляды немецких и российских ученых. Он выявил, что с течением времени эволюция взглядов немецких историков и мемуаристов менялась в сторону более объективного анализа причин поражения Германии, создал свою научную школу и стал одним из ведущих специалистов по истории и историографии Великой Отечественной войны, блокады Ленинграда и Ленинградской битвы. Михаил Иванович написал более 220 научных работ, в их числе – 4 личные монографии, 4 монографии в соавторстве [14, с. 4–25].

В своем исследовании я рассматриваю подробнее несколько статей Михаила Ивановича, посвященных ключевым битвам Великой Отечественной войны [10–12]. Одна из них – «Ленинградская битва и ее вклад в Победу в Великой Отечественной войне» (2013 г.) [10]. Понятие «Ленинградской битвы» М.И. Фролов трактует как битву, «проходившую в период с 10 июля 1941 г. по 9 августа 1944 г. на Северо-Западном стратегическом направлении с целью обороны Ленинграда и разгрома немецко-фашистской группы армий «Север» под Ленинградом и Новгородом и финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии» [10, с. 60]. Именно он является автором этого термина [3–4]. В статье М.И. Фролов обращает внимание, что долгое время значение Ленинградской битвы преуменьшалось из-за политических репрессий 1949–1953 гг. Только в конце XX – начале XXI вв. были сделаны шаги в сторону объективной оценки ее значения. [10, с. 60]. Как отмечал А.В. Кутузов, Михаил Иванович рассматривал значение Ленинградской битвы с точки зрения геополитического положения города и подчеркивал, что Ленинград создавал возможность флангового удара по немцам [14]. М.И. Фролов тщательно изучал и анализировал немецкие труды и архивы, сравнивал их с трудами отечественных историков и делал собственный вывод о роли того или иного события. Его статьи отличались четкостью выводов, понятным языком, логичностью и огромной базой источников.

Педагог

М.И. Фролов длительное время работал в двух университетах: Лесотехнической академии имени С.М. Кирова и ЛГУ им. А.С. Пушкина. Как отмечали все интервьюируемые, к студентам Михаил Иванович относился нежно и заботливо. Они очень уважали его и настолько тепло относились к нему, что, когда преподаватель болел и отсутствовал в университете, не оставляли его без внимания, всегда навещали. До последних дней около Михаила Ивановича были его ученики [3–5].

Педагогическая деятельность М.И. Фролова имеет практическую значимость. Он занимался подготовкой научных кадров.

Под его руководством были защищены несколько докторских диссертаций и 12 кандидатских. Фролов часто выступал в качестве официального оппонента в Диссертационных советах при защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Его студенты становились профессорами, доцентами кафедр высших учебных заведений. [14, с. 7]. За многолетний педагогический труд Михаил Иванович был награжден многими почетными наградами, среди которых грамота Министерства образования и науки РФ, почетные дипломы ректоров ЛГУ им. А.С. Пушкина и Ленинградской лесотехнической академии им. С. М. Кирова [14, с. 7].

Деятельность на конференциях школьников

Михаил Иванович был ветераном Второй мировой войны, так что сохранение памяти об этом событии было важным для него делом. Он был одним из организаторов конференции для школьников «Война. Блокада. Ленинград» и ее постоянным членом жюри. Михаил Иванович также писал рецензии на исследования школьников. Мне довелось прочитать некоторые из них. Я заметила, что М.И. Фролов очень четко подмечал нюансы работ: подчеркивал достоинства и недостатки. Он достаточно тщательно изучал работу и делал справедливые выводы о ней, давал рекомендации о том, как стоит улучшить работу. Как отмечали Исай Моисеевич и Александр Владиславович, М.И. Фролов очень уважительно относился к работам школьников. Он не разделял исследователей по возрастам и полагал, что любой человек, решивший заниматься исследованием, должен соблюдать определенные правила [3–4].

На мой взгляд, М.И. Фролов был талантливым педагогом, так как подготовил достаточное количество кандидатов и докторов наук, нежно и тепло относился к каждому ученику и студенту. Он был успешным и вдумчивым историком, выпустил огромное количество научных трудов, участвовал во многих конференциях и кропотливо работал с архивными материалами России и Германии.

Использованная литература и источники:

Источники

1. XII, X, XI, XIII городская историко-краеведческая конференция школьников «Война. Блокада. Ленинград» : [программы конференции], Санкт-Петербург, 1 февраля 2014, 4 февраля 2012, 26 января 2013, 31 января 2015 // Архив сектора исторического краеведения и школьного музееведения «СПБ ГДТЮ».
2. Фролов Михаил Иванович // Память народа, 1941–1945 : [сайт]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie24050162/ (дата обращения: 08.03.2018).

3. Кузинец И.М., Архипова Э.И. Интервью о М.И. Фролове. 03 февраля 2018 года; Ведущие: В.В. Петрова, М.М. Осипова.
 4. Кутузов А.В. Интервью о М.И. Фролове. 03 февраля 2018 года; Ведущие: В.В. Петрова, М.М. Осипова.
 5. Левашко В.О, Никифоров А.Л. Интервью о М.И. Фролове. 06 февраля 2019 года; Ведущие: В.В. Петрова, М.М. Осипова.
 6. Наследники великого города : материалы и тезисы докладов учащихся Санкт-Петербурга на городских краеведческих чтениях 1995 года / сост. Г.С. Усыскин. – СПб. : Дворец творчества юных, 1996. – Вып. 4. – 142 с.
 7. Фролов М.И. Артиллеристы в боях за город Ленина. – Л. : Лениздат, 1978. – 272 с.
 8. Фролов М.И. Блокада. Битва за Ленинград: мифы, легенды, реальность. – М. : АСТ, 2014. – 316 с.
 9. Фролов М.И. К вопросу об артиллеристах-героях боев за Ленинград (хроника, факты, находки) // Военно-исторический журнал. – 1971. – № 6. – С. 119–120.
 10. Фролов М.И. Ленинградская битва и ее вклад в Победу в Великой Отечественной войне // XIX Царскосельские чтения. – СПб., 2017. – Т. 1. – С. 60–66. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leningradskaya-bitva-i-eyo-vklad-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne> (дата обращения: 05.03.2018).
 11. Фролов М.И. «Русская победа под Курском... изменила облик всего мира» // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 8. – С. 6–8.
 12. Фролов М.И. Сталинградская битва. Взгляд из Германии // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 11. – С. 9–12.
- Литература**
13. В Академии военно-исторических наук: Ради Отечества // Царскосельская газета. – 2003. – 24 октября (№ 49). – URL: <http://www.pushkin-town.net/.gazeta/5604.html> (дата обращения: 08.03.2018).
 14. Великая отечественная война: величие и радость победы – взгляд ученого-историка России : (к 85-летию вице-президента Академии военно-исторических наук, д-ра ист. наук, проф. Михаила Ивановича Фролова) / Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; [сост.: Н.Я. Гребнев, Э.М. Филиппов]. – СПб. ; Пушкин, 2009. – 87 с.
 15. Василик В.В. Дивный русский человек // Русская народная линия : информационно-аналитическая служба : [сайт]. – 01.11.2014. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/11/01/divnyj_russkij_chelovek/ (дата обращения 04.03.2018).
 16. Ленинградское высшее зенитное ракетное командное ордена Красной Звезды училище имени 60-летия Великого Октября :

- исторический очерк (1928–1978 гг.). – Ленинград : ВА ПВО СВ, 1978. – 155 с.
17. Пыхалов И. Памяти Михаила Ивановича Фролова // АПН Северо-Запад : [сайт]. – СПб., 18.10.2016. – URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article24673.htm> (дата обращения 29.01.2018).
 18. «Умер представитель поколения победителей» // Русская народная линия : информационно-аналитическая служба : [сайт]. – 15.10.2016. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/10/15/umer_predstavitel_pokoleniya_pobeditelej (дата обращения 04.03.2018).
 19. Фролов М.И. «Господь хранил меня в самых страшных ситуациях...» // Русская народная линия : информационно-аналитическая служба : [сайт]. – 01.11.2014. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/11/01/gospod_hranil_menya_v_samyh_strashnyh_situaciyah/ (дата обращения: 04.03.2018).

Журавлев Даниил
9 класс, ГБОУ Гимназия №74
Выборгский район
(руководитель – Большакова Н.П.)

Запасной командный пункт Ленинградского фронта – объект ЗКП «Нева»

Прогуливаясь по парку Лесотехнической академии, мы можем увидеть два железобетонных сооружения, очевидно сохранившихся со времен Великой Отечественной войны. Еще около десятка подобных объектов находятся на закрытой территории парка. У большинства людей возникают вопросы: что это за сооружения? Когда, для чего и кем они были построены? Что происходит с ними сейчас? Можно сказать, именно такой интерес послужил причиной появления темы этой работы.

Основные сведения о ЗКП «Нева»

В январе 1943 года в результате наступления войск Ленинградского и Волховского фронтов блокада Ленинграда была прорвана. Эта победа являлась переломным моментом в исторической битве за Ленинград. Однако в марте–апреле 1943 года войска фашистской Германии предприняли попытку вновь замкнуть кольцо блокады.

Эти намерения потребовали новых решений и новых мероприятий в обороне города. В апреле 1943 года от маршала Советского Союза и командующего Ленинградским фронтом Леонида Александровича Говорова поступил приказ о создании запасного командного пункта в парке Лесотехнической академии (ЛТА). Стоит отметить, что основной КП Ленинградского фронта находился в здании Главного Штаба на Дворцовой площади и был главным местом нахождения Л.А. Говорова. Также до наших дней сохранились защитные сооружения на территории Шуваловского парка, по некоторым данным, во время войны, тоже служившие командным пунктом. Тем не менее, военный опыт и тактическая предосторожность подсказывали, что строительство запасного командного пункта необходимо.

Учитывая такие факторы, как насыщенный зеленый массив, положение на возвышенности, близость аэродрома, который находился на территории парка Сосновка, парк ЛТА был выбран для строительства такого объекта, как запасной командный пункт (ЗКП). Также важным фактором являлась удаленность от основных сил противника, расположенных на юго-западе от города. Проекту было присвоено название ЗКП «Нева». Ответственным за строительство был назначен генерал-лейтенант инженерных войск СССР Борис Владимирович Бычевский, а главным конструктором – А.К. Петров. Ижорский завод получил поручение на изготовление оборудования для сложного объекта. КП был построен и сдан через семь месяцев после получения приказа, то есть в ноябре 1943 года [2].

Командный пункт представлял собой около полутора десятков железобетонных сооружений подземного типа, расположенных по территории всего парка, выполненных в виде цилиндрических колодцев диаметром 13 метров и толщиной стенок 0,5 метра, сверху защищенных железобетонной «крышкой». Внутри колодца находилась винтовая лестница, по которой можно было попасть в подземную часть КП, состоящую из нескольких внутренних помещений и расположенную на двух ярусах. Комнаты были отделены друг от друга вертикальными перегородками. Естественно, для объекта стратегической значимости важна была маскировка. На железобетонных крышках разбивались клумбы, строились небольшие деревянные домики, а на одном из укреплений даже была возведена каменная усадьба, по архитектурному стилю напоминающая строения середины XIX века [1]. Во время войны такие домики-декорации служили также местом проживания сотрудников ЛТА, но в 1960-е годы (по воспоминаниям сотрудников академии) были вывезены с территории парка по причине негодности. Строительство всех сооружений ЗКП «Нева» велось по одной технологии, бункеры отличались только количеством заложённых в их основание железобетонных колодцев (1 или 2). Сначала выкапывался

котлован глубиной около 10 метров и шириной 13,5 метров. Далее сооружалась форма-опалубка, заливался бетонный колодец. Сооружались паттерны (пути кабельного сообщения), создавалась этажность и перегородки. После установки лестницы объект накрывался сверху защитной железобетонной крышкой (способной выдержать попадание 500-килограммовой фугасной авиабомбы!). В конце устанавливались различные декорации, выполняющие маскировочную функцию. Стоит отметить, что из-за обильного содержания в почве грунтовых вод и глины, строительство было затруднено. Возведение объектов велось под маскировочными сетками, что препятствовало немецкой разведке, аэрофотосъемке.

Материалы экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, посвященной ЗКП «Нева»

С целью подтвердить уже найденную информацию, а также получить более подробную, была предпринята экскурсия в Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи на экспозицию, посвященную ЗКП «Нева». В музее экспонируются уникальные документы, чертежи, зарисовки, фотографии и макеты, относящиеся к временам строительства ЗКП, то есть к 1943 году. Экскурсоводом по экспозиции стал научный сотрудник музея Василий Бочаров. Первое, что бросается в глаза – это два уникальных макета, демонстрирующих бункеры объекта «Нева» с сооруженными сверху «декорациями» [5]:

Фото автора

Один из них – тот самый бункер, замаскированный под усадьбу XIX века, а другой замаскирован под деревянный домик. Детализированные макеты дают практически полное представление также и о подземной части объекта. Винтовая лестница, два этажа поме-

щений, обставленных мебелью, паттерны. Хотя макеты не являются официальным доказательством существования ЗКП «Нева», они сходятся с описанием объекта, полученным до посещения музея.

Следующий не менее значительный экспонат музея – СтройГен-План (генеральный план строительства) объекта ЗКП «Нева». На карте парка ЛТА отмечены все объекты командного пункта, а также пути сообщения между ними.

Нельзя не упомянуть ценнейший экспонат музея – альбом с зарисовками, чертежами и фотографиями 1943 года [5]. Альбом включает в себя более десятка чертежей различных бункеров и вариантов их маскировки:

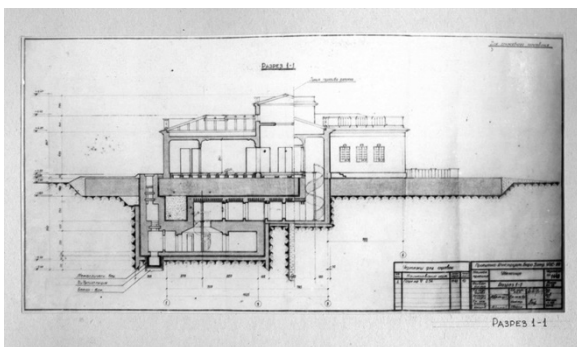

Фото автора

Также в альбоме хранится около пяти акварельных зарисовок интерьера ЗКП. Интерьер, пожалуй, способен поразить любого: от богато украшенной лестницы и кафельных полов до дверей и мебели из дорогих пород дерева, ковров, картин. По некоторым данным, помимо освещения на объекте имелся водопровод. Однако, стоит обратить внимание, что зарисовка тоже не доказательство реального существования.

И, наконец, настоящее доказательство существования ЗКП «Нева» – фотографии [5]. Имеются фотографии как этапов строительства, так и готового объекта изнутри. Также есть фотография вида изнутри готового объекта, а именно интерьера смежных комнат. Можно увидеть фрагмент стены, две двери. Мы видим, насколько это возможно, что интерьер на зарисовке соответствует реальному. Еще одна из фотографий изображает фрагмент винтовой лестницы со стоящим на ней человеком. Отметим полное сходство этого изображения с акварельным эскизом и фотографией, сделанной в наше время диггерами, что доказывает документальность найденных материалов. Имеется чертёж верхнего яруса главного подземного бункера, скопированный из материалов, хранящихся в МАИВиВС, и фото одного из этапов строительства этого объекта ЗКП «Нева», а

именно установка опалубки. На фото мы видим котлован, по центру которого ведут работу несколько человек. Установить их личности не представляется возможным. Опалубка на фотографии готова к заливке бетонной массы.

Еще один важный документ, хранящийся в архиве музея – архивная справка «О строительстве в 1943 году командного пункта Ленинградского фронта (объект «Нева») на территории парка ЛТА» [5]. Приводим фрагмент этой справки: «В фонде инженерных войск Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи содержатся материалы, относящиеся к истории строительства командного пункта Ленинградского фронта (объект «Нева»). В этих материалах, подготовленных и подписанных инженер-полковником А.К. Петровым, начальником управления строительства объекта «Нева», отражена история и технология строительства, его экономические показатели, планировка и отделка помещений, проведение маскировочных мероприятий, дана характеристика установленного оборудования и боевого покрытия подземных убежищ...

Директор Военно-исторического музея артиллерии,
инженерных войск и войск связи Крылов В.М.
22 января 2014 г.» [5].

Таким образом, материалы экспозиции и архива Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи свидетельствуют об основных этапах строительства, устройстве отдельных объектов и эскизах интерьеров.

Что же можно сказать по поводу судьбы объекта в военное и послевоенное время? К сожалению, а может быть и к счастью, ЗКП «Нева» ни разу не был использован по прямому назначению во время Великой Отечественной войны. В послевоенное время были демонтированы домики-декорации по причине их негодности. В 1990-е годы большинство объектов было ликвидировано, засыпано и законсервировано, а остальные сейчас запущены и затоплены. Входы в два объекта, находящиеся на открытой части парка, были заварены ФСБ РФ также в 1990-е годы. В 2000-х годах вход в один из объектов был вскрыт диггерами, вода была откачена, сделаны уникальные фотографии [4]. В 2015–2016 годах вход в этот бункер был вновь заварен. К сожалению, в настоящее время объекты находятся в плачевном состоянии: они затоплены, у входа лежит мусор. Грунтовые воды, трудности с которыми были еще при строительстве, сыграли свою роль. Судя по фотографиям диггеров, интерьеры не сохранились – внутри остались только ржавчина и грязь.

Некоторые оборонительные сооружения Санкт-Петербурга, хорошо сохранившиеся со времён войны, реставрируются энтузиастами из военно-патриотических клубов. В этой связи очень интересна была бы идея музеефикации объекта ЗКП «Нева», но на откачку

воды и воссоздание исторических интерьеров требуется колоссальное количество средств [3]. К тому же, созданию музея мешает неизвестность принадлежности объекта. Стоит надеяться, что в парке Лесотехнического университета хотя бы установят мемориальные доски, чтобы данные о ЗКП «Нева» стали общедоступными.

Использованная литература и источники:

1. Адонина Н. Домики над бункером // С.-Петерб. ведомости. – 2017. – 8 сентября.
2. Козлов Е.А. Объект «Нева» к 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады // Лесотехник. – 2013. – № 4. – С. 10.
3. Сажин А. Потенциальный музей – под ногами // Невское время. – 2014. – 9 сентября.
4. КП Нева // ФортоведЪ : форум. – URL: <http://fortoved.ru/forum/index.php?t=msg&goto=51521&rid=0> (дата обращения: 12.11.2015).
5. Фонды ВИМАИВ и ВС (СПб., Александровский парк, д. 7).
 - 5.1 Архивная справка «О строительстве в 1943 году командного пункта Ленинградского фронта (объект «Нева») на территории парка Лесотехнической академии».
 - 5.2 Фотографии бункера.
 - 5.3 Макеты бункера.

**Воронцова Дарья, Серякова Екатерина,
Чернявская Вероника**

11 класс, ГБОУ школа №156

с углубленным изучением информатики

Калининский район

(руководители – Королева А.В., Титова Е.Ю.)

История школы № 156

в годы войны в лицах

14 января 1941 года по решению № 34 п. 1404 Ленгорисполкома была учреждена единая нумерация школ, и по адресу 9-я Советская, 4/6 открылась школа № 156 на базе средней школы № 3 Смольнинского района (до революции – городской училищный дом им. Н.В. Гоголя). История учебных заведений на 9-й Советской началась в 1912 году, за небольшим исключением, когда в 1916–1917 гг. в здании находился лазарет. С 1912 по 1941 гг. названия учебных заведений часто менялись [8–9].

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Адрес	Годы	Название и номер
9-я Рождественская, 4/6	1912–1915	Городской училищный дом в память Н.В. Гоголя
	1916–1917	Городской лазарет № 6
9-я Советская, 4/6 (б. Рождественская)	1918–1930	103-я школа 1-й и 2-й ступени Володарского района
	1931	103-я фабрично-заводская семилетка Володарского района
	1931–1933	103-я фабрично-заводская девятилетка Володарского района
	1934	3-я фабрично-заводская девятилетка Володарского района
	1935–1936	3-я полная средняя школа Володарского района
	1937–1940	Средняя школа Смольнинского района № 3
	1941–1944	Школа Смольнинского района № 156
	1944–1954	Женская школа № 156 Смольнинского района
	1954–1965	Школа Смольнинского района № 156
		
		
Меншиковский пр., 15/3	1968–1997	Средняя школа № 156 Калининского района
	с 1997	Средняя школа № 156 с углубленным изучением информатики
		

С 1 сентября 1968 года школа находится по адресу: Меншиковский пр., 15/3 – это район площади Мужества, проспекта Непокоренных и Пискаревского мемориального кладбища. Несмотря на то, что школа изменила свой адрес, мы чувствуем свою сопричастность к событиям Великой Отечественной войны и ответственность за сохранение памяти человеческого подвига.

Работа школы № 156 в начале войны

Школа № 156 (9-я Советская ул., д. 4/6) была одной из немногих школ Ленинграда, работавших в годы войны. Эту информацию мы получили из двух источников:

- сборник дневниковых записей «Юные участники обороны Ленинграда», составитель Сергей Шелестов
- дневники А.А. Бардовского.

До официального начала учебного года (3 ноября 1941) главной обязанностью учителей и старшеклассников было дежурство на крышах, обезвреживание «зажигалок».

Сохранились воспоминания ученика 156 школы А. Фокина:

«1 сентября 1941 г в 156 школе Смольнинского района, в которой я закончил 7-й класс и перешел в 8-й, занятий не было. Из нас, учащихся старших классов, которые пришли в школу, организовали бригады дежурных. В обязанности дежурных входила охрана здания от возможных пожаров, из-за попадания на чердаки и крыши зажигательных бомб... Один из дней нашего дежурства – 19 сентября 1941 года оказался днем интенсивной бомбардировки города. В этот день в 16 часов наша бригада находилась на крыше здания школы...» [10, с. 29–31]. Школа № 156 была одной из 103 школ Ленинграда, которая в 1941 г. начала учебный год 3 ноября. Этому есть документальные подтверждения. В архиве историко-политических документов сохранился дневник Бардовского Александра Александровича, учителя литературы школы № 156. Бардовский А.А. с 10 лет вел дневниковые записи, 9 тетрадей хранятся в Пушкинском доме (ИРЛИ РАН), последняя, десятая, блокадная тетрадь хранится в ЦГАИПД СПб.

Бардовский Александр Александрович (1893–1942 гг.)

- Родился в Петербурге в учительской семье
- Окончил Петербургский университет
- Литератор, автор книги: «Театральный зритель на фронте в канун Октября» (Л., 1928), пьесы «Вожатый» (Л., 1936), театрализованных игр: «Бунт игрушек» (Л., 1925), «Да здравствует солнце!» (Л., 1929)
- Театровед, преподаватель техникума сценических искусств

- Учитель русского языка и литературы школы № 163 Смольнинского района Ленинграда (1936–1941 гг.)
- Учитель русского языка и литературы школы № 156 Смольнинского района Ленинграда (1941–1942 гг.)
- Автор дневников, хранящихся в Пушкинском доме (ИРЛИ РАН), ЦГАИПД СПб.

В музее школы № 163 Центрального района собраны материалы, посвященные учителям, работавшим в годы войны. Среди них есть воспоминания о А.А. Бардовском А.И. Хватова, доктора филологических наук, профессора РГПУ им. А.И. Герцена и учителя литературы Смольнинского района Ленинграда М. Блок. А.А. Хватов был учеником А.А. Бардовского в школе № 12 (163) в 1936–1937 учебном году: «Памятен первый урок: открывается дверь, и появляется уже немолодой человек в гимнастерке, но без знаков отличия. Походка стремительна, жест отчетлив. Полувоенная форма и энергичная манера не отвлекли, однако, внимание от его лица, характерность которого можно бы выразить одним словом – интеллигентность. В этом и была сокровенная сущность этого человека, воспринявшего духовность русской культуры «серебряного века» [1]. Ниже мы приводим отрывок из воспоминаний М. Блок: «Суровым морозным днем в бомбоубежище 156-й школы, куда школьники отправлялись на весь учебный день, учитель литературы ведет урок по Маяковскому, читает: «И жизнь хороша и жить хорошо!». Обстановка резко противоречит этому утверждению, но глаза ребят устремлены на учителя... Он в пальто, но это не мешает выразительности ораторского жеста. Вечером учитель запишет в свой дневник: «Жесткие морозы, до 30 градусов, снега масса. Сейчас нет луны, вечерами тьма... В школе холод! Все в пальто, шапках, слушают тихо, отвечают вяло...». Это был Александр Александрович Бардовский.

Уроки его были так оригинальны, что копировать их оказалось совершенно невозможно. Разбирая, к примеру, «Вишневый сад» и говоря о Гаеве, он показывал, как играют на бильярде, и объяснял, почему столько непонятных слов произносил этот герой. Один из его учеников, страстный книголюб, хорошо помнит эти уроки: «Почему я люблю книги? Началось с того, что Александр Александрович научил нас читать» [1]. Когда ученики Бардовского, вернувшиеся с фронта, пришли в свою школу, его уже не было в живых, он погиб от дистрофии. Вдова учителя пригласила их к себе домой и прочла выдержки из дневника Александра Александровича. Они с изумлением узнали, что их учитель был не удовлетворён своим преподаванием. Весной сорок первого после экзамена у одной учительницы он написал: «Отвечали прекрасно, лучше, чем у меня. Она умеет держать дисциплину...». Однако в следующей записи он уже иначе все оценил: «Действительно ли я так плохо преподаю? У нее зубрят наизусть, я бужу мысль, у меня класс весь горит».

Это был человек необычный. Сильный духовно, всегда творчески приподнятый, бескорыстный, он плохо справлялся с бытовыми трудностями, пренебрегал ими и чем-то немного напоминал Дон-Кихота. Блокадные испытания Александр Александрович воспринимал особенно остро из-за крайней своей впечатлительности, и мужества ему понадобилось, быть может, даже больше, чем людям более уравновешенным и спокойным.

В Пушкинском доме хранятся дневники учителя, которые, как оказалось, он вел на протяжении тридцати семи лет. «Я учусь во 2-м классе Петербургской 8-й гимназии. Мне двенадцать лет», написал мальчик в 1905 году на первой странице тетрадки... Его мать и отец – учителя. Русская интеллигентная семья заботливо воспитывает своих детей, приучает трудиться, любить науку и искусство, всякое дело выполнять тщательно и упорно. Так же пунктуально и честно он будет всю жизнь вести свой дневник, определив его значение только через двадцать девять лет, когда назовет его историей души человеческой: «Может быть, впоследствии, если этот дневник не погибнет, он даст кое-какой материал для историка начала XX века, и для писателя, и для психолога». Так дневник стал опорой человека, считавшего святым долгом занести на его страницы свидетельства очевидца, как бы это ни было ему трудно.

Мир сотрясает фашистская гроза, и на этом фоне проходит личная жизнь человека. 22 июля 1941 года: «Все отошло куда-то далеко в прошлое... Началась эвакуация ребят, школу заняло военное ведомство, дома на окнах наклеил полоски бумаги. Продолжают донимать болезни, приходят мрачные мысли. «Старая штука смерть, а каждому внове», — сказал Базаров и хорошо сказал». Он составляет списки оставшихся в городе ребят, ведет занятия в летней школе. Он болен, не подлежит призыву в армию и трудовой мобилизации. «Я немного завидую тем, кто ездил на трудовые работы, они, как все, здоровы, а я, выходит, болен. Они получили новые реальные впечатления о войне... Я внес бы свою лепту в оборону». Но основные учительские занятия тоже нужны городу... Огромная фугасная бомба упала на соседнее здание. Пожары. «Каждый раз, уходя в бомбоубежище, думаешь, не последний ли раз писал дневник? Не последний ли раз вижу его?...». «Попаданье рядом, мы поцеловались, прощаясь, готовые умереть. Тревога продолжалась три часа... О, будущие поколения! Знайте, что мы здесь переживаем...». «А тринадцатого радость – разгром немцев под Москвой... Учитель, один из многих, кто из поколения в поколение передает святыне ценности человеческой культуры — он дежурил, оборонял город, голодал, холодал и продолжал жить» [1]. А.А. Бардовский умер от истощения в январе 1942 года. Последняя запись в дневнике сделана 3 января 1942 года: «Я лежу больной... нет света... пишу при копилке...». Место захоронения А.А. Бардовского неизвестно.

Таким образом, благодаря сохранившемуся дневнику А.А. Бардовского мы сделали вывод, что школа № 156 работала до января 1942 года. Информации о дальнейшей работе школы № 156 не было, пока весной 2015 года на адрес школы не пришло письмо с обратным адресом «ул. Центральная, д. 1, кв. 1, д. Григорово, Новгородский р-н, Новгородская обл.», автором которого была Пушкина Антонина Васильевна, выпускница школы № 156 1950 года.

Пушкина Антонина Васильевна

- Родилась в Ленинграде в 1931 г.
- Пережила Ленинградскую блокаду
- Училась в школах Смольнинского района г. Ленинграда: № 174 (1938–1941), № 156 (1942–1950)
- Окончила школу № 156 с серебряной медалью
- В 1954 году с отличием окончила физико-математический факультет ЛГПИ им. Герцена
- Работала в народном образовании в качестве учителя и директора школы Алтайского края и Новгородской области более 30 лет
- Имеет государственную награду «Отличник просвещения СССР».

В ходе переписки мы узнали, что Антонина Васильевна 1 сентября 1942 стала ученицей 3-го класса школы № 156, училась в ней всю войну и окончила ее в 1950 году с серебряной медалью. Документы из личного архива Антонины Васильевны подтверждают эту информацию (аттестат и ведомость за 6 класс). Основную часть личного архива Антонина Васильевна передала в музей РГПУ им. А.И. Герцена, некоторые документы – нашей школе: свидетельство о рождении; справки о месте проживания в городе Ленинграде с 1937 по 1943 гг. и с 1943 по 1954 гг.; аттестат зрелости (копия); трудовая книжка; удостоверение к знаку «Жителю блокадного Ленинграда»; фотографии.

Воспоминания А.В. Пушкиной послужили ценным материалом для книги Виктора Иванова «Маятники судеб» [4]. «С 1 сентября 1942 года я определилась в школу № 156, находившуюся в пристройке к основному пятиэтажному корпусу, законсервированному по случаю малочисленности контингента учащихся...

...Было организовано несколько учебных групп по 25 человек с третьего по пятый класс. Классы со временем добавлялись, школа перешла в разряд средней, а где-то в 1944–45 годах приобрела статус женской школы...

...Все старались учиться хорошо, несмотря на то, что на класс иногда бывал только один учебник...

...Из белой бумаги сшивали самодельные тетради, но чаще всего их делали из газет, а писали в них между строк...

...Школа располагалась недалеко от Смольнинского госпиталя. Здесь мы были желанными гостями. Выступали с концертами, приносили книги, бумагу, карандаши, писали под диктовку раненых бойцов письма их родным и близким. Письма по содержанию были короткими: «Я жив и здоров, не волнуйтесь, нахожусь в госпитале...

...Каждый ученик, у кого доставало здоровья и сил, один раз в неделю из госпиталя домой привозил по стопке чистого белья для починки. Мама научила меня шить на машинке, да и сама помогала мне чинить белье...

...После прорыва блокады в городе появилось много воинов-инвалидов, из ленинградцев. Они вернулись в свои опечатанные комнаты или квартиры. Инвалидам понадобилась наша помощь. Я ходила на 8 Советскую, где мыла посуду и пол, подметала. Мой подопечный был без ноги, передвигался на костылях. Мы с честью выполняли это задание, оно было под стать боевому поручению...» [4, с. 645–666].

Стало очевидно, что школа № 156 работала с 1 сентября 1942 года до конца войны.

Сейчас главным делом своей жизни Антонина Васильевна считает передать все, что она помнит о блокаде нам, живущим в XXI веке. Учителя и ученики школы № 156 с 2015 года состоят в переписке с А.В. Пушкиной, которая, несмотря на преклонный возраст, проявляет живой интерес к нашей работе и пытается оказать помощь в создании краеведческой экспозиции «История школы № 156 в лицах в годы войны».

От редакции: факт работы школы № 156 в годы блокады, установленный авторами исследования ещё предстоит уточнить, изучив архивные документы военных лет, чтобы внести номер школы в список образовательных учреждений города, работавших в годы блокады Ленинграда (см. книгу Селиванова Валерия Николаевича – «Стояли как солдаты: Блокада. Дети. Ленинград». – СПб.: ЭГО, 2002 (Тип. БЕЛЛ). – 222 с.)

Использованная литература и источники:

1. Бардовский Александр Александрович // 163 школа : [сайт]. – URL: <http://sch163.acentr.gov.spb.ru/history/before/bardov.htm> (дата обращения: 05.03.2019).
2. Данилов П.П. И в блокадном Ленинграде дети учились // Отечественная история. – 2004. – № 3.
3. Дети и война : вспоминают школьники блокадных лет / авт.-сост. Н.Я. Спиридонова. – СПб.: ДД(Ю)Т «На Ленской» Красногвардейского района, 2014. – С. 35, 51.
4. Иванов В.Н. Маятники судеб: исторические сведения о Медведском поселении и его жителях в годы Великой Отечественной войны 1941–45 годов. – Великий Новгород, 2015. – 859 с.
5. Личные архивы родственников и коллег Копылова П.С., Пушкиной А.В.

6. Память сердца: воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – СПб., 2006. – 128 с.
7. Столбова Н.П. Школы Красногвардейского района в годы Великой Отечественной войны. – СПб. : Дворец Детского (юношеского) творчества Красногвардейского района Санкт-Петербурга, 2010.
8. ЦГА СПб. Ф. Р–2925. Оп.1–1.
9. ЦГА СПб. Ф. Р–2925. Оп.1–2.

Васильева Полина

10 класс, ГБОУ школа № 416

«Школа развития личности

имени В.В. Павловой»

Петродворцовый район

(руководитель – Шиманская А.В.)

Вера Фарберг – актриса Блокадного театра

Вера Фарберг, 1924 г. Фрагмент фотографии «Выпуск 1924 г.»

ШКОЛА № 416 была основана в 1906 году, как Петергофская частная женская гимназия Веры Васильевны Павловой и является одним из старейших учебных заведений города Петергофа. Здесь в разное время преподавали, учились многие люди, известные как в нашей стране, так и за рубежом. Благодаря воспоминаниям известной выпускницы школы, Валентины Морозовой-Дюфур «Мои воспоминания о нашей школе» известно, что В.Т. Фарберг была ученицей Единой Советской Трудовой школы им. В.И. Ленина.

Первым источником, к которому я обратилась в поиске возможной информации о В.Т. Фарберг, стал школьный музей, ведь в его фондах насчитывается более 200 анкет воспитанников довоенных лет. Среди них есть анкеты известных выпускников школы, таких как С.С. Гейченко, Н.И. Гапеенка, супругов Касатоновых и многих других. Мне посчастливилось: среди анкет нашлись две, заполненные Верой Тихоновной и Марией Тихоновной Фарберг. Тщательно изучив документы, я справедливо могу предположить, что Вера и Мария являются родными сестрами. Во-первых, об этом говорят общая фамилия и отчество. Во-вторых, домашний адрес во время обучения обеими довоенными воспитанницами школы указан один и тот же: Петергоф, Парковая ул., д. 5. На данной улице и близ прилежащих во времена детства и юности сестер Фарберг, располагались казармы 148 Пехотного Каспийского полка. Из данных анкет, Вера, старшая сестра, родилась 7 сентября 1907 г., а Мария – 25 марта 1915 г. Для исследования, наибольший интерес представляет анкета старшей сестры, Веры. Она указывает, что она обучалась в школе с 1916 по 1924 г., а на вопрос, в каких классах обучалась, пишет, что «с первого по десятый» [2].

Таким образом, осенью 1916 года, в возрасте почти восьми лет (дата рождения «7» сентября 1916 г.) Вера успешно выдержала экзамены по арифметике, русскому и французскому (диктанты) языкам и была принята в старший подготовительный класс женской гимназии В.В. Павловой. В то время в гимназии существовал основной курс гимназического обучения, рассчитанный на 7 лет, и дополнительный педагогический класс, окончив который девочки получали звание домашней наставницы и право преподавания, что и указывалось в документе об окончании гимназии. После революции 1917 года, конечно, условия обучения изменились. Далее, благодаря анкете, заполненной В.Т. Фарберг, мне стали известны уже два факта, ее полное имя, отчество, год окончания школы и некоторая информация о ее семье.

Интересно, что 1924 год указан, как год окончания школы у создателей школьного гимна, Павла Кортылева и Сергея Дюфура. Отсюда делаю вывод, что они были одноклассниками. И, возможно, находились в дружеских отношениях. Это предположение основано на том факте, что Вера Тихоновна Фарберг сообщает в анкете, что участвовала в «выступлениях с художественным чтением» [2]. Из данного увлечения, на мой взгляд, следует, что на мировоззрение Веры повлиял учитель литературы Леонид Михайлович Измайлов. «Мы очень любили школу. С грустью мы покидали ее стены и, после окончания, не порывали связи с ней. Почти все члены литературного-художественного кружка продолжали посещать его занятия и после окончания школы. Усталые, но радостные и счастливые мчались мы в школу, на кружок», – писала В. Морозова [8, с. 13].

Очевидно, что художественная атмосфера, царившая в школе, и определила дальнейший жизненный путь девушки, в 1924 году получившей документ об окончании школы. На вопрос анкеты «Ваша трудовая деятельность», В. Фарберг пишет «Артистка театра чтеца» [2]. В фондах музея школы собраны аттестаты и свидетельства об окончании школы, имеются и удостоверения, свидетельствующие об окончании школы в 1930-х годах. Именно такие и получили Вера Фарберг, Павел Кортылев, Сергей Дюфур и многие другие. В музее есть стенд и витрины, посвященные 1920-30-м годам. Кроме удостоверений, представлены фотографии тех лет. Мы можем узнать, как выглядели старшеклассники того времени. Можно увеличить фотографию «Выпуск 1924 г.» и увидеть, как выглядела в 1924 году Вера Фарберг. В настоящее время, это единственное ее изображение, которое мне удалось разыскать.

Из анкеты младшей сестры Веры, Марии Фарберг, известно, что она училась до 1930 г. и окончила в школе только семь классов, была старостой. Однако сегодня отсутствуют материалы, позволяющие узнать биографические сведения о Вере Фарберг после окончания школы в 1924 г. вплоть до 1937 г.

Работа в театре кукол в 1930-е годы

Располагая сведениями о В. Фарберг из воспоминаний ее соученицы, В. Морозовой-Дюфур и анкеты, заполненной лично В.Т. Фарберг, в которой есть запись о трудовой деятельности – «артистка Большого Театра кукол», для дальнейшей работы я обратилась к интернет-ресурсам, в частности к сайту «Кино-театр».

На странице сайта «История Большого театра кукол» можно узнать, что со дня своего основания в 1931 г., театр неоднократно менял названия. В 1939 году театр получает название «Второй ленинградский театр кукол», в 1940 году занял здание на улице Некрасова, д. 10, где и находится по настоящее время. После войны, в 1955 г. театр был переименован в «Ленинградский государственный Большой театр кукол». Сегодня это Санкт-Петербургский государственный Большой театр кукол. В разделе «Актеры» представлены сведения о В.Т. Фарберг, которая, по информации данного ресурса, работала в театре с 1951 по 1961 гг. Фотография актрисы отсутствует [5]. Информация о годах работы в Большом театре кукол, по всей видимости, не полная. Если изучить представленные на сайте Большого театра кукол в разделе «История» отсканированные афиши этого театра за 1937 г., 1939 г. и 1940 г. можно увидеть, что актриса В.Т. Фарберг уже выступала в спектаклях [7]. В 30-е годы в Ленинградском Большом театре кукол насчитывалось более десяти спектаклей. «...Репертуар театра был самостоятелен и оригинален. Значительным событием в жизни коллектива стал спектакль «Бев-

ронский луг» по роману Р. Роллана «Кола Брюньон». «Бевронский луг» предназначался детям старшего возраста, но театр не забывал и о малышах. Им он предлагал «Сказку о глупом мышонке» С. Маршака, «Сказку про деда Бородатого и медведя Мохнатого» Г. Матвеева [7].

Пятьдесят лет назад в 1939 году театр ставит пьесу И. Карнауховой и М. Туберовского «Илья Муромец», в которой прославлялись лучшие качества народного героя: любовь к Родине, бескорыстие, мужество, храбрость, великодушие... Большое значение в спектакле придавалось образу Матери. Она напутствовала сына на героические деяния, к ней Илья Муромец всегда возвращался. Если сам герой воплощал в себе силу и мудрость народа, то Мать воспринималась в спектакле как символический образ Родины. В роли Матери в спектакле были заняты две актрисы, одна из которых – Вера Тихоновна Фарберг. В спектакле «Храбрый портняжка», который весело и увлекательно рассказывал о похождениях неунывающего героя, сумевшего благодаря находчивости и смекалке победить огромных великанов, одурачить знатных вельмож, актриса исполняла роль Разбойника.

Таким образом, из информации, представленной на афишах, можно сделать вывод, что Вера Фарберг была занята в спектаклях в Ленинградском театре кукол с 1937 года и работала в театре до начала Великой Отечественной войны.

Выступления в блокадном Ленинграде

Довоенный Ленинград был крупнейшим культурным центром страны. В городе работали драматические, музыкальные и кукольные театры. Многие ленинградские артисты были хорошо известны как в Советском Союзе, так и за его пределами. Беды, принесенные войной и блокадой, были бы способны полностью уничтожить театральную жизнь, оставив только память о ней. К сентябрю 1941 года число артистов в городе значительно сократилось. Одни – по призыву или добровольно – ушли на фронт, другие, часто – целые коллективы, были эвакуированы. И все же в городе осталось немало артистов. На встрече выпускников довоенных лет в школе, заполняя анкету, Вера Тихоновна ответит на вопрос «Участие в Великой Отечественной войне (на фронте, в тылу, оккупации, время, звание, должность)», что «выступала в концертных бригадах на Лен. Фронте» и подчеркивает, «на фронте» и «в тылу» [2].

В интернете можно найти статью журналистки Софьи Вольяновой «Где стояла и была ли сама елка – не помню»: как Большой театр кукол и его сотрудники пережили войну» [3]. В данной статье говорится о том, «как один из самых старейших театров Санкт-Петербурга – Большой театр кукол – жил и работал в военное

время. Сотрудники БТК поделились историями и воспоминаниями из архивов театра: о новогодних елках после начала бомбежек, голодающих артистах и выступлениях в землянках. Мастеров Второго Ленинградского государственного театра кукол, оставшихся в осажденном городе, было немного: В.Г. Беляков, Т.С. Белякова, М.Г. Бровман, Е.Н. Вартанов, О.И. Горбунцова, Н.В. Комарова, Н.К. Комина, Т.А. Максимовская, С.А. Рубанович, В.Т. Фарберг, В.В. Фейтен, С.Н. Шапиро» [3].

Так я узнала, что Вера Тихоновна Фарберг работала в театре во время блокады: «Зимой 1941 года все они страдали от истощения, но устроили новогоднюю елку для детей блокадного Ленинграда. Актеры читали историю об Аладдине и волшебной лампе, избегая любого упоминания о еде». Поставленный в 1940 году в театре спектакль «Алладин и волшебная лампа» «...был проникнут восточным колоритом сказок «Тысячи и одной ночи», полон фантастических событий, удивительных чудес. На сцене в мгновение ока появлялся и исчезал огромный Джинн, вырастал золотой дворец, на месте выжженной солнцем пустыни возникал цветущий оазис». «Но большинство детей, сидевших в зале, смотрели не на ширму, а на котел с жидким овсяным киселем — новогодним угощением» [3]. А ведь несмотря на лишения, артисты не могли говорить тусклыми и унылыми голосами. Играть новогоднюю елку для замерзающих и голодных детей, не позволяя себе проявлять грусть и отчаяние. Чего это стоило артистам!

Артисты «дежурили на крышах, участвовали в строительстве оборонительных сооружений, помогали друг другу выжить, словом, делали то, что делали в это время все ленинградцы, уверенные, что они отстоят свой родной город. Они жадно вслушивались в сводки Совинформбюро, стиснув зубы, проходили мимо руин на месте прекрасных ленинградских зданий, теряли близких. Они мерзли, голодали и... играли. Играли в своем театре для детей, которых становилось все меньше. Играли по госпиталям для раненых, которых становилось все больше. Играли в заводских цехах перед рабочими, на призывных пунктах и в воинских частях перед защитниками города».

В феврале 1942 года театр эвакуировали. По ледовой дороге коллектив выехал из осажденного города и направился в Новосибирск. «Во время войны на грузовике, кузов которого актеры сколотили сами, коллектив театра отправился в эвакуацию в Сибирь. Дважды побывали в блокадном Ленинграде, были в Кронштадте» [4, с. 75]. В отчете деятельности театра за 1942 год есть запись о вынужденном переезде театра: «Эвакуация театра была вызвана, помимо общеизвестных причин, также состоянием здоровья артистов, среди которых началась смертность. После выезда из Ленинграда артисты-исполнители были в таком состоянии, что приступить к работе не

могли, так как находились на излечении в больницах (дистрофия, авитаминоз, сыпной тиф), и лишь спустя около четырех месяцев театр приступил к работе. В начале июня театр возобновил работу в условиях эвакуации. Только за шесть месяцев кукольники выступили перед 70 тысячами зрителями, показывая представления-сказки для детей, сатирические спектакли для взрослых. Играли в ангарах аэродромов перед летчиками, на палубах кораблей Тихоокеанского флота перед моряками, играли на лесных полянах перед воинами-сибиряками, которые готовились к отправке на фронт» [3].

Из материалов статей и воспоминаний сотрудников известно, что В.Т. Фарберг во время блокады находилась в осажденном Ленинграде. Работала зимой 1941 г. в театре, выступая перед его жителями на новогодних представлениях. Была ли Вера Тихоновна эвакуирована в составе театра в Новосибирск? Да, была. Это можно выяснить благодаря найденному на одном из сайтов, посвященных истории театра, «Пригласительному билету». По всей видимости, Вера Тихоновна Фарберг была эвакуирована в составе труппы «Ленинградского государственного театра кукол», так как 2 декабря 1943 г. в 9 часов вечера принимала участие в концерте в г. Новосибирске [9]. Из воспоминаний Валерии Киселевой, одной из актрис Большого театра кукол, присоединившейся к ансамблю во время эвакуации в Новосибирске: «В 1943-м бригада была направлена в Москву, потом в Ленинград - с куклами (не играющими в спектаклях). Город казался мертвым, в нем было страшно безумно. Обстрелы, бомбежки, впечатление было такое, что все пусто и бомбы гвоздят уже пустоту. Мы с Тураевым и Вячеславом Беляковым, с С. Рубановичем дали 90 концертов (программа для школьников). Детей было очень мало, иногда восемь-десять человек. Играли для бойцов – в землянке (в одной из землянок нас покормили), в трюме корабля, в Кронштадте, куда ехали на катере под обстрелом. В Выборгском доме культуры: 2-е отделение – концерт, 1-е – куклы. В Морском соборе в Кронштадте было –15°С. Я была в белом платье шелковом, а на стенах собора – изморозь в несколько пальцев толщиной. Мы с Беляковым танцевали. Было очень трудно, но как-то это иначе ощущалось. Хотелось только, чтобы окончился этот кошмар войны для всех. Вроде все успели, только до дому своего я не дошла: ни сил, ни времени не было» [3].

«В июле 1943 года театр был приглашен на гастроли в Москву и Калинин, а в сентябре состоялась краткая встреча с родным городом. Взволнованно ходили актеры по знакомым улицам, как на чудо смотрели на движущийся трамвай, зашли, конечно, и в помещение своего театра (там в это время располагалась воинская часть), вспомнили друзей, жизни которых унесла блокада, война. Актеры, охваченные необыкновенным подъемом, выступали перед ленин-

градцами. Со слезами расставались с ними, уверенные, что теперь это уже ненадолго, что скоро блокада будет окончательно снята. Уверенность оправдалась. 1 апреля 1944 года коллектив навсегда вернулся в Ленинград, в родной дом на улице Некрасова. И закипела работа. Нужно было залечить раны, нанесенные зданию разрывами вражеских бомб и снарядов, нужно было думать о будущей мирной жизни театра. И эта жизнь пришла, наполнив зрительный зал ребячьим гомоном и смехом, принеся с собой новые радости, новые поиски и новые творческие достижения» [3].

Еще важный факт. Вера Тихоновна Фарберг написала в анкете, что награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Использованная литература и источники:

1. Абасалиев Р. К истории 148-го пехотного Каспийского полка // Нева. – 2007. – № 10; Электронная версия // Журнальный зал: [сайт]. – URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/10/abna14.html> (дата обращения: 05.03.2018).
2. Анкета воспитанника довоенных лет школы № 416 Веры Фарберг, 1986 г. // Фонд музея истории школы № 416.
3. Вольянова С. «Где стояла и была ли сама елка – не помню», как Большой театр кукол и его сотрудники пережили войну // Большой театр кукол : [сайт]. – URL: <https://paperpaper.ru/photos/btk-in-war/> (дата обращения: 05.03.2018).
4. Голдовский Б.П. Куклы : энциклопедия. – М. : Время, 2004. – 496 с.
5. Санкт-Петербургский большой театр кукол // Кино-театр.ру : [сайт]. – URL: <http://www.kino-teatr.ru/teatr/949/> (дата обращения: 05.03.2018).
6. Калюжный И., Георгиевский В. Государственный гидрологический институт в годы Великой Отечественной войны // Гидрологи : [сайт]. – URL: <http://www.hydrology.ru/ru/news/gosudarstvennyu-gidrologicheskiiy-institut-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-avtory> (дата обращения: 05.03.2018).
7. Ленинградский государственный Большой театр кукол 1931–1981 (БТК 50 лет) // Драматешка : [сайт]. – URL: <http://dramateshka.ru/index.php/theatre-cockle/critique-and-articles/6037-leningradskiy-gosudarstvenniy-boljshoy-teatr-ku?start=2> (дата обращения: 05.03.2018).
8. Морозова В. Мои воспоминания о нашей школе, 1987 г. // Фонд музея истории школы № 416.
9. Пригласительный билет на концерт // Драматешка : [сайт]. – URL: <http://dramateshka.ru/index.php/theatre-cockle/critique-and-articles/6037-leningradskiy-gosudarstvenniy-boljshoy-teatr-ku?start=3> (дата обращения: 05.03.2018).

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

Мацуева Ольга

10 класс, ГБОУ гимназия №343

Невский район,

Юношеский Университет Петербурга

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Аксельрод В.И.)

Между поэзией и наукой (А.М. Городницкий, поэт и ученый, выпускник Ленинградского городского Дворца пионеров)

Александр Городницкий родился 20 марта 1933 года в Ленинграде. Его семья проживала в доме № 38 по 7-й линии на Васильевском острове. Александр вспоминает, что они жили в старом шестиэтажном доме, в коммунальной квартире на втором этаже и занимали узкую, как щель, комнатку в 13 квадратных метров с окном, упершимся в стену узкого колодца двора. По воспоминаниям Александра Городницкого, квартира раньше принадлежала одной весьма состоятельной семье и была довольно комфортабельной, о чем говорили лепные узоры на высоких потолках [5, с. 1]. Он один из тех, кого называют «детьми блокады». «Собирались мы поехать в Белоруссию под Могилев и в 41-м году, но в мае отцу задержали зарплату, не на что было купить билеты, и родители сняли дачу под Вырицей в Ленинградской области. Это нас спасло» [3, с. 5]. Как вспоминает в одном из интервью Александр Моисеевич: «Наш дом на 7-й линии сгорел в феврале 42-го. Не от бомбы или снаряда. В квартире этажом выше умерла соседка, от непогашенной ею «буржуйки» огонь мало-помалу перекинулся на соседние комнаты, а гасить его было нечем – воду ведь таскали из дальней проруби на Неве. Честно говоря, никто и не пытался тушить. Сил на это не осталось. Шестиэтажный дом дымился три дня, пока не сгорел полностью. Мы успели забрать вещи и перешли в квартиру родителей мамы на 3-й линии» [12].

Мать Саши была учительницей начальных классов, и в апреле 1942, когда их школу эвакуировали в деревню под Валдай, она взяла своего сына с собой [6, с. 5]. Они ехали на грузовиках по трассе, про-

ложенной через Ладожское озеро. Машины шли ночью, с погашенными фарами, чтобы их не заметили немцы. Многие машины тонули, проваливаясь под весенний лед. Вышло так, что немцы уже близко подошли к этим местам, в то время как Ленинград пока оставался в относительном тылу. Одним из последних эшелонов детей вывезли назад, в Ленинград. Александру запомнилась бомбежка на станции Бологое, когда их загнали под вагоны, а все вокруг было красиво и ярко освещено сброшенными с немецких самолетов осветительными ракетами. В последних числах июля вместе с эшелоном Картографической фабрики они отправились в эвакуацию в Сибирь, где организовывался филиал для срочного выпуска военно-морских карт. Детей пересаживали в товарные вагоны и по железной дороге отправили в Омск, где работал его отец [5, с. 4]. Блокада для Александра кончилась, но целый год он не посещал школу из-за дистрофии. «Мне позабыть окончательно надо бы Вой нестерпимый сирены ночной, Черные проруби вздыбленной Ладоги, Город блокадный, покинутый мной. Эвакуация, эвакуация, Скучный паек, затемненный вокзал. Рельсы морозные, стыками клацая, Гонят теплушки за снежный Урал...» [4, с. 14].

В эвакуации, класса с третьего, Александр пристрастился к чтению. В доме, где их поселили, каким-то образом оказались подшивки старых журналов «Вокруг света», которые он перечитывал по несколько раз, мечтая о дальних путешествиях [3, с. 6]. Может быть, именно поэтому география стала его любимым предметом. В клубе по два раза в неделю показывали кино и слушали песни, впервые прозвучавшие с экрана, они очень нравились мальчику.

В сентябре 1945-го Александр с родителями возвратился в родной Ленинград. Его отцу дали комнату в большой коммунальной квартире на Мойке, д. 82 [3, с. 7]. Крыша дома была пробита снарядом, и вода после дождя текла внутрь. Чинили, а она опять протекала... [12]. Этот дом был построен в 1871 году по проекту архитектора Павла Сюзора и известен, как «Воронинские бани», тут Александр прожил более десяти лет [9, с. 34]. В 1947 г. Александр Городницкий учился в седьмом классе 254-й семилетней школы, расположенной напротив Никольского собора, в доме на углу проспекта Римского-Корсакова и улицы Глинки. Школа помещалась в старинном здании с высокими потолками и лепными карнизами. Марки, которые он начал собирать еще в 1944-м, в эвакуации, уже поднадоели. Пробовал в шестом классе начать собирать открытки, но из этого тоже ничего не получилось. Тогда была пора коллекционирования, и все что-нибудь собирали. Отец решил занять его фотографией и подарил на день рождения свой старей «Фотокор» [3, с. 10-11].

Стихи он начал писать случайно. В это время в седьмой «Б» пришел новенький – Володя Михайловский, он очень красиво рисовал, и кто-то посоветовал ему, в том далеком 1947 году, пойти в художествен-

ный кружок при Ленинградском Дворце пионеров, располагавшийся в Аничковом дворце. Володя, которому не хотелось записываться в кружок одному, уговорил и Александра. Они долго ходили по коридорам второго этажа в поисках «художественной студии», увидели, наконец, надпись: «Студия рисования», но двери оказались заперты. Они повернули обратно, но, когда уже дошли до конца коридора, Александр увидел приоткрытую дверь, за которой звучали стихи, подошел поближе и прислушался. Это были очень красивые и совершенно неизвестные стихи. Читал их негромким глуховатым голосом невысокий, стройный и курчавый черноволосый мужчина в толстых роговых очках и темной гимнастерке без погон, перехваченной в талии широким офицерским ремнем (им оказался Ефим Григорьевич Эткинд). На столе перед ним лежала толстая открытая офицерская кожаная полевая сумка, набитая книгами. На стульях перед столом, спиной к дверям, сидели несколько ребят и девушек, примерно на класс или на два постарше. «Ну, чего ты застрял, пойдем!» – окликнул его друг, «Иди, я еще побуду», – неожиданно для себя ответил Александр и, тихо открыв дверь, надпись на которой так прочесть и не успел, вошел в комнату и, стараясь не шуметь, сел на крайний стул. Никто из присутствующих не обратил на мальчика никакого внимания – все были заняты слушанием стихов [3, с. 11]. Так в феврале 1947 года началось его увлечение стихами, затянувшееся на долгие годы. Для приема в «Студию литературного творчества» (вот что было написано на дверях) необходимо было представить один собственноручно написанный рассказ или два стихотворения. У Александра Городницкого к тому времени уже было в запасе одно стихотворение, посвященное умирающему гладиатору, и подозрительно смахивающее на лермонтовское. Помучившись неделю, написал еще одно стихотворение, про татаро-монгольское нашествие (в то время он увлекался книгами Василия Яна «Батый» и «Чингиз-хан») [4, с. 13]. Там были такие строчки: «Монголы, монголы, монголы идут, И стонет земля под тяжелым копытом, И рвется тревожный набатный гуд: Монголы, монголы, монголы идут...» [4, с. 13]. Александра приняли в студию, но не в старшую группу, куда он случайно забрел, а в младшую, состоящую из семи- и восьмиклассников. На занятиях можно было сидеть как в той, так и в другой группе. Младшей руководил тогда ленинградский поэт Леонид Иванович Хаустов, человек маленького роста, с всклокоченными кучерявыми черными волосами и такими же угольными зрачками. Одет он был неизменно в коричневый костюм и темную рубашку с галстуком, ходил быстрой походкой, был темпераментен и эмоционален [4, с. 13]. Старшую группу вел поэт Глеб Сергеевич Семенов, или как его называли дети «Глебушка» [2, П-2, К-11]. Он был очень худой, небольшого роста, всегда державшийся с подчеркнутой прямотой и казавшийся сутуловатым. Волосы

его, в противоположность Хаустову, были прямыми и всегда гладко зачесанными. Ходил он неторопливыми длинными шагами на как бы негнущихся ногах. Пиджак строгого темного цвета висел на его плечах так же прямо. Строгость его внешнего облика подчеркивалась всегда аккуратно завязанным галстуком и негромким глуховатым голосом [4, с. 13]. Он не культивировал в ребятах духа «избранничества», раннего «предназначения», но был строг и требователен. Если ты взялся за написание стиха, то должен дорожить русским словом, заботиться о смысле, о музыке стиха [2, П-2, К-11]. Занятия по «теории литературы» вёл доцент Ленинградского педагогического института имени Герцена – Ефим Григорьевич Эткинд, в недавнем прошлом военный переводчик.

Так начались занятия во Дворце пионеров. Проходили они два раза в неделю – по средам и пятницам. Один день – «теория литературы», другой – практические занятия. Теория состояла в знакомстве с элементами стихосложения, рифмами, ритмами и так далее, а также с историей русской и мировой поэзии, которую старшеклассникам Эткинд читал на вузовском уровне. Практика заключалась в чтении и разборе стихов. Сначала проходили её у Хаустова, который обращался к ребятам: «Друзья мои!» и часто носил в авоське бутылочки с детским питанием [2, П-2, К-11], а потом под руководством Глеба Семенова «мы регулярно устраивали литературные игры – цепные стихи, буриме, акrostих... Глеб-гвардии Семеновский полк, как мы себя называли... Учитель любил повторять: «Я не могу научить вас писать стихи, но если сумеете отличать плохие стихи от хороших, будем считать, что мы с вами не зря тратили время» [12]. На занятии сначала читал стихи автор, затем слово предоставлялось всем желающим. Мнения можно было высказывать любые, но их обязательно полагалось аргументировать. «Нравится? Почему? Объясни, пожалуйста». «Не нравится? Опять же, почему?» Резюме обычно подводил руководитель [5, с.6]. В восьмом и девятом классах на занятиях литературной студии именно Глеб Сергеевич Семенов сформировал поэтическое мировоззрение Александра. После занятий школьники не хотели расходиться, обычно долго бродили по вечернему шумному Невскому или по тихой и безлюдной Фонтанке, беспрестанно читая стихи или разговаривая о них. Их жизнь, до того бессмысленная, обрела главный смысл [4, с. 14]. Студийцам было от пятнадцати до семнадцати лет, среди одноклассников Александра были Смолянский Боря, Берлин Витя, Банк Наташа, Лена Иоффе и другие. Банк Наташа писала на некоторых ребят эпиграммы, в том числе и на Алика, как тогда называли Александра Городницкого: «Алик! Доллар раздирай, Свой же рубль убирай». И ещё одна: «Реет Алик над камнями, Как геолог на ветру. Он простор не променял бы На английский доллар» [2, П-2, К-11]. Старшую группу одно время

посещал Василий Аксенов, поступивший после школы учиться в Первый медицинский институт. Там же занимались ушедший из жизни несколько лет назад многолетний главный редактор журнала «Нева» Борис Никольский, Владимир Торопыгин – главный редактор журнала «Аврора», Игорь Масленников, ставший потом известным кинорежиссером [4, с. 14].

В восьмом классе, в 1948 году, в главной городской газете – «Ленинградской правде» были впервые напечатаны стихи Александра. После этого, в 1949, несколько стихотворений напечатала газета «Ленинские искры». Это были его первые печатные публикации. В архиве музея Дворца пионеров в старой газете «Ленинские искры» можно прочесть его стихи, посвященные сорокалетию комсомола. «Мы с ними не шли, разрывая пургу, В январский суровый день, Под посвисты пуль, по колено в снегу, Сквозь зарева деревень...» [2, П-8, К-14]. В то время все вокруг постоянно твердили, что надо «приобретать жизненный опыт», зарабатывать себе рабочую биографию, изучать жизнь не по книжкам. И только Глеб Сергеевич не уставал повторять нам, что поэзия, так же как и наука, требует от человека глубоких профессиональных знаний и мастерства; что, не зная мировой поэзии, и прежде всего отечественной, нельзя создать ничего нового. «Рецепт один, – читайте, читайте и читайте», – повторял он [4, с. 15].

В числе жильцов большой квартиры был член Союза писателей – Николай Сотников, в комнате его была неплохая библиотека из старых книг, кое-что из которых его сын давал Александру почитать [5, с. 8]. Родители, как вспоминает Александр Городницкий, с утра до ночи пропадавшие на работе, приучали меня к тому, что каждый мужчина должен иметь «серьезную» специальность и трудиться, как и все, на производстве. Под словом «серьезная» понималась техническая. Искусство в семье воспринималось, в основном, как развлечение и отдых после работы, которая, неважно какая, но обязательно каждодневная, и являлась главной целью в жизни. Поэтому делать искусство своей специальностью Александр тогда не собирался. В то же время, математика и физика давались ему с трудом, а больше всего он любил литературу и историю, явно обнаруживая, к неудовольствию матери, гуманитарный уклон [5, с. 8].

Ленинград – Петербург в творчестве Александра Городницкого

Самые первые воспоминания Александра Городницкого связаны с такой картиной: «В начале моей родной улицы (7-я линия В.О. – авт.), перегораживая её, над хмурой невской водой сереют грузные корпуса кораблей, а над крышами окрестных домов торчат их высокие мачты. Седьмая линия Васильевского острова, между

Большим и Средним проспектами, на которой стоял наш дом, беря свое начало от набережной Невы вблизи Николаевского моста, в конце своем упиралась в Большую Невку около Тучкова моста» [5, с. 1]. Александр Моисеевич посвятил Васильевскому острову много стихотворений, вот одно из них: «Мороженое есть в том позабытом дне За столиком кафе, оранжевым и зыбким. Тридцатые года, Дворцовый мост в окне, Отцовское лицо освещено в улыбке...». Дом, казавшийся Александру тогда огромным, с высоким лепным фасадом и сохранившейся с дореволюционных времен красивой парадной с литыми бронзовыми ручками, выходил на бульвар, где были посажены молодые деревья, превратившиеся сейчас в высокие развесистые деревья. Поскольку родители днем работали, а вечером учились, и детских садов тогда было мало, большую часть времени первые четыре года он проводил с няньками [6, с. 4]. Институт няnek в начале тридцатых был весьма популярным и доступен. Как вспоминает Александр Городницкий, няньки были в основном женщины средних лет или пожилые, из Псковских, Новгородских или Вологодских краев, чаще всего верующие. Уходя утром в школу, мать обычно отправляла их гулять. Местами ежедневных прогулок были бульвары на 7-й линии или Большом проспекте, а в случае дальних прогулок – Соловьевский сад на углу 1-й линии и набережной Невы [3, с. 4], по которой Александр гулял со своим отцом, когда у него было свободное время [4, с. 5]. «Санкт-Петербурга каменный порог Славянские не одолеют тропы. Так близок он и всё-таки далёк От видимой, казалось бы, Европы!..». Другим любимым местом был зоопарк на Петроградской стороне. Туда надо было ехать на трамвае, хотя и не слишком далеко, а все-таки – настоящее путешествие через мосты. Трамваи тогда были с открытыми площадками и колокольчиком, объявлявшим отправление. «Прощай, трамвай, прошла твоя пора. Ты вровень стал с ненужными вещами. Тебе вчера лишь оды посвящали, А нынче выгоняют со двора...» [4, с. 4–5].

Многие стихотворения Александра Городницкого навеяны памятью о войне, например, стихотворение «До войны»: «Сижу дыханье затая И вспоминаю детство, Как будто вовсе и не я, А кто-то по соседству. Как будто вовсе и не я Жил в давний век, в котором – Бульвар, извозчики, семья, Кинотеатр «Форум»...»

Одной из ведущих тем лирики Городницкого с первых стихов становится его родной город. Он посвящает стихотворения и песни своим любимым местам Петербурга – это такие районы, как Васильевский, его малая родина, Коломна, где прошла его юность; набережные рек – Невы, Мойки, Фонтанки; площади – Дворцовая, Марсово поле; нередко в его стихах упоминается Елагин мост, Московский вокзал, Горный институт, а особенное место в стихах и песнях А. Городницкого занимают пригороды – Александровский

парк в городе Пушкине, Царское Село, Павловск, Гатчина, Комарово, река Сестра, Черная речка. Вот некоторые из них: «Когда сентябрь на дворе, Приди сюда, куда б ни шёл ты. Из жёлтых листьев – самый жёлтый Здесь Александровский дворец...». «Время, на час возврати меня в молодость снова, После вернёшь мою душу на круги свои! Дачная местность, бетонный перрон, Комарово, – Низкое солнце и запах нагретой хвои...» Об этом свидетельствуют и названия его поэтических сборников: «Атланты» (Поэтические сборники 1), «Новая Голландия» (2), «Давай поедем в Царское Село» (14), «Васильевский остров» (18), «Коломна» (29) и др.

Значительная часть поэтических произведений А. Городницкого посвящена выдающимся личностям нашего города: правителям (Петру I, Александру II, Петру III, Ленину), архитекторам (Растрелли, Росси), поэтам и писателям (Пушкину, Державину, Карамзину, Ахматовой, Блоку, Гумилеву, Кюхельбекеру, Лермонтову, Гоголю, Достоевскому, Пастернаку), бардам (Высоцкому, Окуджаве, Визбору).

Использованная литература и источники:

1. Аксельрод В.И. «Культурное гнездо» на Садовой ул., 14 : к 37-летию Петербургского творческого клуба «Парадиз» // IX Анциферовские краеведческие чтения. – СПб., 2016. – С. 159–166.
2. Архив музея истории Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных, фонд литературного клуба «Держание».
3. Городницкий А.М. «Атланты держат небо...» : воспоминания островитянина. – М. : Яуза ; Эксмо, 2011. – 444 с.
4. Городницкий А.М. Атланты. Моя кругосветная жизнь. – М. : Яуза ; Эксмо, 2013. – 735 с.
5. Городницкий А.М. И вблизи и вдали. – М. : Полигран, 1991. – 495 с.
6. Городницкий А.М. След в океане : док. повествование. – 2-е изд. – Петрозаводск : Карелия, 1993. – 589 с.
7. Городницкий А.М. Стихи и песни. – М. : Якорь, 2015. – 350 с.
8. Городницкий А.М. «У Геркулесовых столбов» : моя кругосветная жизнь – М. : Яуза ; Эксмо, 2011. – 444 с.
9. Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (учетных зданий) : справочник. – СПб. : Альг-Софт, 2001. – 517 с.
10. Велехов Л. [Интервью с Александром Городницким] // Радио «Свобода» : [сайт]. – 06.06.2015. – URL: <https://www.svoboda.org/a/27051351.html> (дата обращения: 05.03.2019).

11. Касперович Н. «Жизнь как случай» : [интервью с Александром Городницким] // Коммерсант. – 23.03.2008. – URL: <http://kommersant.ru/doc/2300497> (дата обращения: 05.03.2019).
12. Нордвик В. Александр Городницкий. Атлант // Родина. – 01.07.2017. – URL: <https://rg.ru/2017/07/05/rodina-aleksandrgorodnickij.html> (дата обращения: 05.03.2019).
13. Скляр Ю. Лирично о конце света : интервью с Александром Городницким // Читаем вместе : [сайт журнала]. – 01.10.2012. – URL: <http://chitaem-vmeste.ru/zvyozdy/interviews/lirichno-okontse-sveta-intervyu-s-aleks> (дата обращения: 05.03.2019).
14. Хоменко Н. Александр Городницкий: «Мужчины болтливы и тщеславны – не то что женщины!» // Im Werden Verlag : некоммерч. электронное издание. – 2004. – URL: https://imwerden.de/pdf/gorodnitsky_intervju_segodnja.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

Чусовитина Варвара

11 класс, ГБОУ гимназия №107,
Выборгский район
Юношеский Университет Петербурга
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Аксельрод В.И.)

Петербург Н.Я. Агнивцева

Одна из самых популярных среди жителей и гостей нашего города экскурсий по историческому центру называется «Блистательный Санкт-Петербург». Но мало кто знает, что «Блистательный Санкт-Петербург» – это название сборника стихотворений Н.Я. Агнивцева, изданного в Берлине в 1923 году, когда поэт находился в эмиграции. Разлука с любимым городом не могла не отразиться на настроении писателя.

Во время «театрального» периода образ Петербурга ушёл из его произведений, основной темой были экзотические мотивы (например, «Песенка о некой китайской барышне Ао», «Африканская идиллия» и пр.) и европейские любовные сюжеты («Это было в Барселоне 19-го мая», «В Севилье» об Испании Нового времени и пр.). Выделялась также тема Французской революции («Расеянный король», «Бильбокэ», «Пять минут» и пр.), в которой королевская семья представлялась занятой балами, играми, любовными интригами и пытающейся до последнего момента сбежать от ответственности монарха («Дофин устал! Дофин так занят! Дофин играет в бильбокэ!» – «Бильбокэ») [3, с. 44].

Но вдали от города, ставшего родным, Агнивцев создал целый сборник, главное действующее лицо, лирический герой которого – Санкт-Петербург. В стихотворениях упоминаются разные районы, здания, исторические персоналии, «петербургские образы», но, тем не менее, ясно, какие места Северной столицы привлекали Николая Яковлевича. В первую очередь, это Невский проспект. Главная магистраль города, его «визитная карточка» неоднократно упоминается в стихотворениях («Вдали от тебя, Петербург», «Станный город», «Санкт-Петербург», «У Александринского театра», «Когда голодает гранит...»), становясь олицетворением города и его жителей. В «Санкт-Петербургских триолетах» в прямом и переносном смысле единой нитью связаны три самые прекрасные для Агнивцева особенности Петербурга: Невский проспект, майские белые ночи и петербургские дамы – из «огней вечерних нити», «седых веков седой нити» и «любви изысканной нити» [1, с. 12] и соткана имперская столица.

Значительное место в творчестве занимает Петербургская сторона (ныне Петроградская). Поэта привлекают не только главные улицы, как Каменноостровский проспект, по которому лихо пронёсся гусар на тройке («На рассвете») и Большой проспект («На мосту, у Большого проспекта») стояла «голубая дама» из одноимённого стихотворения), но и маленькие переулки. «Всё это было в переулке, на Петербургской стороне, где все шаги чрезмерно гулки...» и где живёт «майора некого жена». Где-то рядом, «на углу Введенской улицы, позади сгоревших бань» обитает ещё одна героиня Агнивцева, Марь Иванна Иванова, возлюбленная одного прапора. Если Невский в стихотворениях более строг, то Петербургская сторона стала районом любовных походов, знакомых Агнивцеву не понаслышке, ведь он жил на Бармалеевой улице, в доме № 3.

В 1914–1915 поэт снимал квартиру по адресу Екатерининский канал, 59. Неудивительно, что Агнивцев создал одну из петербургских сказок, где главным героем стала именно эта водная артерия Петербурга. «Погрузившийся в печаль» канал, «где воды тяжелее стали за двести лет бежать устали» влюбился в Мойку, но она «отдала своё течение» [1, с. 52] Крюкову каналу, и наш герой пожелтел от неразделённой любви. «И, перерезавши кварталы, всплывают вдруг из темноты Санкт-Петербургские каналы, Санкт-Петербургские мосты!» (стих. «Гранитный призрак» [1, с. 42]). Последние также часто становились местом действия сенок Агнивцева, в частности любовных. Свидание – это мост, соединяющий два берега, даму и её кавалера. Мы встречаем на страницах сборника Поцелуев мост («Вдали от тебя, Петербург», «Туманная история»), белой ночью у Цепного моста (совр.

Пантелеймоновский) можно встретить Николая Васильевича Гоголя. Трагически звучит призыв «Подайте Троицкому мосту!» в стихотворении «Когда голодает гранит», посвящённому русской революции. Мосты соединяют центр Петербурга и его острова, излюбленное место отдыха горожан («моторов вереница летит, дрожа, на «Острова»). Агнивцев сравнивает их с южным архипелагом и восхищается ими: «Цвети, цвети, Елагин остров, цветок в петлице Петербурга!» («В архипелаге»). «Стрелка» Елагина острова было одним из центров культурной жизни, где собирались многие представители петербургской интеллигенции и не только. Для них «Солнце ...заходит ... для Петербурга специально – особо огненным закатом» («На «Стрелке») [1, с. 20]. Но что были бы все эти милые сердцу Агнивцева места, если бы не люди, которые одушевляют каменные стены, чугунные изгибы и холодные волны? Как уже упоминалось, Николай Яковлевич выделяет некоторые характерные для Петербурга образы, которые тесно переплелись в его памяти с городом и сопровождали его в эмиграции. Конечно, это петербургские дамы. «Скажите мне, что может быть прекрасней дамы Петербургской?..» - восклицает поэт в «Санкт-Петербургских триолетах». Дама никогда не описывалась подробно в его стихотворениях. Мы видим только пару деталей: мушку на щеке, может, цвет платья («...был на ней голубой кринолин»), изгиб плеч, цвет глаз («У неё зелёный капор и такие же – глаза...»). Но и важную статс-даму («Князь Павел»), и жительницу 17-ой линии Васильевского острова Агнессу Шмидт («В. О. 17 Л.») объединяют изящная кокетливость и женственность, благодаря которым читатели и сам Агнивцев прощают их лёгкий флирт с военными или канцелярскими служащими. Военные в его стихах, как и дамы идеализированы, предстают перед нами единым образом, который, как и образ петербургской красавицы, не имеет лица: «некий гвардии поручик», «неведомый офицер», «гусар» – их облик не описывается (только в стих. «На рассвете» упоминаются «лейб-гусарские усы» и «серые шинели»), но читатель всё равно достаточно точно представляет себе бравого молодого человека, ловкого и немного легкомысленного ухажёра. «Что ж? Кроме всяческих военных, есть и гражданские чины!». Неистовствовавший в любви судебный пристав («В. О. 17 Л.»), коллежский регистратор, вставший перед «майоровой женой» «агенощ» («На Петербургской стороне»), «некто в серой пелерине» («Туманная история») также противостоят мужу лирической героини и пытаются развеять скуку дамы. Конечно, муж Агнессы, воюющий майор и «некто в чёрной пелерине» не могут терпеть этого, и на этом конфликте построены многие стихотворения Агнивцева, как раннего, так и зрелого периода творчества.

Кроме обобщённых образов, Агнивцев обращается и к историческим персоналиям. Прежде всего, это Пётр I – основатель воспеваемого поэтом города. Поэт не превозносит первого российского императора: в стихотворении «Петр 1-ый» он выделяет тёмную сторону истории города: «На спинах держат град старинный сто тысяч мёртвых костяков безвестных русских мужиков!..» Но, всё же, он восхищается этим сильным человеком, который «ногой из золота и стали болото Невское попрал». Основатель Петербурга продолжает охранять Северную столицу с гранитной скалы в обличие «Всадника» [1, с. 17]. Его дочь, Елизавета Петровна, получила от Агнивцева весьма нелестную, саркастичную характеристику: «Любила очень веселиться весёлая императрица Елисавет!». Вторая строфа отсылает к конфликту императрицы и её статс-дамы, Натальи Фёдоровны Лопухиной, приговорённой к наказанию кнутом и вырыванию языка: «... на «площади Сенной» палач ... к ногам Царицы с чёрной плахи швырнул язык Лопухиной!» [1, с. 36]. Екатерину II Агнивцев называет не иначе, как «Российской Клеопатрой», имея в виду с одной стороны её могущество, но с другой стороны – любвеобильность. Её сын Павел I стал главным героем сразу двух стихотворений. Первое – «Князь Павел», где будущий император ещё совсем молод («это было при Елизавете») и заигрывает со статс-дамой, что расходится с образом рыцаря на российском престоле, сумрачного владельца Михайловского замка. Этот «классический» образ Павла представлен в стихотворении «Павел 1-ый» – «Судьбою в порфиру укутанный ... коронованный Богом капрал». Здесь же упоминается наследник престола Александр («Отчего тонкий рот Цесаревича дрожью странно так искривлён?») и возглавивший заговор против Павла I Пётр Алексеевич Пален. Имя Николая I мы не найдём в сборнике, так как Николай Яковлевич называет его просто «Император». Он танцевал с Натальей Гончаровой в Эрмитаже в стихотворении «Дама из Эрмитажа». Жена великого русского поэта не понимает пока всего таланта своего супруга: «В числе блистательных фамилий его, увы, нельзя назвать!.. Но он в руках моих игрушка!» [1, с. 26].

«Тот, чьё Имя я в своих стихах не смею до конца произнести...» – так Агнивцев пишет о Пушкине («Белой ночью»). Призрак Александра Сергеевича является поэту у «парапета над Невой» «в альмавиве» («Санкт-Петербург», «Белой ночью»). Николай Яковлевич видит Лермонтова в Летнем саду («Санкт-Петербург»), Гоголя в цилиндре и пелерине («Дама на свидании», «Белой ночью»), старика Державина («старый мастер сверкнул перед ней [дамой] всею мощью державинской оды» – «Голубая дама»). Образы поэтов и писателей неразрывно связаны с Петербургом, в этом Агнивцев, поэт Серебряного века, чувствует преемственность с творцами Золотого века русской литературы.

Какой же Петербург Агнивцева? «Старый, пышный Петербург», «Гранитный барин», «Ампирный Петербург» – с любовью пишет поэт. Но главный эпитет, проходящий через множество стихотворений – «странный»: «О, самый призрачный и странный из всех российских городов». Агнивцев с характерной для поэта чуткостью чувствует некую искусственность города, возведённого по воле одного человека, чьи пейзажи можно принять за декорацию в театре. Петербург Агнивцева в гранитной броне появляется каждый день из белой дымки тумана, всё такой же загадочный и таинственный. В эмиграции любовь Агнивцева к изменившемуся навсегда городу приобретает восторженно-ностальгический оттенок: «Всегда, как в медальоне локон, Санкт-Петербург – в душе моей!» («Дама в карете»). Побывав в Европе, поэт приходит к выводу, что ни Париж, ни Лондон, ни Берлин не могут заменить ему город белых ночей, оставшийся в прошлом: «За все Нью-Йорки и Парижи – одной берёзки не отдам!» («Гранитный призрак»). Поэтому слёзы на глазах вызывает простой коробок спичек: «От Петербурга лишь одна осталась мне – всего лишь эта коробка спичек Лапшина» («Коробка спичек»). Поэту не хватает городского, который смог бы навести порядок в бурлящем революционном Петрограде:

*Прекрасен клич восставшего народа,
Волнуют грудь великие слова,
Но без тебя ведь и сама свобода
Запуганному сердцу не мила. ...
И обойди всю Русь с великим криком:
«Куда ты прѣшь! Подайся! Осади!»*

«Городовой» – стихотворение вошло в сборник «Блистательный Санкт-Петербург», вышедший в 1962 году в Сан-Франциско. Тем не менее, любовь к городу заставила Агнивцева вернуться в уже чужую для него страну. Возможно, именно издание «Блистательного Санкт-Петербурга» и подвигло его вернуться в ставший для него родным город.

Использованная литература и источники:

1. Агнивцев Н.Я. Блистательный Санкт-Петербург. – Берлин : Изд-во И.П. Ладыжникова, 1923. – 57 с.
2. Агнивцев Н. Я. Кирпичики мои. – Л. : Радуга, 1926. – 9 с.
3. Агнивцев Н. Я. Мои песенки. – Берлин : Литература, 1921. – 123 с.
4. Агнивцев Н. Я. От пудры до грузовика // Lib.ru : [сайт]. – 13.11.2009. – URL: http://az.lib.ru/a/agniwcew_n_j/ (дата обращения: 05.03.2019).
5. Агнивцев Н. Я. Пьесы. – Берлин : Русское творчество, 1923. – 95 с.

6. Агнивцев Н. Я. Санкт-Петербург. – Тифлис : Издание театра «Кривой Джимми», 1921.– 61 с.
7. Агнивцев Н. Я. Собрание сочинений : в 3 т. – СПб. : Изд. Н. Куприянова (при участии РПУ «Знак»), 2000. – Т. 2, вып. 2. – (Серия «Поэты России»).
8. Агнивцев Н. Я. Студенческие песни. Сатира и юмор. – СПб. : Новое изд-во, 1913. – 92 с.
9. Архитекторы и строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. – СПб. : Пилигрим, 1996. – 395 с.
10. Бёмиг М. Театральная деятельность Н. Я. Агнивцева в Берлине 1920-х годов // Комическое в русской литературе XX века / сост. и отв. ред. Д. Д. Николаев. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – С. 229-244.
11. Выскочков Л.В. «Проза» студенческой жизни в поэзии Н.Я. Агнивцева // Уроки истории – уроки историка : сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т. Н. Жуковская. – СПб. : Нестор-История, 2012. – С. 322-340.
12. Куферштейн Е.З. Странник нечаянный : (книга о Николае Агнивцеве – поэте и драматурге). – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : Раритет-М, 1998. – 167 с. – (Библиотека Всемирного клуба петербуржцев).
13. Кушлина О.Б. Агнивцев Н.Я. // Русские писатели, 1800-1917 : биографический словарь. – М., 1992. – Т. 1 – С. 23-24.
14. «Одним дыханьем с Ленинградом...» : Ленинград в жизни и творчестве советских писателей. – Л. : Лениздат, 1989. – 395 с.

Зайцева Юлия

9 класс, ГБОУ школа №71

Калининский район,

Юношеский Университет Петербурга

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Аксельрод В.И.)

Гумилёв, Ахматова, «Жемчуга» и Эстер. Загадки двух автографов, одного посвящения и одной обложки

ЗАДУМАВ свое участие в проекте «Музей открывает фонды» я обратилась к научному сотруднику музея А.А. Ахматовой в Фонтанном доме Н.П. Пакшиной, которая обратила мое внимание на хранящийся в книжном фонде музея конволют (общий переплет) двух сборников Н.С. Гумилева «Жемчуга» с обложкой художника Д.Н. Кардовского и «Чужое небо», на которых поэт оставил свой автограф Александре и Николаю Экстер. Предстояло раскрыть загадку этого конволюта.

С 1909 года начинается издание иллюстрированного журнала по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы «Аполлон», в котором Николай Степанович заведует литературно-критическим отделом, печатает свои знаменитые «Письма о русской поэзии» и поэтический сборник «Чужое небо». В конце 1909 года Гумилев на несколько месяцев уезжает в Абиссинию, а вернувшись, создает новый поэтический сборник – «Жемчуга» [12]. Этот сборник впервые вышел в свет в 1910 году, в московском издательстве «Скорпион».

Известно, что жемчуг был любимым камнем поэта. По его стихам можно изучать историю жизни жемчужины, любоваться ею, почувствовать её нежность, теплоту и чистоту. Так, в стихотворении «Красное море» из сборника «Шатёр» поэт сообщает не только о пространстве сбора раковин-жемчужниц, но и об опасности этого занятия:

*С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг.
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелуг [6].*

Свет жемчуга помогает поэту передать различия отношений между людьми, их переживания, поступки. Поэт доверяет жемчугу глубину чувств человека, считая, что редкость и высокая ценность его сравнима с ценностью человеческой жизни.

Наиболее известным произведением сборника является лирический цикл «Капитаны» – одно из ярких воплощений темы далёких,

романтически окрашенных странствий. Этот цикл имеет особое значение в формировании литературно-критического восприятия Гумилёва как поэта-воина, влюблённого в «Музу Дальних Странствий», поэта-путешественника. Тема путешествий не ограничивается лишь «Капитанами», а распространяется также и на многие другие стихотворения Гумилёва периода «Жемчугов». В некоторых из них, в том числе и в «Путешествии в Китай», заключен основной смысл главы. Здесь она получает и более сложную разработку, позволяющую проследить как дальнейшее развитие, так и новое углубление прежней, «гумилёвской тематики». Выход указанного сборника приходится на важные события в жизни поэта.

«Чужое небо»

«Чужое небо» – четвертый сборник стихотворений. Он вышел в 1912 году в издательстве «Аполлон». «В «Чужом небе», по мнению В. Ходасевича, Гумилев снимает маску. Перед нами поэт интересный и своеобразный. «В движении стиха его есть уверенность, в образах – содержательность, в эпитетах – зоркость» [13]. Положительно оценил книгу Брюсов. «По-прежнему холодные, но всегда продуманные стихи Н. Гумилева, – отмечал он, – оставляют впечатление работ художника одаренного, любящего свое искусство, знакомого со всеми тайнами его техники. Надо любить самый стих, самое искусство слова, чтобы полюбить поэзию Н. Гумилева. В сборнике Н. Гумилев разрабатывает темы, которых ранее не касался, пользуется, и умело, метрами, которыми раньше не писал» [2]. На этом фоне явным диссонансом прозвучала негативная рецензия Бориса Садовского: «О «Чужом небе» Гумилева как о книге поэзии, – отмечает критик, – можно бы не говорить совсем, потому, что ее автор – прежде всего не поэт», – беспелляционно заявил он. Утверждая, что все стихи в книге «на одном уровне, а это самый дурной знак, указывающий на полную безнадежность автора как поэта», Садовский сопоставил Гумилева с А. Фетом (разумеется, не в пользу Гумилева) и завершил этот пассаж определением автора «Чужого неба» как «бездарного стихотворца».

Теперь о самом конволюте. В сборниках присутствуют автографы, оставленные Н.С. Гумилевым, А.А. Экстер, Н.Е. Экстер. Переплет восстановлен с дополнением шелковой ткани на месте утрат. Осталось общее пожелтение бумаги, следы загрязнений. Следует хотя бы кратко сказать о последнем владельце конволюта М.С. Лесмане – известном музыканте, пианисте, библиофиле-коллекционере. С 1930-х он член секции библиофилов Ленинградского общества коллекционеров, секции книги и графики Ленинградского Дома ученых. В 1920-30-е гг. собрал две библиотеки, основу которых составили прижизненные издания русских поэтов конца XIX – начала XX века, поэтические сборники, рукописи. Обе библиотеки

погибли во время блокады, удалось спасти лишь рукописи, которые были вывезены из осаждённого Ленинграда. С 1946 года Лесманом собиралась третья библиотека, составившая впоследствии более 11 тысяч томов. Часть её после кончины коллекционера поступила в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, в том числе и исследуемый нами конволют.

В.Я. Брюсов. Учителю от Ученика

На титульном листе третьей книги стихов молодого поэта стоит надпись: «Посвящается моему учителю Валерию Брюсову». Гумилёв открыто заявляет о том, что он «ученик» великого поэта. Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) был для начинающего Гумилева поэтическим «мэтром». 12 мая 1908 г. Гумилев, за внимательное и пристрастное отношение к своим стихам, писал Брюсову: «Нет сомнения, что я сделал громадные успехи, но также нет сомнения, что это почти исключительно благодаря Вам. И я еще раз хочу Вас просить не смотреть на меня как на писателя, а только как на Гумилева-ученика, который до своего поэтического совершеннолетия отдал себя в Вашу полную власть». В другом письме к Брюсову (1908) Гумилев признавался: «Вы были моим покровителем, а я ищу в Вас «учителя» и жду формул деятельности, которым я поверю не из каких-нибудь соображений (хотя бы и высшего порядка), а вполне инстинктивно» [11].

Гумилев изучал форму, мелодию, внутреннее построение поэтического произведения, пытаюсь понять законы творчества и научиться писать стихи, это стремление во многом определялось и «брюсовской» позицией. Именно Брюсов заинтересовал молодого Гумилева прозой: атмосфера Парижа вдохновляла и на художественные произведения, и на статьи по искусству. Около года Гумилев пытался приступить к написанию прозы, но, как и раньше, высоко поднимая творческую планку, не был удовлетворен результатом. В 1908 году вышел сборник «Романтические цветы», о котором сам Гумилев отозвался так: «Я недоволен этой новой книгой, но очень доволен, что издал ее. Теперь я свободен от власти старых приемов и тем, и мне много легче будет пойти вперед». Характеристика этого нового сборника Валерием Брюсовым в статье «Дебютанты» перекликается с собственными эпистолярными наставлениями и показывает его понимание того, что многое Гумилев достиг благодаря своим поэтическим упражнениям и своему ученичеству [1].

После возвращения из Парижа в Петербург, в 1908 году, поэты постепенно отдалились друг от друга. Это отдаление было связано и с тем, что «к 1908 году, после издания парижских «Романтических цветов» и возвращения в Петербург, Гумилев был внутренне готов к поискам нового поэтического стиля» [8]. К эпохе серебряного

века принадлежат символизм и акмеизм. Своим рождением акмеизм обязан, прежде всего, символизму Н. Гумилева. Таким образом, поэт посвящением третьей книги своих стихов В. Брюсову, отдавал ему дань памяти и признательности как учителю, и в то же время прощался и с ним, и символизмом, как литературным течением, с которым было связано его раннее творчество.

Д.Н. Кардовский, О.Л. Делла-Вос-Кардовская и поэты Н.С. Гумилев и А.А. Ахматова

Как уже отмечалось, обложка сборника «Жемчуга» выполнена в 1909 году художником Д.Н. Кардовским. На ней изображены жемчуг, два африканских тигра и в национальных африканских костюмах женщины – своего рода фантазия на путешествие Н.С. Гумилева в Абиссинию. Обращение с просьбой об оформлении обложки «Жемчуга» поэта именно к этому художнику не случайно. Семья Кардовских, состоявшая из Дмитрия Николаевича, Ольги Людвиговны (супруги Кардовского) и дочери Кати, была дружна с семьей Гумилева и Ахматовой. Царскосел Гумилев познакомился с Кардовскими в 1908 году, и с этого времени они часто бывали друг у друга в гостях.

Важную информацию о жизни и деятельности Д.Н. Кардовского я нашла в книге «Дмитрий Николаевич Кардовский. Об искусстве. Воспоминания, статьи, письма», составителем которой была дочь художника Екатерина Кардовская. Она, в частности, отмечает: «Обстоятельства личной жизни Дмитрия Николаевича за годы его работы в Академии и до февральской революции сложились довольно просто. До 1907 года он жил семьей в Петербурге на Васильевском острове, а в сентябре 1907 года ради здоровья дочери он перевез семью в Царское Село, где и прожил до осени 1917 года» [7]. Эта информация подтверждается данными адресно-справочных книг «Весь Петербург» на 1907 г. (Адрес Д.Н. Кардовского: 18 линия В.О., 15) [3] и «Весь Петербург» на 1909 г. (Адрес Д.Н. Кардовского: Царское Село, Конюшенная улица, 37) [4].

На масленицу, в последнюю неделю февраля 1910 года, в Петербург из Царского Села приезжала Анна Андреевна Горенко. Знакомство Кардовских с Анной Ахматовой состоялось или в конце весны, или летом 1910 года. Согласно воспоминаниям дочери Кати, в 1914 г. Анна Ахматова бывала в доме Кардовских часто, Ольга Людвиговна осенью 1914 года писала ее портрет и работала над ним с первых чисел октября до конца ноября. Но, конечно, не только знакомством объясняется обращение Гумилева к Кардовскому с предложением оформить обложку «Жемчуга». Дмитрий Николаевич Кардовский – рисовальщик-реалист, театральный художник, был

известен не только как автор картин, акварелей, рисунков, посвященных эпохе Петра I, пушкинскому времени, декабристам, но и как крупный общественный деятель, сыгравший значительную роль в развитии современного искусства начала XX века.

На мой взгляд, этот «петербургский неоклассицизм» был эстетически близок и акмеисту Н.С. Гумилеву, а обложка «Жемчугов» органично соединилась с поэтическим миром этого сборника.

А. Экстер и Н. Экстер

А теперь пришло время разобраться с историей автографов, которые Н.С. Гумилев оставил в двух своих сборниках А.А. Экстер и Н.Е. Экстер. Александра Александровна Экстер (в девичестве Григорович) (1882–1949) – русско-французская художница-авангардистка, прошедшая в своем творчестве через увлечения кубофутуризмом, супрематизмом. Талантливый график, яркая художница, отдавшая свой талант театру и кино, дизайнер, представительница русского авангарда, одна из основоположниц стиля «ар-деко», она не могла не привлечь внимания поэта, чуткого к новому искусству. В самом сжатом виде отмечу здесь основные вехи биографии и творчества А. Экстер. Она родилась в Белостоке в 1882 году. В 1903 году вышла замуж за двоюродного брата, известного адвоката Николая Евгеньевича Экстера. В 1908 году окончила художественную школу в Киеве. Первый раз Экстер отправилась за границу в самом начале 1906 года, вместе с мужем – в свадебное путешествие. В Париже они впервые встретятся с Гумилевым. Затем в Мюнхене, А. Экстер познакомится с Алексеем Явленским, давним и близким другом Николая Евгеньевича Экстера. Явленский сразу же и самым серьезным образом поддержал живописные искания художницы. Он напишет о ней Д.Н. Кардовскому, будет рекомендовать ее в члены Нового Общества художников. Уже здесь мы находим точки соприкосновения героев исследования: художника-реалиста, профессора Императорской Академии художеств Д.Н. Кардовского и одну из самых ярких представительниц русского авангарда – Александру Экстер.

В 1914 году приехавший в Россию по приглашению скульптура Н. Кульбина теоретик футуризма Ф.Т. Маринетти приглашает участвовать в футуристической выставке в Риме О. Розанову, А. Архипенко и А. Экстер. Наконец, в 1915 году А. Экстер участвует в 1-й футуристической выставке картин «Трамвай», которая проходила в здании Общества поощрения художников на Большой Морской улице, д. 38 в Петрограде [10].

Возможно, на одной из перечисленных выше выставок, при личной встрече Н. Гумилева с супругами Экстер могли появиться автографы поэта, помещенные в конволюте. О знакомстве с А.А. Экстер и А.А. Ахматовой свидетельствует следующий факт. В 1910 году в

письме к В.Я. Брюсову Ахматова посылает стихотворение «Старый портрет», посвященное А.А. Экстер [9]:

*Сжала тебя золотистым овалом
Узкая, старая рама.
Негр за тобой с голубым опахалом,
Стройная белая дама.*

*Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо;
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма.*

*Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале...
В чьих это пальцах дрожала палитра,
В этом торжественном зале?*

*И для кого эти жуткие губы
Стали смертельной отравой?
Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво. [9]*

Своим искусством Экстер защищалась от жизненных потрясений и от превратностей судьбы. Такое свойство творческой природы и объясняет неизменно оптимистический строй ее жизни, отсутствие в ней интонации безысходности, обреченности, слома, трагических нот [13], что также сближало художницу с Гумилёвым.

Использованная литература и источники:

1. Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного : документальная повесть о жизни и творчестве Н. Гумилёва, годы 1886–1913. – М. : Мысль, 1995. – 89 с.
2. Брюсов В.Я. Сегодняшний день русской поэзии // Русская мысль. – 1912. – № 7. – С. 19.
3. Весь Петербург на 1907 год : адрес. и справ. кн. г. С.-Петербурга. – СПб. : А.С. Суворин, [1907].
4. Весь Петербург на 1909 год : адрес. и справ. кн. г. С.-Петербурга. – СПб. : А.С. Суворин, [1909].
5. Гумилёв Н.С. Жемчуга. – М. : Скорпион, 1910. – 12 с.
6. Гумилев Н.С. Шатер : стихи 1918 г. – Севастополь : Цех поэтов, 1921. – 9 с.
7. Кардовский Д.Н. Об искусстве : воспоминания, статьи, письма. – М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1960. – 154 с.
8. Клинг О.А. Стилевое становление акмеизма : Н. Гумилёв и символизм // Вопр. лит. – 1995. – № 5. – С. 106.

9. Коваленко Г. Александра Экстер : путь художника, художник и время : [альбом]. – М. : Голарт, 1993. – 47, 189 с.
10. Суперфин Г., Тименчик Р. Письма А.А.Ахматовой к В.Я.Брюсову // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. – М., 1972. – Вып. 33. – С. 272–279.
11. Тименчик Р.Д. Гумилев Николай Степанович // Русские писатели, 1800-1917. биографический словарь. – М., 1992.
12. Тименчик Р.Д. Комментарии // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. – М. : Современник, 1990.
13. Тугендхольд Я. Александра Экстер как живописец и художник сцены. – Берлин : Заря, 1922. – 32 с.
14. Ходасевич В. Русская поэзия : обзор // Альциона : [альманах]. – М., 1914. – Кн. 1.

Кутузов Максим

8 класс, ГБОУ школа №421

Петродворцовый район

(руководитель – Кутузова Е.В.)

Врач и художник А.Д. Агушев

А.Д. Агушев. В операционном зале

(Экспозиция Зала Боевой Славы ГБОУ СОШ №421 Петродворцового района)

АЛЕКСАНДР Агушев родился в Саранске, сегодняшней столице Мордовии, в 1899 году. Отец его был служащим земства, затем управляющим крупного помещичьего хозяйства. В Саранске Александр Дмитриевич окончил гимназию, учился в ремесленном училище, но окончить его не смог. Ещё в гимназии он увлекался музыкой, поэзией, живописью, мечтал стать художником. Судьба

готовила ему другой путь. Сначала работал в земском отделе, учителем в начальной школе, даже работал в библиотеке Саранска. После революции начал службу в Красной Армии, служил в батальоне особого назначения. После службы в армии поступил в медицинский институт, где и встретился со своей будущей женой Лидией Александровной. После окончания института сначала стажировался, а затем стал работать в Новгородской окружной больнице, где врачу Агушеву часто приходилось выезжать по окрестным деревням для ликвидации вспышек сыпного тифа. Вскоре его перевели на работу в Ленинград в хирургическую клинику. Здесь он совмещал эту работу с работой врача на Кировском заводе. Из Ленинграда был направлен в город Энгельс в Поволжье, а оттуда его перевели в Чудовскую больницу, где приходилось подрабатывать судебным медицинским экспертом. Новое назначение – главный врач Порховской больницы в Псковской области – случилось незадолго до начала Великой Отечественной войны.

Здесь его и застало трагическое известие о начале войны. Сам Александр Дмитриевич Агушев описывал этот день так: «Город Порхов. Операционный день 22 июня, с утра в городской больнице успешно закончил сложную операцию. Уставший и умиротворённый, что сделал всё возможное для спасения оперированных, я в середине дня отправился домой. Открываю дверь. Жена Лида подходит со слезами на глазах: «Шура, война, война с немцами. Скоро будут передавать военное сообщение – сказала, и по щекам потекли слёзы...» [1, с. 135]. Этой же ночью Александр Дмитриевич получил повестку из военкомата. За сутки Порховскую больницу нужно было передать другому врачу, а самому быть на месте нового назначения, в городе Красногвардейске (теперь Гатчина) Ленинградской области.

Жаль было Александру Дмитриевичу расставаться с Порховской больницей, городом, семьей. В последний день он обошёл все медицинские отделения и службы, попрощался с сослуживцами и больными, сдал казённые деньги, документы и печать больницы. При расставании многие плакали. Особенно тяжело было, по словам Александра Дмитриевича, смотреть в глаза лежащим больным, которые не вставали с койки. Успокаивал, как мог. Уверил, что враг до Порховской больницы не дойдёт, как все в это верил. Позже Агушеву стало известно, что фашисты, заняв город, безжалостно выбросили всех больных из больницы и развернули в ней свой госпиталь. До войны особую гордость Порховской больницы составлял фонтан, изображающий в бронзе девушку-рыбу, из рога изобилия которой била струя артезианской воды. Захватчики разрушили фонтан, статую распилили и увезли на переплавку в Германию.

В Красногвардейске (Гатчине) Александр Дмитриевич принял командование госпиталем Народного Комитета Здравоохранения на 200 коек. За короткий срок новый начальник с помощью городских партийных и советских органов (горсовет и горком партии) наладил работу: получил оборудование и имущество, организовал работу приписанного к госпиталю медицинского персонала – врачей, сестёр, дружину, санитарок и других медицинских работников. Была проделана огромная работа по подготовке помещений к приёму раненых. Они очень скоро стали поступать из-под Пскова, Луги, Кингисеппа. Из рассказов раненых стало ясно – враг рвется к Ленинграду. В один день Агушев получил не только должность начальника госпиталя, но и военную форму, звание военврача 3 ранга. Всего за сутки под его руководством госпиталь был приведён в «готовность № 1». Но пришлось совсем недолго оставаться в Красногвардейске (Гатчине). Приказом фронта нужно было незамедлительно эвакуировать госпиталь в город Сокол Вологодской области, где необходимо было срочно начать приём раненых. Под бомбёжкой проходила погрузка оборудования на платформы железнодорожной станции в Красногвардейске, ведь фронт стремительно приближался к Ленинграду.

В городе Сокол под госпиталь отвели здание бумажного комбината: часть цехов, клуб, столовую. Налаживая работу госпиталя в тылу, Александр Дмитриевич был глубоко уверен в том, что его место на фронте, на защите Ленинграда: как практикующий опытный хирург, он будет гораздо полезнее в действующей армии. 27 июля 1941 года он уже в третий раз обратился в военно-санитарное управление с просьбой откомандировать его на фронт. Третья попытка, наконец, увенчалась успехом. «Сдав эвакогоспиталь № 1361 в г. Сокол своему преемнику, я с вещь-мешком в начале сентября 1941 года оказался у переправы на пристани Старой Ладоги, а затем в медсанбате 10-й стрелковой дивизии, в г. Стрельне» [1]. В эту старейшую дивизию Красной Армии, созданную в 1918 году, Агушев получил назначение в сентябре 1941 года на должность командира медицинской роты 111-го медсанбата. Тогда дивизия вела бои за посёлки Володарский, Стрельна, а затем и город Петергоф. Сам Александр Дмитриевич в своих воспоминаниях писал об этом времени: «Включившись в боевую жизнь дивизии, войск Ленинградского фронта, я стал активным участником обороны Ленинграда, ответственным за жизнь воинов, за судьбу раненных бойцов и командиров, которым необходимо было мне, как главному хирургу дивизии оказывать оперативную и квалифицированную помощь» [1]. В дни сентябрьских боёв за Стрельну госпиталь располагался по воспоминаниям сандружинницы 111-го медсанбата Александры Михайловны Савельевой сначала в Стрельне

(Агушев пишет «в Большом парке»). Можно предположить, что несколько дней госпиталь был в Константиновском дворце. Вскоре медсанбат перевели в Михайловский парк, а госпиталь разместили в Михайловском дворце. В эти тяжёлые сентябрьские дни эвакуацией госпиталя руководил дивизионный врач А.А. Жданов, командир медсанбата В.В. Разумовский совместно с комиссаром Н.П. Снегирёвым и начальником штаба П.А. Фращенко. По командам Снегирёва и Агушева санитары и бойцы выносили раненых на носилках, укладывали их на машины и подводы и отправляли в Михайловский парк. Кто из раненых мог ходить, шли за повозками пешком. На машинах отправляли имущество госпиталя. Когда отходила последняя машина – бой был уже совсем рядом. Ехать приходилось парком по нижней дороге, вдоль берега Финского залива. В Михайловской усадьбе госпиталь пробыл всего несколько дней. 20–21 сентября его снова эвакуировали. Враг наступал на Петергоф. Работа госпиталя и 111-го медсанбата с 21 сентября по 21 октября развернулась в новом месте: в Старом Петергофе в здании Биологического института Ленгоруниверситета (усадьба Сергиевка). А.М. Савельева вспоминала после войны: «Всего месяц мы находились в биологическом институте, но какой это был напряжённый месяц!» [5, с. 143].

Выведенная с Ораниенбаумского плацдарма в резерв Ленинградского фронта, 10 КСД до конца ноября 1941 года находилась в районе Пороховые, Шувалово, Озерки, Парголово, затем озеро Коркинское, Тавры. Её полки пополнились и готовились к новым боям. С 1 декабря 1941 года 10 КСД включилась в бои по прорыву блокады на Невском Плацдарме. 111-й медсанбат 10 КСД развернул свой госпиталь на правом берегу Невы, в посёлке Есколово, у Манушкино. Полковые медицинские пункты находились на левом берегу, размещались в землянках, врытых в этот берег. Ротные фельдшера, санинструкторы и санитары действовали при своих подразделениях. После войны хирург С.И. Жёлудев сделал макет полевого госпиталя и передал его на хранение в Зал Боевой Славы 10-ой КСД в нашей школе.

Перед отправкой в район Невской Дубровки медсанбат был доукомплектован личным составом и техникой. Но, по словам А.Д. Агушева, хирургов всё-таки было мало. Пополнение прибыло из осаждённого Ленинграда. Слабые, истощённые голодом, люди хотели как можно быстрее приобщиться к большому делу защиты Ленинграда от врага. С имуществом было ещё хуже. Палаточный фонд был недоукомплектован. Не хватало самого простого оборудования: кувалды для забивания костылей для растяжек, палаток, лопат, топоров, печей, ламп, фонарей. Количество белья тоже было весьма ограничено. Без всего этого поставить 10 госпитальных палаток быстро было очень сложно, а раненых нужно было при-

нимать срочно! «При большом поступлении раненых, как это было в Невской дубровке, запас халатов и белья быстро таял, росла куча окровавленного, пропитанного растворами белья, которое быстро замерзало, и практически некому и негде было его стирать», – вспоминал Александр Дмитриевич после войны [2].

Зимой 1941–1942 годов доставка раненых с Невского плацдарма была крайне затруднительна. Переправы находились под постоянным обстрелом. Подносить, тем более переправлять раненых через Неву, днём было почти невозможно, всё делалось под покровом ночи. Потеря времени с начала ранения до оперативной помощи вызывала высокую смертность на месте, в пути и после операций в медсанбате. Военные медики под угрозой гибели делали всё, что могли, но переправлять раненых днём под обстрелом означало подвергнуть гибели как их самих, так и тех, кто доставлял их на правый берег. И с правого берега дорога в медсанбат также подвергалась интенсивному обстрелу из дальнобойных орудий крупного калибра. Специально приспособленных машин для подвоза раненых в медсанбате не было, их подвозили на грузовиках с брезентовым верхом, в кузове носилки подвешивались, но без амортизаторов, что вызывало большие страдания у тех, кого транспортировали. Лошади, какие были в дивизии, вскоре пошли в солдатский котёл. В течение декабря 1941 года и января 1942 года был особенно большой наплыв раненых. Их привозили обычно под утро, ещё затемно, сортировали и направляли в операционную, где хирурги делали иногда крайне сложные операции. После операции транспортабельных направляли в госпитали Ленинграда, где условия зачастую были ещё хуже, чем фронтные. А.Д. Агушев удивлялся и восхищался жителями осаждённого Ленинграда, признавая, что, несмотря на крайне тяжёлые условия, медицинская служба Ленинградского фронта работала безотказно. «Мы постоянно получали стерильные перевязочные материалы, консервированную кровь... Мы поражались, как женщины блокадного Ленинграда, выдерживали все ужасы блокады, имели силы сдавать кровь раненым госпиталей города и фронта. Их подвиг незабываемая страница в героической обороне Ленинграда!» [2].

Фронтовой быт медиков медсанбата был скромным. Жили в землянках без окон, с железной печуркой. Дверь завешивалась плащ-палаткой. Печка топилась круглые сутки. Все, кто мог, подбрасывали дровишки, орудовали кочергой. Освещали землянку керосиновой лампой. Спали на нарах из еловых жердей, покрытых еловыми ветками, плащ-палатками. До белья не раздевались, укрывались шинелью. Умудрялись умываться по утрам ледяной водой. В бане не мылись долго, но бельё меняли часто. Редко получали письма. Зачитывались ими. Иногда читали вслух, коллективно. Письма с Большой земли были для всех большим праздником. О

тяготах своей жизни писать было не принято. В домашнем архиве петергофской семьи Агеевых хранится письмо, написанное с фронта Алексеем Макаровичем Агеевым, командиром 204 арт. полка 10 КСД, 24 января 1942 года жене Евгении Кузьминичне. Кроме чтения писем редкие минуты отдыха скрашивали артисты, которые приезжали из Ленинграда. Александр Дмитриевич вспоминал, как в госпиталь приезжала Клавдия Шульженко «молодая, голос приятный, лирический, пела, конечно, «Синий платочек». В палатке в чёрном платье с обнажёнными руками она настраивала нас на домашний уют, которого так нам недоставало. В знак благодарности мы ей преподнесли небольшой чёрный хлебец – коллективное отчисление наше от пайка...» [4].

Все дни пребывания 10 КСД на Невском плацдарме, её боёв по прорыву блокады, военные медики боролись за жизнь раненых и больных и одержали немало побед, вернув в строй тысячи бойцов и командиров.

Главные силы 10 КСД включились в бои на Невском плацдарме 1 декабря 1941 года. Активной обороной дивизия удерживала его до 12 марта 1942 года, после чего передала позиции 86-й дивизии и ушла на переформирование в район Токсово, Кавголово, Грузино. В боях за Невский Пятачок все воины дивизии были героями! В тяжелых боях на плацдарме из 9-ти тысяч человек 10 КСД потеряла 7,1 тысяч или около 80% личного состава. Усилиями медицинских работников более половины раненых возвращались в строй.

Новые боевые страницы в героическую летопись Ленинградского фронта 10 КСД внесла на этапе обороны северных подступов к Ленинграду на Карельском перешейке, с середины 1942 до середины 1944 года. На Агалатово-Ермоловском направлении 10-ая КСД занимала рубеж: Лемболово, Мусталово, Охта, Канеловское шоссе, шириной 30 километров. Летом 1944 года 10 КСД перешла от обороны к наступлению и приняла участие в Выборгской наступательной операции Ленинградского фронта.

В своей публикации современный исследователь художественного творчества А.Д. Агушева Анастасия Мартынова пишет, что в июне 1944 года Агушев вошёл в освобождённый Выборг с частями Советской Армии и с тех пор долгие годы заведовал хирургическим отделением Выборгского госпиталя [3].

После войны

Вспомнив о детской мечте, Александр Дмитриевич после отставки поступил в университет народного искусства в класс живописи и успешно его окончил. Николай Семёнович Соколов – руководитель студии рисования и живописи Дома культуры Выборга, отзывался с похвалой о его творчестве: «Особенно

хороши осенние этюды: стройные белые берёзки, тонко и проникновенно написанные клёны, ставшие под дыханием осени пурпурно-красными». Писал Агушев и портреты и натюрморты, но его пейзажи особенно запомнились современникам. Служившая с 1948 года в госпитале хирургическая сестра Александра Константиновна Чистякова вспоминала, что, когда в последний раз была в гостях у Агушева, он показал огромную картину, над которой работал. Полотно было посвящено Великой Отечественной войне. Предположительно, эта встреча могла состояться в конце 80-х годов прошлого века.

Художник и врач Александр Дмитриевич Агушев ушёл из жизни 21-го ноября 1988 года в стенах своего госпиталя, где спас так много человеческих жизней. Он был похоронен со всеми воинскими почестями. На похороны пришли все сотрудники госпиталя.

Творческое наследие

Анастасия Геннадьевна Мартынова, Выборгский искусствовед, с которой нам удалось пообщаться на краеведческой конференции в ноябре 2017 года, рассказала нам о печальной судьбе творческого наследия Александра Дмитриевича Агушева. По её словам, около 200 работ хранятся в фонде краеведческого музея города Выборга в Выборгском замке. Анастасии Геннадьевне вместе с директором музея удалось отыскать работы в запасниках, но их осмотр привёл хранителей к неутешительному выводу. Агушев, не будучи профессиональным художником, покрывал свои картины очень толстым слоем лака неопределённого состава и происхождения, поэтому со временем это покрытие стало трескаться и осыпаться. Чтобы восстановить утраченные полотна и сохранить другие произведения, необходима дорогостоящая экспертиза и реставрация. Вряд ли краеведческий музей сможет выделить такие большие суммы на сохранение работ хоть и известного Выборгу, но всё-таки полупрофессионального художника, да ещё в таком объёме. Большая часть наследия художника, по словам А.Г.Мартыновой, находилась в Выборгской художественной галерее «Триада», но после закрытия этого учреждения коллекция галереи, в том числе и несколько сотен работ Александра Агушева, исчезли из поля зрения не только искусствоведов, но и всех жителей Выборга.

Анастасия Геннадьевна чрезвычайно обрадовалась нашему сообщению, что работы, посвящённые Великой Отечественной войне, хранятся как в нашем школьном музее, так и в музее школы-интернат г. Кировска Ленинградской области, экспозиция которого посвящена обороне Невского Пятачка. В нашем музее находятся 8 полотен, написанных маслом и несколько зарисовок пером и тушью. Выполнены все работы в середине 70-х годов и подарены

музею самим художником. Музей открылся в 1974 году, и ветераны 10-й дивизии принимали самое активное участие в его создании.

Попробуем подробнее рассмотреть картины Александра Дмитриевича, находящиеся в нашем музее. Три больших полотна (1,03 x 0,73 м) располагаются на одной стене, напротив размещены 5 работ меньшего размера (0,63 x 0,40 м). Первая из крупных картин подписана автором: «Невская Дубровка. Руины бумажного комбината». На мой взгляд, на этой картине художник изобразил место боевых действий своей дивизии под Невской Дубровкой, но уже в послевоенное время. Возможно, именно в таком виде предстал перед ветеранами бывший бумажный комбинат во время ежегодной поездки, которую традиционно проводили участники этих боёв. Об этом свидетельствует и мирное голубое небо, и летний пейзаж. 10-я КСД вела бои здесь зимой 1941–1942 года, а не летом. Цветущий куст на переднем плане – одновременно символ победной весны и возрождающейся на руинах жизни, хотя зловещие силуэты чёрных птиц всё ещё напоминают о страшной войне и её жертвах. Ещё одно большое полотно названо художником «Невская Дубровка. Левый берег Невы». Именно на этом левом берегу шли тяжелейшие бои. Отсюда на правый берег доставляли раненых и под обстрелом везли дальше, в госпиталь, где хирурги и медики вели борьбу за их жизнь. Крутой обрыв – почти неприступный. Свинцового цвета вода с огненными всполохами. Тяжёлое, нависшее угрозой смерти над Невой, грозное небо. Такими страшными и зловещими, как сама война, увидел Агушев эти места. На третьем полотне этикетка: «Останавливается река Нева. На льдине труп бойца Боброва». На картине – лёд и кровь, вода и огонь. На заднем плане горящие силуэты развалин, на переднем – силуэт погибшего бойца. Художник даже называет фамилию своего персонажа, что предполагает его реальное существование и то, что картина, спустя много лет, воспроизводит сюжет подлинных исторических событий страшной зимы 1941–1942 г. при обороне Невского пятачка. К сожалению, пока нет никакой информации о бойце, изображённом художником, и о его гибели на льду Невы.

Полотно чуть меньшего размера «В операционной». Операционная бригада вокруг стола. Проводят операцию два хирурга. Белизна халатов и простынь контрастирует с темнотой операционной. Это явно не Выборгский госпиталь, где в операционной светло и бело, это – полевой госпиталь времён Великой Отечественной, возможно тот самый, на правом берегу Невы, у Манушкино. Хирурги усталые, но спокойные и сосредоточенные на своей работе – спасении жизни очередного раненого. В их руках – его жизнь, а в рассеянном свете операционной лампы – надежда на то, что и эта жизнь будет спасена. Ещё на одном холсте – «Переправа». Но это явно переправа раненых

в ночную пору, в минуту затишья. Река спокойна. Хотя вдали, на заднем плане, всё ещё идёт бой – видно зарево пожаров и взрывов. Бойцы и медработники переправляют через Неву лодки с ранеными. Все картины, кроме одной, «Руины бумажного комбината», выполнены в очень тёмных, почти мрачных тонах. Так художник видел войну, даже спустя 30 лет после её окончания.

Картины ветерана, врача, художника – иллюстрации событий тех дней, тяжёлых боёв, которые вела 10-я КСД на Невском пятачке. Александр Дмитриевич не смог забыть суровые дни войны и, передав эти картины в дар школьному музею, завещал и нам не забывать, какой страшной ценой завоёвано счастье, возможность жить под мирным небом.

Использованная литература и источники:

1. Агушев А.Д. С трудового на армейский фронт // Память подвигу : воспоминания ветеранов 10-й КСД (1941–1945). – Л., 1991. – С. 135–142.
2. Агушев А.Д. Спасая раненым жизнь // Память подвигу : воспоминания ветеранов 10-й КСД (1941–1945). – Л., 1991. – С. 212–219.
3. Мартынова А.Г. Выборг в биографиях финских и русских художников XX – начала XXI века. – СПб ; Выборг : СатисЪ, 2017. – 248 с.
4. Письмо Агеева А.М. жене от 24 января 1942 г. // Музей истории школы № 421
5. Савельева А.М. Бойцы в белых халатах // Память подвигу : воспоминания ветеранов 10-й КСД (1941–1945). – Л., 1991. – С. 143–146.

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

Исаев Иван

10 класс, ГБОУ школа № 530

Пушкинский район

(руководитель – Левочкина Л.Б.)

Забывтый купеческий особняк в Царском Селе

Из истории рода Кокоревых

ВИСТОРИИ российского предпринимательства второй половины XIX века было немало ярких имен. Но, пожалуй, самый колоритный и самый многогранный представитель купеческого сословия того времени – это Василий Александрович Кокорев. Его жизнь и судьба необыкновенны, о таких людях говорят, что они прожили три жизни в одной. Простое перечисление его инициатив, дел и достижений поражает воображение: Волжско-Каспийское пароходство, первый в России нефтеперерабатывающий завод, железные дороги, банки, помощь голодающим, поддержка отечественной науки. Василий Александрович не только много сделал для России, но и много размышлял о своей стране и её будущей судьбе. В публицистических работах выдвигал свои проекты реформ. В самой известной из них «Миллиард в тумане» он сформулировал план выкупа крестьян на волю с помощью капитала специально созданного частного банка. Слава Кокорева была настолько велика в народе, что после отмены крепостного права в 1861 году многие крестьяне утверждали, что их «не царь освободил, а сам Кокорев выкупил» [5, с. 35].

В.А. Кокорев был большим ценителем и собирателем живописи: в его собрании было свыше 500 картин: Брюллов, Айвазовский, Левицкий и многие другие выдающиеся русские художники 19 века. Не удивительно, что именно Василий Кокорев 26 января 1862 года открыл в Москве первую публично-художественную картинную галерею. Однако в середине 1860-х годов финансовые трудности заставили владельца продать коллекцию. Основная часть собрания – 166 произведений русских мастеров – была приобретена Министерством Императорского Двора для размещения их в Александровском дворце Царского Села. В 1897 году, при организации Русского музея императора Александра III, около 70 произведений живописи были переданы из Александровского дворца в Русский

музей. Так впервые возникла связь между коллекцией А.В. Кокорева и Царским Селом. Ряд произведений остался в Царском Селе, вошел в коллекцию Екатерининского дворца-музея [8, с. 55].

У Василия Александровича Кокорева была большая семья: жена, Вера Ивановна Кокорева, четверо сыновей и три дочери. Гигантское состояние В.А. Кокорева перешло по наследству к старшему сыну Александру Васильевичу, который после смерти отца обосновался в Царском Селе. Именно для старшего сына в 1902 году придворным архитектором С.А. Данини был построен особняк на Московской улице, д. 55. По архивным документам можно проследить всю историю создания знаменитой усадьбы в Царском Селе.

История участка на Московской улице

Московская улица была проложена в 1808 году в соответствии с градостроительным планом, разработанным архитектором В.И. Гесте. До этого времени территория исследуемого участка не была освоена. Согласно плану В.И. Гесте земля вдоль прокладываемых улиц была разделена на участки, получившие сквозную нумерацию. Рассматриваемая территория получила номера 152, 153 и 154. Участки 153 и 154 с самого начала были единым владением. С 1809 по 1814 гг. участки принадлежали генерал-лейтенанту графу Ивану Александровичу Апраксину. В августе 1814 года он продал владение надворному советнику Ниротморцеву, который впоследствии передал дома коллежской ассессорше Зиновьевой [15]. С 1830-х годов до 1901 года участок с домами принадлежал семье Дурасовых. В 1832 г. оба дома 153 и 154 были собственностью действительной статской советницы Александры Дурасовой. Согласно атласу Н.И. Цылова, в 1857 году владельцем этого участка был Федор Алексеевич Дурасов [12, с. 40].

Первые постройки на участке были деревянные, одноэтажные, выполненные по образцовым проектам архитектора В. Гесте. Сохранились фиксационные чертежи домов 153 и 154, хранящиеся в РГИА. В 1852 году на участке находились те же деревянные жилые дома с воротами и калитками между ними. На плане участка показана планировка двора и сада с извилистыми дорожками вокруг пруда, цветником в правой части и мостиком. В 1859 году владельцем участка стал сын Фёдора Алексеевича Дурасова – Петр Федорович Дурасов, камер-юнкер Двора Его Императорского Величества, надворный советник. Для него на участке 153 на месте деревянного здания был построен каменный дом по проекту А.Ф. Балашова. О его наружном облике мы можем судить по сохранившимся авторским проектным чертежам.

В начале XX века владельцами дома были сыновья и дочь действительного статского советника Петра Федоровича Дурасова –

штаб-ротмистр Сергей Петрович и корнет Николай Петрович Дурасовы, а также Александра Петровна Дурасова [15]. Участок с домом 152 со времени постройки здания занимал архитектор В.И. Гесте с семьей. Дом был передан ему в собственность в 1816 году за службу в должности архитектора. Дом находился в собственности семьи Гесте до 1857 года, когда был продан родной сестрой архитектора Изабеллой Пендри статскому советнику Владимиру Васильевичу Купферу. В 1871 году для него был построен деревянный двухэтажный дом (к сожалению, этот дом не сохранился). История этого деревянного дома была также связана с именем замечательного русского поэта Николая Степановича Гумилева. Его семья приобрела двухэтажный деревянный дом на Московской улице с садом и флигелями в 1887 году. В доме с родителями, в окружении гувернантки и сводной сестры Александры прошло детство братьев Коли и Мити Гумилевых. Осенью 1895 года Гумилевы переехали из Царского Села в Петербург [1]. В 1901 году участок Дурасовых 153 и 154 приобрел купец 1-й гильдии Александр Васильевич Кокорев. В 1902 г. им же был приобретен и соседний участок 152. Сразу после покупки владения А.В. Кокорев поручает перестройку каменного дома придворному архитектору С.А. Данини.

«Обитель прокаженного» в Царском Селе

В 2018 году исполнилось 170 лет со дня рождения и 110 лет со дня смерти А.В. Кокорева. К сожалению, его фотографий, портретов, иных изображений найти не удалось. Ни один исторический документ не сохранил информации о точной дате его рождения. Однако, согласно надписи на надгробной плите, умер он в 1908 году, в возрасте 60 лет. «Помяни мя Господи егда приидеши во Царствие Твое Александръ Васильевичъ Кокоревъ скончался 25 Августа 1908 года въ 4 часа о полудни 60 летъ отъ роду» – гласит надпись на надгробии семейного захоронения Кокоревых на Малоохтинском старообрядческом кладбище в Петербурге.

Александр Васильевич являлся наследником огромного состояния, как и его отец, старообрядцем, купцом 1-й гильдии. От отца А.В. Кокорев унаследовал огромное богатство и страсть к коллекционированию. Главное отличие собрания сына от собрания отца – у А.В. Кокорева оригиналы висели вперемежку с копиями. Александр Васильевич сам покупал произведения искусства. Но в отличие от отца, приобретавшего первоклассные работы, сын выбирал вещи салонные, прежде всего эффектные, нередко большого размера, но не самого высокого художественного уровня [8, с. 55].

В 1901–1904 гг. архитектор С.А. Данини перестраивает для Кокорева существующий дом под роскошную городскую усадьбу с оградой и отдельно стоящим флигелем. В течение 1901 года был

сделан ремонт помещений, выполнена отделка интерьеров, о чем свидетельствуют фотографии, датированные 1901 годом. В том же году был перестроен одноэтажный флигель-пристройка на границе участка, в котором была устроена столовая со световым фонарем [7]. В 1902 году строительные работы продолжались: были возведены одноэтажная пристройка с подвалами к лицезовому корпусу со стороны двора и одноэтажная пристройка для зимнего сада вдоль восточной границы участка. Перестройка и отделка интерьеров были выполнены в том же 1902 году, о чем свидетельствуют надписи рукой С. Данини на фотографиях интерьеров этой части здания: «Построено в 1902 г.» [7, с. 100]. К 1904 году все основные пристройки были завершены.

«Нарядные фасады облицованы полихромным кирпичом с преобладанием белого тона. Детали архитектурного декора – сандрики, оконные проемы, карнизные тяги, орнаментальные фризьы, выемки на углах ризалитов, и откосах оконных проемов, филёнки на садовом фасаде – выполненные из фигурного кирпича. Вход, находящийся в боковом одноярусном выступе на лицезовом фасаде, оформлен фигурным козырьком, конструкции которого выполнены в форме сложной орнаментально-декоративной композиции из кованого металла. На втором этаже над входом имеется балкон с кованой решеткой. Со стороны сада к дому пристроен одноэтажный корпус зимнего сада, перекрытый световым фонарем в виде полуциркульного свода, декорированного орнаментальным поясом из кованого металла. К лицезовому фасаду примыкает высокая каменная ограда с кованой решеткой ажурного рисунка наверху (она полуразрушена, решетка частично утрачена). Кованой невысокой оградой обнесен уступ фасада рядом с входной дверью. В таком же стиле была воздвигнута и высокая ограда из специально заказанного фигурного кирпича. Она отделяла усадьбу от улицы. По длине ограды через каждые шесть метров в ту пору были установлены пилястры, завершающиеся островерхими башенками, соединенными коваными металлическими решетками» [11, с. 336].

В архитектурном облике здания были использованы приемы, характерные для модерна начала XX века. Одновременно с перестройкой дома был оформлен сад сложной планировки. В центре сада была разбита клумба со скульптурами в центре и вазами по углам. Центральная аллея была ориентирована на одну из осей дворового фасада здания – на крыльцо входа в оранжерею. На центральной аллее были высажены лиственницы. Аллея и дорожка вокруг клумбы были оформлены живой изгородью из вьющихся растений. В северной части сада располагался стеклянный павильон, в котором находилось чучело слона. Возможно, что это было чучело настоящего слона, жившего в Александровском парке и умершего 23 сентября 1902 г. «от паралича сердца». Сад был насыщен деко-

ративными предметами, здесь находилась бронзовая скульптура Гермеса, покровителя торговли, гипсовые гномы и фигуры сидящих африканцев в натуральную величину. Сегодня от старого сада сохранились лишь несколько деревьев, к сожалению, его планировка полностью утрачена.

Согласно сохранившимся фотографиям, интерьеры особняка отличались богатым убранством, повсюду царил эклектика. Когда дом был завершен и полностью обставлен, Данини заказал подробную фотофиксацию всего здания. Особняк был запечатлен на 46 фотографиях большого размера, выполненных на высоком профессиональном уровне. Все фотографии хранились в семье потомков Данини. Выстроив дом и роскошно обставив его, владелец, Александр Васильевич Кокорев, прожил здесь всего семь лет. Ко времени переезда в Царское Село он был болен лепрой (проказой) и был вынужден жить в полном уединении. По всей видимости, страшная болезнь владельца стала причиной того, что после смерти А.В. Кокорева в 1909 году усадьбу – обитель прокаженного – оказалось практически невозможно продать. Усадьба А.В. Кокорева долго пустовала. Во время Первой мировой войны в усадебном доме был открыт госпиталь. Этот период отражен только на двух фотографиях, хранящихся в личном архиве А.В. Козлова.

По данным материалов ПИБ (Проектно-Инвентаризационное Бюро) в 1929 году здание занимал интернат Отдела народного образования, затем в 1930 году – детский сад Учебного комбината и школа № 5, а позже – Дом Партпросвещения. Богатые интерьеры, созданные к 1904 году, были утрачены постепенно. К 1929 году сохранились фрагменты отделки стен и потолков: в акте ПИБ от января 1929 года отмечается наличие полотняных обоев в хорошем состоянии, мраморных деталей отделки, сводчатых потолков [16].

В 1940 году в здании разместилась Ленинградская областная школа повышения квалификации колхозных работников. Во время Великой Отечественной войны подвалы дома использовались местным населением в качестве бомбоубежища. Здание сильно пострадало, перекрытия обрушились. Согласно акту обследования состояния зданий на участке от 25.09.1945 г., здание под литерой А представляло собой каменную коробку [17].

В 1958 году главный усадебный дом был передан Сельскохозяйственному институту, позднее – восьмому корпусу Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. При ремонте здания были сделаны новые перекрытия и заново выполнена отделка интерьеров [1].

В 1986 году в доме находилось общежитие № 5 Ленинградского сельскохозяйственного института (ЛСХИ). В 2000-е годы у здания было много арендаторов. В разное время здесь размещались и

российско-итальянский центр культурного сотрудничества, и местное отделение партии «Справедливая Россия». Несколько лет на втором этаже располагался интересный музей быта коллекционера Ивана Фоминых [1].

С 2002 года в усадьбе разместился гуманитарно-педагогический факультет Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ). В 2003 году здание было отреставрировано. Администрация, преподаватели и студенты Аграрного университета торжественно отпраздновали 100-летие постройки здания, приняли решение об устройстве в здании музея архитектора Сильвио Данини. На официальной части мероприятия присутствовал правнук архитектора И. Козлов. Он отметил, что это будет первый в стране музей С. Данини и подарил фотографию прихожей особняка, такой, какой она была при А.В. Кокореве [1].

Горько читать эти строки, ибо идея так и осталась идеей, а к 300-летию Царского Села особняк выставили на продажу. В 2011 году здание с участком общей площадью 0,5775 гектар было приобретено ЗАО «Корпорация Петрострой» на аукционе. В настоящее время в здании располагается столовая для иностранных туристов.

Использованная литература и источники:

1. Барановский А. Дом Кокорева // Царскосельская газета. – 1996. – 23 янв. (№ 20).
2. Бардовская Л. Данини // Архитекторы Царского Села. От Растрелли до Данини : альбом / под ред. И. Ботт. – СПб. : Аврора, 2010.
3. Беляева С. А. Воспоминания об отце. – СПб. : Серебряный век, 2009. – 92 с., [13] л. – (Прогулки по городу Пушкину).
4. Голлербах Э. Город муз. – СПб. : Арт-Люкс, 1993. – 224 с. – (Петербургская антология ; вып. 3)
5. Предпринимательство и предприниматели России : от истоков до начала XX века. – М. : Росспэн, 1997. – 351 с.
6. Историческая застройка Санкт-Петербурга : перечень вновь выявлен. объектов, представляющих ист., науч., худож. или иную культур. ценность (учет. зданий) : справочник / Ком. по гос. контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. – СПб. : Альт-Софт, 2001. – 517 с.
7. Козлов А.В. Сильвио Данини : материалы к творческой биографии. – СПб. : КОЛО, 2010. – 240 с.
8. Козлов А.В., Столбова Е.И. Кокоревская галерея и Царское Село // Судьбы музейных коллекций : VII царскосел. науч. конф. – СПб., 2001. – С. 52-60.
9. Малиновский Д.А., Малиновская Е.Е. Пушкин : справочник-путеводитель по городу. – СПб., 2004. – 121 с.

10. Сочагин А. Царское Село в открытках конца XIX – начала XX века. – СПб., 2002. – 286 с.
11. Семенова Г.В. Царское Село: знакомое и незнакомое. – М. : ЦентрПолиграф, 2009. – 638 с.
12. Цылов Н.И. Атлас города Царского Села. – Репринтное воспроизведение издания 1825 г. – СПб. : Серебряный век, 2007.
13. Архивные материалы
14. РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 785: «Проект постройки и последующей перестройки дома А. Дурасовой на Московской улице в Царском Селе. Фасад дома, план двора. Архитектор Н.С. Никитин». 1830 г.
15. РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 784: «Проект перестройки дома доктора Купфера на Московской улице в Царском Селе. Фасады, планы двора. Архитектор Н.С. Никитин». 2-я половина XIX века.
16. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 635: «О разрешении Царкосельским домовладельцам возведения построек на принадлежащих им дворовых местах, а также и на производство ремонтов». 1903 г.
17. Архив ПИБ. Акт технического состояния строения литера А от 14.01. 1929 г.
18. Архив ПИБ. Акт обследования состояния зданий на участке от 25.09.1945 г.

Сычёва Валерия
9 класс, ГБОУ школа №560
Выборгский район
(руководитель – Шустикова С.И.)

Из истории Выборгского сада: спорные вопросы, малоизученные страницы

Выборгский сад, год съемки неизвестен (возможно – не позднее 1933)
Источник: семейный архив И.В. Власовой

Интернет-источники о Выборгском саде

ПО СВЕДЕНИЯМ популярных сайтов, первоначально небольшой сад существовал еще в последней трети XIX века при особняке известного мецената и религиозного реформатора В.А. Пашкова, а после 1917 года был национализирован. Те же источники утверждают, что Выборгский сад был разбит в 1934 году при Выборгском Доме культуры (ВДК). Особо отмечен факт восстановления сада после Великой Отечественной войны и появление вокруг него в начале 1950-х годов ограды: эти события освещены достаточно полно, с указанием подробностей, фамилий.

Судя по данным интернет-публикаций, сведений о советском периоде жизни Выборгского сада больше, они конкретны, в отличие от дореволюционного времени. Однако авторы называют годом создания сада 1934-й, без ссылок на источники информации.

Выборгский сад на картах и планах города

Проанализировав карты города разных лет, мы обнаружили любопытные расхождения с современными размерами сада. План Санкт-

Петербурга 1890 года создает представление о полном отсутствии зелени на интересующем нас пространстве. На карте 1894 года видно, что сад занимает почти все пространство между Б.Сампсониевским проспектом, Ломанским переулком (ныне улица Комиссара Смирнова), Выборгской улицей и Нюстадской улицей. По периметру находились здания. Интересную информацию дает план 1901 года: здесь не только четко показаны постройки, но и аллеи причудливой формы. Планы Петрограда 1917 г. и Ленинграда 1925 г. вновь не дают информации о насаждениях. Зато на карте 1929 г. видно, что зеленое пространство занимало почти весь обозначенный квартал, при этом в центре сада существовали некие постройки. На карте 1933 года прочерчено здание Выборгского ДК, постройки в середине сада исчезли, зато появились по линии Б. Сампсониевского проспекта. И важная деталь: крупная надпись «Культуры» на зеленом фоне позволяет утверждать, что сад при ДК уже существовал!

Итак, анализ карт подтверждает ранее сделанный вывод, что Выборгский сад был устроен на основе ранее существовавших насаждений, но ставит под сомнение утверждение, что под этим названием он появился лишь в 1934 году.

Фотографии Выборгского сада в Интернете

Несколько фотографий были найдены во Всемирной Сети. На сайте «Квартальный надзиратель» имеется фотография Выборгского сада 1928 г. Редкая растительность, скамейки, сцена округлой формы. Авторы также упоминают церковь: «Сад, что называется, в работе, и церковь не лишена церковных черт» [19]. Речь идет о позднее закрытой церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Однако на фото ее нет. На снимке под названием «Участники праздника героев, награждённых орденами, у входа в сад Выборгского Дома культуры» (автор: С. Магазинер, 1931 г.) видна надпись: «Сад Дома культуры», следовательно, в это время сад при ДК уже существовал. За оградой – деревья. Очевидно, что эта местность не была пустырем. На фото 1933 года изображена читальня при ВДК. На ней можно увидеть саму читальню, людей на скамейках и зеленые насаждения. Данные фотоизображения вновь подтверждают сомнения относительно 1934 года как года создания Выборгского сада.

Выборгский сад в печатных источниках

Сведения о Выборгском саду в краеведческих исследованиях либо отсутствуют, либо повторяют уже известные сведения, иногда неверные. Из путеводителя по Выборгской стороне «Вокруг Финляндского вокзала» мы выяснили, что сад был разбит в 1934 г. на месте деревянных построек, и обнесен оградой в 1951–1953 гг. [12, с. 374]. В книге «История Санкт-Петербурга: Выборгская сто-

рона» упоминание о Выборгском саде есть только в хронологической таблице, где вновь сказано, что он был разбит в 1934 году [15, с. 458]. В путеводителе по Ленинграду 1986 г. тот же самый год постройки сада – 1934-й, а время создания ограды – 1951–1953 гг. [13, с. 331].

Одним из самых интересных описаний Выборгского сада в предвоенный период являются воспоминания о блокадном детстве Елизаветы Андреевны Скобелевой [16, с. 3–6]. Автор называет сад сказкой. По обеим сторонам ворот стояли две кассы в виде остроконечных домиков с крышами зеленого цвета. От ворот шла широкая аллея, по бокам которой росли цветы и кусты. Также у их дома на краю сада располагались сараи, где хранились дрова и содержались животные. За сараями находился летний платный театр при ВДК, за ним располагалась библиотека, похожая на большую веранду с цветными стеклами. Рядом росли жасмин и сирень. Недалеко от библиотеки был ресторан с фонтаном и эстрадой, где по вечерам для взрослых играл джаз, а днем детей развлекал затейник. Недалеко от ресторана находился закрытый павильон для танцев. Перед ним стояла касса, на ней всегда был кинопроектор, направленный на стену ДК, где на натянутом полотне показывали фильмы. За кассой был склад. Для детей в саду была поставлена карусель и песочница. У склада малышам выдавали велосипеды, самокаты, и кольца. За песочницей находилась спортивная площадка со стадионом. Эти воспоминания относятся к 1940 году. По описываемым культурным объектам можно предположить, что именно их возведение и началось в 1934 г.

В краеведческой литературе существует и недостоверная информация. Например, в книге «Скверы, сады и парки Петербурга. Зеленое убранство Северной столицы» написано, что Выборгский сад «устроен в 1934 г. на обширном пустыре, примыкавшем к ДК «Выборгский» и образовавшемся в 1920-е гг. после разборки нескольких деревянных строений.<...>В 1953 г. сад благоустроили и обнесли оградой, а чуть позже на территории сада построили здание школы № 94 (ныне – № 560, ул. Комиссара Смирнова, 17) [14, с. 103]. С нашей точки зрения, очень сомнительно утверждение про пустырь, и абсолютно противоречит истине утверждение о более поздней (!) постройке здания школы (особняк В.А. Пашкова возводили в 1872–1874 гг.).

Итак, по первоначальным сведениям, история сада представляется таким образом: 1) на рассматриваемой территории зеленые насаждения (сад) существовали вокруг частных особняков еще до 1917 года; 2) большинство источников называют годом создания Выборгского сада 1934-й, хотя другие источники (в том числе фотодокументы) явно показывают, что сад существовал и ранее; 3) после Великой Отечественной войны сад был восстановлен в 1948 году, а в начале 1950-х годов появилась новая ограда. Таким образом, в

ходе исследования появился вопрос-загадка, разрешение которого потребовало обратиться к другим источникам информации.

Из истории Выборгского сада: анализ справочной литературы, периодической печати и архивных источников

В этой части работы мы представляем анализ тех источников, с которыми познакомились в Центре Петербурговедения Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского, отделе газет Российской национальной библиотеки (РНБ), фондах Центрального Государственного Архива (ЦГА) Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД).

Справочные и адресные книги по Ленинграду и области

В адресных и справочных книгах «Весь Ленинград и Ленинградская область» (с 1928 по 1935 гг.) в информации по Выборгскому Дому Культуры упоминается лишь то, что при нем имеется читальня [10]. Однако в «Путеводителе по Ленинграду» за 1933 год дано подробное описание Сада ВДК. Отсюда можно узнать, что вся его работа была направлена на то, чтобы (далее сокращения в цитате в соответствии с источником) «организовать отдых рабочего, насыщ. конкретным политическим содержанием, усилить техпропаганду, укрепить обороноспособность страны, организовать конкурсы по соцсоревнованию на лучшие предприятия р-на и др. В распоряжении сада имеются: летний театр, звуковое кино (в главном зале Д.К.), столовая, концертн. и лекционн.залы, летняя читальня, спец. площадка для массов.игр, аттракционы, киоски. Массовая работа сада: организация лекций, худож.выступлений, викторин, выставок, вечеров вопросов и ответов, организация военного городка, работа тира, военизированные походы, ежедн.выступление самодеятельных кружков. Киоски-консультации по различным вопросам (техпропаганды, соцстраха, Мопра, культраб., юридич.). Имеется спец.детплощадка. На малой сцене летнего театра гастрологи: Филармонии, Эксперимент.театра, театра Пролеткульта и др.» [11]. Из этой подробной цитаты видно, что Выборгский сад, хотя и числился при Выборгском ДК, но обладал очень разветвленной структурой. Судя по разнообразным объектам на его территории, можно сделать вывод, что в жизни старой части Выборгской стороны он играл очень важную роль – был основным центром культуры и формирования советской идеологии.

Городские газеты и архивные документы

Анализ городской «Красной газеты» и «Вечерней Красной газеты» показал, что в Ленинграде в начале 1930-х гг. очень большое внимание уделялось проблемам озеленения города. Январский выпуск 1932 года называет количество деревьев «голодной санитарной нормой» [7]. С этого времени ежегодно в городе весной и осенью организовывали декады, двухнедельники и месячники озеленения [6]. В 1934 году газеты с гордостью писали об успехах: «Много деревьев и кустов будет посажено в жилмассиве «Красная заря», Батенинском и Дома специалистов (Выборгский район)... По обеим сторонам Лесного проспекта насаждаются деревья и газоны» [5]. «Началась постройка фонтана на площади перед Домом культуры им. Капанова в Выборгском районе. На месте бывшего склада тары по ул. Комсомола №29 разбит сад с детской площадкой. На Лесном пр. у дома № 50 устроен сад площадью 1 га» [3].

И вновь появляется вопрос: озеленение даже небольших городских «пятачков» нашло отражение в печати, а создание или открытие целого большого сада при Выборгском ДК газеты не осветили!

Важным шагом в городской политике по отношению к садам и скверам было решение Облпрофсовета о прикреплении в 1933 году ко всем городским садам открытого типа рабочих клубов и домов культуры [9]. Если сравнить это решение с данными уже упомянутого в п. 2.1 Путеводителя по Ленинграду, то получается, что в 1933 году за Выборгским ДК уже был закреплен Выборгский сад, в котором проводилась активная работа с населением. Однако в газетной заметке от 26 июня 1934 года рабочие-активисты ВДК опровергают факт наличия даже ухоженной садовой территории. «Имея большие достижения в развертывании массово-политической и художественно-зрелищной работы, Дом культуры не может многим похвастать в организации физкультурного дела и здорового рабочего отдыха. Шесть с половиной га земли, прилегающей к зданию Дома культуры, даже летом по существу используются плохо. Зелени здесь немного и сад получается чахлый. Посадка дает слабый эффект из-за высоких грунтовых вод и слоя известняка». Поэтому члены инициативной группы предлагают на территории Выборгского сада устроить физкультурный комбинат» [8]. Еще больше критики в адрес руководства Выборгским ДК по поводу неблагоустроенной территории сада в гневной заметке «Благоустройство сметой не предусмотрено» в «Красной газете» от 22 июля 1934 года: «В Доме культуры рядом со столовой находится помойка. Но мусор лежит не только в помойке, но и рядом с ней, заражая воздух. Тут же лежит груда битых тарелок, стаканов. Невдалеке от помойки – сарай, где хранятся продукты и делают мороженое. У входа в сарай сложен навоз, земля заболочена, она никогда не просыхает. Это потому, что

здесь постоянно сливают грязную воду» [4]. И все это на территории Выборгского сада! Даже создание новой металлической решетки вокруг сада не улучшало его вида [1].

Итак, в условиях активного озеленения Ленинграда в начале 1930-х гг. и обязательного информирования населения о каждом успехе в этой области мы вновь не нашли никаких упоминаний о создании Выборгского сада в 1934 году. Скорее наоборот: критические заметки рабочих Выборгского района создают впечатление о том, что ранее сад, даже если и не был пышным, то выглядел более ухоженным. Поэтому и появлялись предложения по его реконструкции.

Фотография из семейного архива И.В. Власовой

К сожалению, уже никто не сможет рассказать, кто и при каких обстоятельствах сделал эту фотографию. Неизвестен и год съемки. Поэтому, чтобы использовать этот фотодокумент в качестве источника, мы постарались его атрибутировать.

На фотографии дано изображение той части сада, которая может быть видна лишь с верхних этажей здания Выборгского ДК, из окон, выходящих на Выборгскую улицу. Для определения времени съемки мы сравнили это изображение с уже известным нам снимком 1928 г. Однако в Интернете он представлен не весь. Полный сравнительный анализ удалось провести лишь после получения копии из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга [2]. Очевидно, что фотографии схожи. На обеих хорошо видна церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Но на первой (из семейного архива) – уже без куполов, а на фото № 2 (из ЦГАКФФД) – церковь еще цела. Купола снесли после 1930 года, когда закрыли церковь [19], а это значит, что фотография № 1 была сделана после этой даты. Также на данной фотографии можно увидеть читальню, площадку с качелями, столовую, деревянные постройки и антенны, зеленые насаждения. По сравнению с уже рассматриваемой фотографией 1933 года «Читальня в саду Выборгского ДК», можно заметить отсутствие скамеек. Из всего перечисленного можно сделать вывод, что фотография № 1 сделана не позднее 1933 года, и, вероятнее, раньше, чем фото с читальней. И эта фотография позволяет нам окончательно удостовериться в том, что в 1934 году, который считается годом создания Выборгского сада, он уже давно и успешно работал.

Изучив в ходе исследования разнообразные источники, мы не нашли ни одного упоминания о том, что Выборгский сад был создан или открыт в 1934 году. Напротив, и материалы периодической

печати, и фотодокументы разных лет указывают на то, что сад в Выборгском ДК существовал уже в 1928 году, а возможно и раньше. В то же время, материалы середины 1930-х годов показывают, что жители Выборгской стороны, активно пользующиеся услугами Выборгского ДК, были не слишком довольны состоянием сада при нем. Поэтому звучали не только критические замечания в адрес руководителей ВДК, но и предложения по переустройству территории. Однако перед самой войной Выборгский сад воспринимался как один из самых привлекательных уголков Выборгской стороны, бывший в Ленинграде центром культурной жизни района. Таковым он и оставался на протяжении нескольких десятилетий.

По сравнению с сегодняшним состоянием сада, когда значительно сократилась его территория, нет такого количества объектов культурно-массового и спортивного назначения, редко проводятся мероприятия и праздники, история этого уголка Выборгского района в 1920-1930-е годы представляется яркой и увлекательной. По имеющимся у нас данным, период расцвета Выборгского сада, возможно, пришелся на послевоенные десятилетия – с момента его восстановления в 1948 г. до начала 1960-х. Этот период и станет направлением нового исследования.

Использованная литература и источники:

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 148. Оп. 1. Д. 98: Материалы по благоустройству Выборгского района. Начато 4 июля 1933. Окончено 1 ноября 1933. Акт. Л. 19.
2. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФД СПб). Общий вид сада Дома культуры Выборгского района. Автор съемки неизвестен. Место съемки г. Ленинград. Дата съемки 1928 г. Шифр: Вр 34554. Получено по запросу на основании договора № 75 на оказание услуг от 20 ноября 2017 г (счет №171/КФ).
3. Благоустройство города // Вечерняя Красная газета. – 1934. – 27 августа.
4. Благоустройство сметой не предусмотрено // Красная газета. – 1934. – 22 июля.
5. Десятки га зелени // Вечерняя Красная газета. – 1934. – 5 января.
6. Итоги двухнедельника озеленения // Вечерняя Красная газета. – 1932. – 27 мая.
7. Озеленение районов // Красная газета. – 1932. – 14 января.

8. Рабочие-культактивисты Выборгского ДК. Строить физкультуркомбинат – при Выборгском ДК // Красная газета. – 1934. – 26 июня.
9. Сады прикрепляются к клубам // Вечерняя Красная газета. – 1933. – 9 июня.
10. Весь Ленинград и Ленинградская область: адресная и справочная книга, 1928–1935. – Л. : Орготдел Ленингр. Обл. исполкома и Ленинградского Совета, 1928–1935.
11. Путеводитель по Ленинграду : с приложением нового плана Ленинграда. – Л. : Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1933.
12. Аксельрод В.И., Гусева А.В. Вокруг Финляндского вокзала : путеводитель по Выборгской стороне. – М. : Центрполиграф, 2013. – 540 с.
13. Витязева В.А., Кириков Б.М. Ленинград : путеводитель. – Л. : Лениздат, 1986. – 366 с.
14. Ерофеев А.Д., Владимирович А.Г. Скверы, сады и парки Петербурга. Зеленое убранство Северной столицы. – М. : Центрполиграф, 2015. – 430 с.
15. Коган А.Я., Лихтин А.А., Зазнобина Н.В. История Санкт-Петербурга: Выборгская сторона. – СПб. : Полигон, 2001. – 560 с.
16. Скобелева Е.А. Родина моего детства. – СПб., 2001. – 13 с.
17. Выборгский сад // Клуб «Мои Путешествия» : [сайт]. – URL: <http://my-travels.club/places/rossiya/sankt-peterburg/vyiborgskiy-sad.html> (дата обращения: 03.12.2017).
18. Выборгский сад // Гид : [сайт]. – URL: <http://www.petergid.ru/nature/garden/viborgskiy-sad.html> (дата обращения: 12.12.2017).
19. Усекновения Главы Иоана Предтечи церкви // Citywalls : архитектурный сайт Санкт-Петербурга. – URL: <http://www.c.ru/house6156.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Табачник Ксения

11 класс, ГБОУ гимназия №209

«Павловская гимназия»

Центральный район,

Юношеский университет Петербурга

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Аксельрод В.И.)

Церковь Святого митрополита Петра на Ульянке (страницы истории 1700–2018 гг.)

журнал «Зодчий». 1887. №7/8. С. 30

(Фото с сайта: <http://www.citywalls.ru/house6523.html>)

Церковь при Петре I

Начиная свое исследование, я обратилась к историческому очерку протоиерея В.И. Дурнева, составленному автором к столетию прихода Церкви Св. Петра Митрополита [5, с. 4–5]. Учитывая хронологическую давность очерка, а также подробнейшее описание хроники церкви, я рассматривала его в качестве исторического документа. На момент издания книги храму исполнилось более 180 лет, так как «первоначальное построение храма на Ульянке восходит ко времени окончательного присоединения всего южного

берега Финского залива», то есть к царствованию Петра I. Дурнев пишет, что первая церковь появилась в том месте, где гонец прибыл в штаб русской армии с известием о том, что «враг разбит на голову» [5, с. 5–6]. Петр повелел раздать участки вдоль Петергофской дороги представителям видных дворянских фамилий. Всего здесь появилось около ста дач, которые в последующие столетия росли и развивались, меняли своих владельцев. Участок же, на котором в 1718 году по указу Петра Великого был воздвигнут новый храм, принадлежал стольнику Петру Ивановичу Бутурлину [5, с. 6–7]. Основав церковь, Петр I позаботился и о населении окружающей местности. По его повелению вблизи церкви возникают поселения вологодских ямщиков – Вологодская Ямская слобода – и московской Лиги садовников (позже дер. Лигово) [4]. Именно тогда «...полотняная временная церковь заменяется постоянным деревянным храмом имени Великого Святителя Московского Петра, положившего некогда первую основу величия Московского государства, а вместе с ним единодержавия и единства всей России...» [5, с. 4–5].

В «Большой Топонимической энциклопедии» [3] район расположения церкви – Улянка определяется как район массовой жилой застройки в юго-западной части Санкт-Петербурга Кировского района. На юге он ограничен проспектом Народного Ополчения, а на западе – рекой Дудергофкой и проспектом Маршала Жукова, на севере – проспектом Стачек (Петергофской дорогой), на востоке – Дачным проспектом (с 1923–1983 проспектом III Интернационала, с 1983–1993 – проспектом Сулова). Исторический район Улянки начинается за территорией усадьбы Воронцова. Границей между ними служила Припарковая улица. Она сохранилась сегодня как улица Танкиста Хрустицкого, между проспектом Ветеранов и проспектом Народного ополчения. От проспекта Ветеранов до Петергофского шоссе на этой оси находится хорошо читаемая аллея и остатки парка [4]. У Дурнева, в свою очередь, местность, где находилась церковь, определялась так: «Церковь Св. Петра Митрополита, что за Красным Кабачком», потом стала называться «Улянка», а церковь – Улянковскую (Юлианковскую), вероятнее всего, по названию финской деревни «Юлианки», существовавшей здесь вблизи дачи графа Панина, позже – графа Шереметева [5]. В картах данного участка 1792 и 1817 годов отчетливо представлены как Петергофский тракт, так и окружающие его топонимические объекты. Их можно различить по надписям, оставленным картографом: деревни Автова и Лиговская, Емельяновка и Тентелева. На карте начала 19 века подробно указаны усадьбы владельцев здешних дач, с которыми неразрывно связана история церкви Петра Митрополита. Крестом внизу отмечен и сам храм. Ближайшими к нему усадьбами являлись владения графа Воронцова, графини Головиной, а также

Ульянка, принадлежавшая старинному роду Шереметевых. Церковь Митрополита Петра на Ульянке упоминается в воспоминаниях С.Д. Шереметева [12].

Для меня было откровением утверждение Дурнева, что большинство утвари церкви свт. Петра было доставлено Государем из Успенского собора Московского Кремля, где был упокоен митрополит. Удивительно, что Петр уделяет такое внимание маленькой провинциальной церкви, подарив ей часть реликвий одного из самых старинных, исторически значимых соборов страны [5, с. 7].

Церковь 1740–1808 гг.

Петровский храм существовал недолго. Уже 2 августа 1743 года Указом из домового канцелярии Преосвященного Никодима за № 771 на имя священника Дмитрия Дмитриева повелено было Петровский храм «за ветхостью разобрать, подрубить на новом фундаменте и паки построить тою церковь на том же месте». «28 ноября того же года, в новый храм, уже вполне приготовленный, выдан был святой антиминс, а затем в скорости освящен и самый храм. Но и этот новый деревянный храм существовал не долго...». Какой была эта новая церковь, возведенная при дочери Петра I императрице Елизавете Петровне? По мнению В. Дурнева, о ней свидетельствует картина Кестнера из фондов Эрмитажа, где на дальнем плане изображены купола этого самого храма [5, с. 7]. Следует отметить, что это утверждение противоречит информации, содержащейся в кратком очерке В.В. Антонова и А.В. Кобака в энциклопедии христианских храмов «Святые Санкт-Петербурга»: «В 1743 г. церковь находилась в плохом состоянии, и её хотели разобрать, но ещё в 1767 г. она стояла на своем месте» [1, с. 111]. Однако далее авторы очерка, противореча самим себе, пишут: «Возведение каменного однопролетного храма было осуществлено на церковные деньги в 1743–1748 гг. новым владельцем мызы графом Александром Борисовичем Бутурлиным [1, с. 111]. В. Дурнев, сначала назвавший датой построения каменного храма 28 ноября 1743 г., дальше пишет «каменное здание храма, не известно кем построенное в период с 1762 по 1787 гг., небольшое с дощатым куполом, и очень красивой архитектуры» [5, с. 8–9]. Можно предположить, что старая церковь продолжала некоторое время находиться на своем месте, в то время как рядом была построена новая каменная.

Каково же в действительности время постройки каменного храма? Просмотренное нами в ЦГИА СПб дело о строительстве церкви Петра Митрополита подтвердило информацию из энциклопедии «Святые Петербурга»: церковь возводилась с 1743 по 1748 гг. [9]. В той же энциклопедии содержится ещё одна важная информация, отсутствующая в очерке Дурнева: «Храм был отремонтирован и

в 1799 г. сделан приходским, а в его ограде в XVIII в. существовало небольшое кладбище» [1, с. 111]. По-разному освещают В. Дурнев с одной стороны, В.В. Антонов и А.В. Кобак, с другой, события, связанные с постройкой нового храма уже в эпоху Александра I. «С увеличением народонаселения, – пишет Дурнев – Духовной консисторией от 29 апреля 1808 г. за № 1297 было разрешено произвести капитальный ремонт церкви, увеличив её пристройкой. Изображения перестроенного храма не сохранилось, однако известно, что пятиглавый храм был выполнен в стиле ампир. 15 января 1809 года состоялось новое освящение храма митрополитом Амвросием [1, с. 14].

Авторы статьи в энциклопедии «Святые Петербурга» дают более подробную информацию: «В 1808 г. новый хозяин мызы – гвардейский ротмистр Иван Иванович Владимиров пожертвовал 150 тыс. рублей, которые позволили возвести колокольню, пристроить теплый придел Зачатия Иоанна Предтечи и изменить внешний и внутренний вид здания» [1, с. 112]. Сходясь в хронологии перестройки храма и его освящения, авторы расходятся в вопросе участия в проведенных работах архитектора В.П. Стасова. В. Дурнев называет его автором колокольни [2], а в энциклопедической статье сообщается, что «в 1811 г. по проекту В.П. Стасова была возведена придорожная часовня и чугунная ограда. В 1821 г. от часовни к церкви была построена широкая каменная лестница» [1, с. 14]. Пятиглавый ампирный храм простоял более 80 лет, до 1889 года.

Новый храм в «русском стиле» в царствование Александра III

В конце девятнадцатого столетия перед причтом встала неотложная и сложная в финансовом плане работа – капитальный ремонт храма или строительство нового, более обширного и теплого. «В скором времени – отмечает В.И. Дурнев, – причт получает помощь в лице уроженца Ульяновки, сына настоятеля церкви. По его инициативе архитектором В.Ф. Харламовым был разработан новый проект. Им же были привлечены благотворители. В. Дурнев называет их имена. В списке указано 43 фамилии. Среди них встречаются очень известные фамилии, например, Сергей и Александр Шереметевы (они внесли 20,050 руб.), а также Головины, Бобринские. Первым же человеком в списке стоит протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский), пожертвовавший 300 руб., что оказалось для меня настоящим открытием. Дурнев пишет, что: «Недостаток сбора покрыт церковными средствами...» [4, с. 19]. Между тем Антонов и Кобак отмечают, что средства на реконструкцию дали купцы Коняев и Рудомин. Сборы средств шли в 1886–1888 гг. Службы временно проходили в бывшем усадьбном доме. Авторы энциклопедии помимо Ф.С. Харламова соз-

дателем проекта нового храма называют В.И. Карпова. В цитируемой статье указано важное обстоятельство, отсутствующее в очерке Дурнева: «В ходе работы выяснилось, что старые стены нагрузки не выдерживают, и Харламов предложил план, по которому прежний храм сносился и возводился новый трёхпролетный в русском стиле на 1 000 человек» [5, с. 17]. В очерке Дурнева содержится подробная информация об оформлении интерьеров церкви. На пожертвованные средства по рисункам В.Ф. Харламова были сооружены семь больших киот для особо чтимых образов, отремонтирована церковная утварь. Некоторые древние образы, по словам Дурнева, «были восстановлены известными реставраторами Императорского Эрмитажа гг. Сидровыми». Как отмечает автор очерка, «...все, кто мог, пришли на помощь причту в этом святом деле. Благодаря чему и новый храм при всей бедности церковных средств благолепно украсился ко дню своего освящения...» [5, с. 17]. 9 февраля 1892 года, с благословения Святителя Исидора, Митрополита С.-Петербургского, храм был торжественно освящен Преосвященным Викарием С.-Петербургским Антонием, в сослужении Высокочтимого Протоиерея отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского) и многочисленного духовенства [5, с. 17]. Описание нового храма дает все тот же В. Дурнев: «Новый храм – пятиглавый с двумя шарообразными башенками над входами северным и южным, восьмиугольной колокольною, заканчивающеюся шатрообразным острым верхом с маленькой главкой под крестом. Длина всего храма 17 сажен, ширина 11 сажен, высота 14 сажен, рассчитан на помещение 1000 чел. По наружному виду храм представлял правильный четырехугольный крест, удлинённый в западной части в стиле Московско-ростовских церквей XVI века. Внутри был разделен колоннами на три части с большею среднею и меньшими арочными отверстиями в правой и левой части для входов в приделы. В средней подкупольной части храма главный придел соединялся с двумя боковыми большими арками, уставленными на широких пилонах». Таким храм простоял более 60 лет, до начала Великой Отечественной войны.

О чем мне рассказали метрические книги?

Важной частью моего поиска являлось изучение метрических книг церкви Петра Митрополита на Улянке, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве [9]. Данные документы представляют огромную ценность: по изложенным в них данным можно судить не только о соотношении социальных слоев среди прихожан, но и о показателях рождаемости и смертности в данной местности. Результаты моих изысканий я поместила в диаграммы и таблицы. Информация в них размещена по десятилетиям – с 1870-х гг. по 1900-е гг. При этом, самая ранняя метрическая книга, просмотренная мною, датируется 1824 годом, а далее

следует довольно продолжительный пробел, что свидетельствует об утрате церковных документов, возможно, после революционных потрясений. Данные, размещенные на диаграммах, свидетельствуют о значительном росте населения, в особенности, среди крестьянства и мещанства. Так, мы можем заметить, что в 1900 году родился 1361 ребенок, в то время как в 1876 году – всего 202. В 1824 году родилось же наименьшее число детей – 141. Самыми распространенными именами для мальчиков на протяжении 1870–1900 гг. были Василий, Федор и Николай, Петр, а для девочек – Татиана, Мария, Анна, Александра. Число браков, заключавшихся в данной местности, также возрастает: с 19 пар в 1878 году до 107 пар в 1894 году. Показатели смертности среди мужчин несколько выше, чем среди женщин – примерно на 1/3. В 1894 году показатели умерших наиболее высокие – 306 человек [9].

Храм в 1917–1940-е гг.

К 1917 году храм на Ульянке переживал пик своего расцвета. Территория прихода включала в себя Петергофское шоссе со всеми боковыми улицами и деревнями от Новоовсянниковской улицы и Огородного переулка до Новознаменской дачи включительно и деревень Старое и Новое Паново в сторону Красного Села [9]. К двум тысячам постоянных прихожан добавлялись временные прихожане в лице рабочих Путиловского завода. Информация о жизни храма на Ульянке после 1917 года крайне скупа. С 1917 г. официальным настоятелем церкви являлся Александр Васильевич Охонский, расстрелянный в годы большого террора. В 1919 году был зарегистрирован Устав Ульянковской приходской общины, а церковь была передана верующим [10]. В Центральном Государственном архиве С.-Петербурга я нашла регистрационные карточки всех священнослужителей религиозного культа Ульянковской церкви 1922 года [10]. Особого внимания заслуживает регистрационная карточка церкви, составленная 11 сентября 1922 года [10]. При этом сама церковь упоминается в документе как Приходская Ульянковская Св. Петра Митрополита и приписная кладбищенская на Красеньком и числится по адресу ул. Стачек, 156. В регистрационной карточке приведен список членов двадцатки, а также дата ее переизбрания – 5 марта 1922 г. Следует упомянуть и приведенную ниже дату отчуждения церковной земли – 1918 г., а также информацию о передаче метрических книг в 1919 г. в гражданский отдел Петергофско-Нарвского района. Переписка с Центральным Продовольственным комитетом продовольственной управой и церквями, начатая 2-го февраля 1917 года, и законченная в августе 1919 года, свидетельствует, что церковь Св. Петра Митрополита Московского продолжала работать и после революции [10]. В данном историческом документе приво-

дится «Список церквей, монастырей и подворий, коим назначена мука для печения просфор на декабрь 1917 г.» [10]. В нем представлены действующие святыни г. Петрограда, и среди них присутствует и Ульяновская церковь, значащаяся под номером 25. В архивных данных приводятся финансовые отчеты церкви за 15 сент. 1917 – 15 сент. 1919 гг., согласно которым основная часть доходов храма поступала от продажи свечей и огарков, а также опись церковного имущества [10]. Церковь Святого Петра Митрополита, оставаясь действующей, однако, по неизвестной причине не состояла на учете в бюро охраны памятников, что является крайне удивительным, если учитывать ее историческую значимость [10].

Храм в годы Великой Отечественной Войны

Последним настоятелем храма являлся Александр Иоаннович Виноградов (с 1935 г.). В 1940 году церковь в Ульянке была закрыта. Однако с марта 1941 года храму было разрешено исполнять функции кладбищенской церкви в связи с тем, что церковь на Красненьком кладбище «сгорела до основания» [10]. В годы Великой Отечественной войны церковь находилась на линии фронта, из-за чего была сильно разрушена. В таком руинированном виде здание простояло до 1947 года. Тогда же по решению властей руины церкви, частично пострадавшей в годы Великой Отечественной войны, были снесены, и в 1963 году при строительстве 1-го квартала Ульянки прямо там, где стояла церковь, была проложена улица Лёни Голикова. Проведенный нами сравнительный анализ дореволюционной и современной карт местности методом их компьютерного наложения помог более точно определить расположение разрушенного храма. Сегодня на этом месте стоит здание почты.

Настоящее

Казалось бы, эта старинная церковь исчезла с карты города безвозвратно, однако судьба распорядилась иначе. В 1991 году после заявления «двадцатки» [10] начинается возрождение храма во имя Святителя Петра Митрополита – на пустыре, еще не застроенном жилыми зданиями. Как утверждает первый и единственный настоятель современного храма, архимандрит Иринарх (Соловьев), небольшой храм из деревянного бруса построен на месте самой первой деревянной церкви. Архимандрит Иринарх (Соловьев) на страницах православного журнала «Вода живая» делится своими воспоминаниями о начале строительства новой церкви [10]. По словам старосты прихода, Виктора Лущика, работы заняли около 10 лет. В 2001 г., 18 октября 1994 года, в день памяти святителей Московских, митрополит Иоанн (Снычев) совершил великое освящение храма. Из прежнего храма сохранилась лишь главная свя-

тыня – храмовый образ святителя Петра, митрополита Московского, обнаруженный на подворье Оптиной Пустыни, куда она была передана из фондов Казанского собора, тогда музея религии и атеизма. Остальные же святыни были бережно собраны как самим настоятелем, так и прихожанами. Фотографии, связанные с историей храма, опубликованы в журнале «Вода живая». Одна из них – фотопортрет настоятеля храма, созданный Станиславом Марченко [7, с. 38–41].

26 марта 2014 года при Храме Святителя Петра митрополита Московского с благословения Архимандрита Иринарха был создан благотворительный фонд развития и поддержки православия «Батюшка». Первостепенной задачей фонда является возрождение каменного Храма Святителя Петра Митрополита Московского Всея России Чудотворца. Любой желающий может внести в фонд посильные пожертвования на развитие и возрождение Ульяновской церкви.

Использованная литература и источники:

1. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Петербурга : энциклопедия христианских храмов Санкт-Петербурга. – [3-е изд., доп., испр.]. – СПб. : Лики России : Фонд «Спас», 2010. – 511 с.
2. Архитекторы и строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : справочник / под общей редакцией Б.М. Кирикова. – СПб. : Пилигрим, 1996. – 266 с.
3. Большая Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. – СПб. : ЛИК, 2013. – 1135 с.
4. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога : историко-архитектурный путеводитель. – СПб. : Европейский дом, 2001. – 448 с.
5. Дурнев В.И. Столетие Прихода Церкви Св. Петра Митрополита, что на Ульянке, 1799 31/09 1899. – СПб. : тип. П.П. Сойкина, 1899. – 37 с.
6. Зодчий. – 1887. – № 7/8. – С. 30–31 ; № 11/12. – С. 91–93.
7. Полвека среди людей. В гостях у архимандрита Иринарха (Соловьёва) // Вода живая. – 2017. – № 5 (май). – С. 38–41.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 796.
9. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 10. Д. 218; Оп. 126. Д. 1577, 1579, 1581, 1582, 1583, 1584, 1585, 1586, 1588, 1589, 1590, 1591, 1592, 1593, 1594, 1595, 1596, 1597, 1598; Оп. 122. Д. 65.
10. ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 2. Д. 31, 32, 38; Ф. 1221. Оп. 1. Д. 11, Л. 60; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 126, Л. 78; Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4, л. 223–226 об.
11. Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В. Православные храмы Санкт-Петербурга, 1917–1945 гг. : справочник. – СПб. : Русско-балт. информ. центр «Блиц», 1999. – 367 с.
12. Шереметев С.Д. Ульянка. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1893. – 24 с.

Копылова Мария

9 класс, ГБОУ гимназия №73

«Ломоносовская гимназия»

Выборгский район,

историко-краеведческий клуб

«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Стальмак Е.П.)

Адресная система Петербурга, или История настенных номерных знаков

АДРЕСНАЯ система города – это, прежде всего, удобство для горожан и гостей, и в Санкт-Петербурге – центре туризма, это особенно значимо. А информационная составляющая любой адресной системы – это настенный номерной знак. В Музее истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб) в Комендантском доме Петропавловской крепости в зале № 21 есть стенд, который так и называется «Знаки настенные номерные». Интересно было узнать историю появления этих адресных табличек подробнее. Так родилось это исследование.

Номерная надомная табличка как информационная составляющая адресной системы.

Полицейская реформа Ф.Ф. Трепова

В мае 1866 года Александр II назначает в столицу на должность обер-полицмейстера Федора Федоровича Трепова, который должен был добиться улучшения работы полиции и порядка в городе [10, с. 25]. Ф.Ф. Трепов в том же месяце представил Министру Внутренних Дел проект нового штата Управления С.-Петербургского Обер-Полицмейстера и проект преобразования Петербургской полиции [5, с. 313–315]. А 23 сентября 1866 года император Александр II повелел назначенному обер-полицмейстеру немедленно приступить к переустройству С.-Петербургской полиции. Вся территория столицы была разделена на 38 участков вместо 58 кварталов с сохранением деления города на 12 частей. Надзиратели кварталов, обращенных в участки, были переименованы в участковых приставов, сами участки обозначены номерами по каждой части с присоединением названия части, к которой они принадлежали: например, 3-й участок Спасской части, 1-й участок Адмиралтейской части и т.д. Ещё в 1864 году город был поделен и на мировые участки, которые появились в ходе судебной реформы Александра II, изложенной в Высочайше утвержденном «Учреждении судебных установлений»

[13, с. 180–215]. Трепов решает, что и на домах должна быть информация не только о номере здания, но и о части города, и о номере участка, а в дальнейшем и о номере мирового участка. И заказ на изготовление таких надомных номерных знаков получает купец, фабрикант и издатель Герман Карлович Корнфельд [12, л. 23].

Г.К. Корнфельд и его номерные надомные таблички

В начале 1860-х годов в Санкт-Петербург из Варшавы приезжает молодой, но очень амбициозный человек – это Герман Корнфельд. Он приехал по приглашению своего соотечественника Маврикия Осиповича Вольфа (1825–1883), известного к тому времени петербургского издателя и книготорговца. Вольф пригласил Корнфельда заведовать отделом подписки на иностранные журналы в его магазине. Корнфельд мечтал со временем стать самостоятельным издателем и свято верил, что судьба уготовила ему сделать состояние в России. Но Корнфельд понимал, что на небольшое жалование в магазине у Вольфа свое дело не открыть. В 1865 году он открыл фабрику каучуковых штампелей и новоизобретенных тогда металлических вывесок [8, с. 16–19]. Фабрика металлических надписей Корнфельда в Санкт-Петербурге являлась первой в России, за это Корнфельд был награжден почетной наградой «За введение в России производства металлических надписей» и медалями на европейских и российских выставках [6, с. 35]. Согласно рекламе, фабрика Корнфельда занималась «поставками нумераций домов для целых городов и таблиц с наименованием улиц» [6, с. 35]. По документу из Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга «Об осмотре фабрики металлических надписей Корнфельда» в 1892 году можно узнать, что представляла собой фабрика Корнфельда [11]. Согласно распоряжению председателя по фабрично-заводским делам и постановлению от 23 мая 1892 года о надзоре за фабриками и заводами, 23 июня 1892 года был произведен осмотр фабрики металлических надписей Корнфельда, которая находилась во 2-м участке Александроневской части по Лиговской улице № 32. В протоколе осмотра подробно описаны помещения и условия труда на фабрике металлических надписей Корнфельда [11, с. 5]. Корнфельду везло: организовав первую в Петербурге фабрику по производству металлических вывесок в 1865 году, он уже в конце 1866 года получил большой заказ от оберполицмейстера Трепова на изготовление адресных табличек в столице, потому что в городской терминологии появляется понятие участок части. Корнфельд разрабатывает сначала «безымянную» доску, где отражен номер дома, название части города и полицейский участок. Примерно такую надомную доску я нашла в ГМИ СПб. Видимо эти

доски провисели на домах долго, потому что историк С.Ф. Светлов в своей книге «Петербургская жизнь в 1892 году» писал: «Каждый дом имеет свой номер, который означается на особых досках» и приводит рисунок такой доски [15, с. 50]. Эти доски хорошо видны на фотографиях старого Петербурга, сделанных фотографом Карлом Буллой. Затем Корнфельд разрабатывает новый вид доски, где сгруппированы все полезные для администрации сведения, то есть добавляет номер мирового участка и фамилию домовладельца [12, с. 23]. Пример такой доски есть в ГМИ СПб, эти доски хорошо видны на фотографиях старого Петербурга. Такой номерной настенный знак в Санкт-Петербурге можно увидеть не только в музее, но и на доме № 10 по Малой Гребецкой улице.

В Интернете я нашла интересный для данного исследования документ – это «Счет-Заказ № 3. Фабрика металлических букв Германа Корнфельда в С.-Петербурге», в котором читаем: «Принято заказ на № дома 29, 31 (Правая-Сторона) по образцу, утвержденному Его Превосходительством г. Обер-Полицмейстером. В Спасской части 2-го участка. От смотрителя Собственного Его Величества Дворца получено 1 руб. 50 коп. шесть рублей серебром». Этот документ интересен вдвойне. Во-первых, видна цена номерного знака для простых домовладельцев – это зачеркнутые цифры (1 руб. 50 коп.), во-вторых, можно определить адрес заказчика: Спасская часть, 2 участок – это набережная реки Фонтанки, Аничков дворец (по адресной книге 1868 года у него №№ 29, 31). Заказаны адресные таблички у Корнфельда, автора и изготовителя номерных надомных табличек нового образца.

Сколотив некоторый капитал, Г. Корнфельд в 1875 году осуществил свою давнюю мечту и начал выпускать юмористический журнал «Стрекоза». На страницах именно этого журнала появился первый рассказ А.П. Чехова. Почти тридцать лет Корнфельд издавал журнал, и только смерть прервала любимое дело [8, с. 19]. Однако на этом история «Стрекозы» не окончилась. В 1908 году сын издателя Михаил кардинально преобразовал журнал. Так был создан знаменитый сатирический журнал «Сатирикон».

Временный генерал-губернатор Гурко и номерные фонари

В Петербурге должность временного генерал-губернатора с 7 апреля 1879 года занял Иосиф Владимирович Гурко-Ромейко [10, с. 73]. И.В. Гурко был на посту временного генерал-губернатора меньше года, но в Петербурге его не забудут, ведь именно Гурко приказал установить на каждом доме фонари, на которых нарисован номер дома [16, с. 51], [9, с. 447]. Эти номерные фонари вывешивались у ворот, у подъездов и вообще на видных местах,

во-первых, для скорейшего отыскания нужного дома в тёмное время суток, во-вторых, как дополнительные светильники к простым фонарям. Об этом пишет в своей книге С.Ф. Светлов, а также приводит рисунок и описание номерных фонарей. В Петербурге сохранился похожий фонарь по адресу Каменоостровский проспект, дом 26/28. Аналогичные фонари хорошо видны и на фотографиях старого Петербурга Карла Буллы, например, на фотографии дома №6 по Невскому проспекту 1897 года. Потом эти номерные фонари переделали, так получились номерные надомные знаки с подсветкой. Пример такого знака с подсветкой я нашла в ГМИ СПб и, конечно, на фотографиях старого Петербурга.

Последующие градоначальники внимательно отслеживали состояние и исправность номерных фонарей. Например, в июле 1889 года вышел приказ петербургского градоначальника П.А. Грессера «Об освещении лестниц и фонарей с номерами домов», который предписывал: «Ввиду наступления темных ночей, предлагаю гг. приставам произвести наблюдение, чтобы освещение, как парадных, так и черных лестниц в домах, а равно и фонари с номерами домов, производились с полной аккуратностью, причем в подтверждение неоднократных моих распоряжений... просить домовладельцев или доверенных их по примеру прошлых лет освещать дворы и фонари с номерами домов во все время горения уличных фонарей» [13]. В сентябре 1893 года появился приказ «О проверке номеров и номерных фонарей на домах», по которому приставам рекомендовалось: «1) немедленно проверить и донести мне – на всех ли домах имеются номера и номерные фонари; 2) там, где номера затеряны, закрашены или вообще не ясно видны, - потребовать от домовладельцев или управляющих домами произвести безотлагательную очистку или возобновление таковых, и 3) обязать домовладельцев тех домов, в коих нет номерных фонарей завести таковые в 4-хдневный срок» [14].

Подведем итоги: номерные таблички являются необходимой информационной составляющей адресной системы, позволяя легко найти район и нужный адрес в Петербурге. Такую задачу перед производителями и ставили губернаторы Петербурга, когда заказывали и утверждали эти надомные номерные знаки, которые можно увидеть не только в ГМИ СПб, но и на фотографиях старого Петербурга.

Номерная надомная табличка как информация о производителе

Номерная табличка с дома № 5 Федора Петровича Дедова тесно связана с историей Бронзо-цинколиейного завода, на котором, согласно музейной этикетке, она была изготовлена, а также историей владельца этого предприятия – Э. Новицкого.

Кто же такой этот Э. Новицкий? В «Справочной книге о лицах С.-Петербургского купечества...» за 1913 год читаем: «Эдмунд Эдуардович Новицкий, сын губернского секретаря, вероисповедание католическое, выбирное свидетельство с 1903 года» [14, с.515]. На основании адресных книг с 1901 по 1917 год [1–3] мне удалось составить информационную справку о предприятиях, которыми владел Новицкий: это бронзово-цинко-литейный завод (выпускал разнообразные кабинетные предметы и скульптурную пластику) (Гороховая ул., 36); паровой механический хлопкоочистительный и белильный завод (Выборгская сторона, Варваринская ул., угол Александровской ул., 4–8); фабрика «Новый лен», открытая в 1911 году, где по собственной технологии обработки льна производились скатерти, салфетки и предметы одежды; ватная фабрика; фото- и бронзо-цинкографическое производство; фабрика каучуковых штампов. Новицкий также имел магазины по адресу Невский пр., 34 (Галерея Пассажа, 48) и на Садовой ул., 9 [1, с. 711]. Сам Новицкий проживал в Выборгской части, 1 участок, в собственном доме по ул. Александровская д. 8/4 [2, с. 6]. В Адресной книге за 1902 год [1, с. 751] я нашла рекламу следующего содержания: «Нумера для квартир и домовъ, орнаменты и фигуры. Эд. Эд. Новицкий. Контора Гороховая, 36 телеф. № 3106. Магазины Невский пр. 34 (Пассажъ № 48) Садовая 9. См ты по требованію». Видимо, по этому адресу и обратился Ф.П. Дедов с заказом на изготовление настенной номерной таблички для своего дома № 5 по Николаевской улице в селе Рыбацкое полицейского участка – Александровский [3, с. 458].

Оригинально был оформлен фасад магазина-выставки Новицкого на Садовой улице, где на пяти этажах были собраны образцы работ литейного завода, штамповочной, гипсовой и граверной мастерских [9]. Важную часть художественной продукции составляли бюсты русских царей и императоров (в 1910–11 годах предприятие организовало массовое производство памятников Александру II) [9]. На всех изделиях ставилось клеймо «Бронзо-цинколитейный заводъ Эд. Эд. Новицкаго въ С.-Петербургъ».

Э. Новицкий – успешный предприниматель и заводчик, талантливый изобретатель и инженер. В 2014 году, при последней реставрации Галереи Пассажа на Невском пр., 34, была восстановлена именная вывеска его заведения, которая навсегда увековечила память об этом незаурядном и интересном человеке.

Использованная литература и источники:

1. Весь Петербург на 1902 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – СПб. : А.С. Суворин, 1902.
2. Весь Петербург на 1909 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – СПб. : А.С. Суворин, 1909.

3. Весь Петербург на 1913 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – СПб. : А.С. Суворин, 1913.
4. Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1889 год. – СПб. : Тип. С.-Петерб. Градоначальства, 1890. – [4], 134, [91] с.
5. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703-1903). – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 326 с.
6. Дело об открытии комиссионерской конторы куп. Германа Корнфельда // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 11. Д. 427.
7. Динерштейн Е.А. «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. – М. : Книга, 1986. – 256 с.
8. «Из области инициативы и предприимчивости...» // Огонек. – 1911. – № 12. – С. 48.
9. Об осмотре фабрики металлических надписей Корнфельда // ЦГИА СПб. Ф. 338. Оп. 1. Д. 90.
10. О проверке и исправлении нумерации домов в С.-Петербурге // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 72. Д. 475.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: 1825–1881 гг. – СПб. : Тип. II Отделения Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1864. – Т. 39.
12. Приказ С.-Петербургского градоначальника «Об освещении лестниц и фонарей с номерами домов» // Известия С.-Петерб. городской думы. – 1889. – № 26. – С. 159.
13. Приказ С.-Петербургского градоначальника № 202 от 4.09.1893 «О проверке номеров и нумерных фонарей на домах» // Известия С.-Петерб. городской думы. – 1893. – № 28. – С. 763.
14. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах в 1913 году. – СПб., 1913. – 1043 с.
15. Светлов С.Ф. Петербургская жизнь в 1892 году. – СПб. : ГИПЕРИОН, 1998. – 125 с.
16. Табель домов города С.-Петербурга С показанием новой и старой полиц. нумерации домов, вновь открытых улиц, переулков и набережных, с наименованием оных и переименованием некоторых из ныне существующих. – СПб., 1889. – 304 с.
17. Фотографии прошлого. Санкт-Петербург // Pastvu.com : [сайт]. – URL: <https://pastvu.com/ps?f=r15> (дата обращения: 29.12.2018).

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Головина Лидия

9 класс, ГБОУ школа №349,
ГБУ ДО ДД(Ю)Т «На Ленской»
Красногвардейский район
(руководитель – Столбова Н.П.)

Сотрудники отделения СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена в 1920– 1930-е гг.

Подготовка педагогических кадров в отделении СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена

Для организации успешного воспитания и перевоспитания социально запущенных детей и подростков необходимы были специально подготовленные педагогические кадры. Начиная с 1920 года, при местных отделах народного образования создавались краткосрочные курсы, которые занимались переподготовкой психологов и педагогов, а также всех сотрудников учреждений СПОН. Учебные планы и программы курсов содержали общественно-политические, правовые, общеобразовательные и психолого-педагогические дисциплины.

Результаты психологических исследований и практика работы с социально запущенными детьми и подростками уже к середине 1920-х годов показали, что сотрудникам нельзя ограничиваться констатированием отрицательных черт, поступков, а прежде всего, следует изучить причины и условия их возникновения, поскольку поведение несовершеннолетнего изменяется в процессе его развития. Отсюда следовало, что сотрудник учреждения СПОН должен знать не только возрастные психологические, но и индивидуальные особенности воспитанника, выявить позитивную сторону личности. При исследовании особенностей социально запущенных детей учитывались характер поведения, причины и мотивы проступков, условия, вызывавшие беспризорность, правонарушение [17, с. 32]. В 1922 году Петроградским институтом социального воспитания

(существовал в 1921–1925 годах) и Московским институтом детской дефективности было открыто отделение социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) с 4-годовалым обучением под руководством известного юриста Павла Исаевича Люблинского. Время создания отделения было очень трудным. Война, революция, массовая беспризорность стали социальной трагедией. В 1925 году Петроградский институт социального воспитания вошел в состав Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена.

Учебная программа этого нового факультета – факультета СПОН была разнообразна. Кроме общепедагогических учебных дисциплин в нее входили циклы медицинских и юридических наук. За полный курс института воспитанники изучали и сдавали экзамены более чем по сорока учебным предметам с соответствующей практикой. На последнем курсе факультет делился на два – отделение правовой защиты, которым руководил известный ленинградский юрист, профессор, магистр уголовного права Павел Исаевич Люблинский и отделение специальных детских учреждений, которым руководил профессор Павел Григорьевич Бельский. У профессора Люблинского был ассистент – опытный юрист, первый в России детский судья – Николай Александрович Окунев. У Бельского было два ассистента. Виктор Николаевич Никольский (одновременно заведующий детским домом на Каменном острове) и Виктор Николаевич Сорока-Росинский (заведующий 39-й школой подростков Центрального района Ленинграда, куда он только что перешел из школы имени Достоевского – ШКИД). Институт в те годы был еще плохо оборудован. Однако преподавательский состав был блестящим. Свои курсы и лекции читали видные ленинградские профессора и педагоги. Для изучения некоторых предметов и прохождения практики воспитанники посещали специальные учреждения, среди которых были: клиника для нервного больного профессора Грибоедова, институт для глухонемых детей профессора Бельского, специальные юридические консультации для детей и одиноких матерей. Ежегодно на отделение СПОН принимали до 30 человек. В 1926 году был расширен набор студентов на отделения СПОН и произведен тщательный пересмотр учебных планов и программ [1, л. 5].

Отделения СПОН в высших учебных заведениях, существовавшие до начала 1930-х годов, были закрыты в связи с ликвидацией массовой детской беспризорности в стране. 9 сентября 1932 года было закрыто Отделение СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена.

Сотрудники отделения СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена

Опираясь на архивные дела, можно составить представление о жизни и деятельности работников отделения СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Большинство из них работали с беспризорными и дефективными детьми еще до революции и продолжили работу в новых условиях.

Павел Исаевич Люблинский

Начинать знакомство с сотрудниками отделения СПОН стоит с главного лица этого отделения – с его руководителя Павла Исаевича Люблинского. По совместительству, он являлся руководителем отделения правовой защиты отделения СПОН. Согласно архивным документам, П.И. Люблинский родился в городе Гродно в 1882 году. Окончив в 1900 году гимназию, поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет, где проучился 4 года. В 1907 году защитил магистерскую диссертацию по уголовному процессу. Для усовершенствования своих знаний бывал в Германии, Франции, Англии, Италии и Северной Америке. Там он знакомился с работой юридических учреждений, в том числе с судами для несовершеннолетних и специальными воспитательными заведениями для них. Активно участвовал в международных конгрессах и съездах в Будапеште, Гамбурге, Вашингтоне, Филадельфии, Париже, Брюсселе, Копенгагене [19, с. 10–11].

Свою педагогическую деятельность начал вскоре по окончании университета на Высших женских юридических курсах в Петербурге, а затем в университете. Одним из первых, вместе с Н.А. Окуновым, начал пропаганду идей особого суда по делам несовершеннолетних, созданного в Петербурге в 1910 году. В 1907 году был избран профессором Высших Бестужевских курсов и Петербургского психоневрологического института. Много печатался по специальности, начиная с 1904 года. После 1917 года был постоянным участником всех Всероссийских съездов и конференций по охране детства, совещаний по охране материнства и младенчества. В марте 1920 года он первым организовал социально-правовой кабинет и стал руководить всей этой работой в Петрограде. В 1922 году Люблинский был избран профессором детского права и охраны детства при Ленинградском институте социального воспитания, где в этом же году организовалось отделение СПОН, руководителем которого он стал. В 1925 году это отделение влилось в педагогический институт имени А.И. Герцена.

По продуктивности своей научной работы в области криминологии профессор Люблинский занимал первое место не только

среди русских криминалистов, но и за границей. За высокие научные заслуги он был удостоен в 1938 году без защиты диссертации ученой степени доктора юридических наук. В последние годы жизни П.И. Люблинский занимался разработкой Уголовно-процессуального кодекса СССР. 20 декабря 1938 года его жизнь оборвалась в результате несчастного случая [3, л. 6].

Павел Григорьевич Бельский

Известно, что руководителем отделения специальных детских учреждений на факультете СПОН был профессор Павел Григорьевич Бельский. П.Г. Бельский родился в 1879 году в Москве в семье врача. По окончании гимназии поступил в университет на юридический факультет, который окончил в 1904 году. Еще в университете определилось его увлечение работой по борьбе с детской преступностью. Он проходил практику в Рукавишниковском приюте под руководством директора приюта А.А. Фидлера. Приют для исправления малолетних преступников Н.В. Рукавишникова находился в Москве (Смоленский бульвар, 30). По окончании университета Бельский продолжил работать в приюте, а в 1911 году стал его директором и работал в этой должности до 1917 года.

После революции был назначен заведующим отделом детской дефективности и правовой защиты в Петроградском институте социального воспитания. В эти годы он организовал первую в России Комиссию по делам несовершеннолетних и был первым ее председателем. По его инициативе были открыты специальные заведения для трудновоспитуемых детей. В сентябре 1919 года Бельский был назначен директором вновь организованного Врачебно-воспитательного института, который располагался в Петрограде, на набережной реки Карповка, 5, в доходном доме. До института, с 1910 по 1918 год в этом доме находился детский дом №4. Обратимся к воспоминаниям о преподавателе выпускника Отделения СПОН института им. Герцена и ученика П.Г. Бельского – Виктора Андреевича Бабычева: «Он читал курс педагогики трудного детства. Одновременно заведовал учебно-воспитательным институтом на Карповке. Там мы проходили практику по работе с трудновоспитуемыми подростками...».

П.Г. Бельский был самым любимым и близким к студентам преподавателем факультета СПОН: «Потому ли, что мы были уже на четвертом курсе или это было в самом характере профессора, но с первых же дней нашего с ним знакомства взаимоотношения между студентами и профессором установились самые близкие. Искренне любили мы нашего профессора и гордились дружбой с ним». Из воспоминания мы узнаем, что профессор отбирал студентов Отделения СПОН для работы и практики во Врачебно-воспитательном институте, которым он руководил. Одним из счастливых стал

и наш выпускник: «... Наметил он и меня. А чтобы я мог сначала присмотреться к работе, предложил мне пройти летнюю практику у себя в институте. Я согласился и работал летом у него в институте в качестве воспитателя. В этом врачебно-воспитательном институте все было поставлено на научную основу: врачебное обслуживание невропатологом, хорошо оборудованный антропометрический кабинет, методические разработки для персонала, игровой материал для воспитанников» [2]. В.А. Бабычев отмечает, что Павел Григорьевич Бельский был не только прекрасным учителем, но и любимым директором для своих воспитанников: «...сами воспитанники были обыкновенными подростками, по тем или иным причинам не удержавшимися в обычных школах или семьях... Были они легко возбудимыми и глубоко педагогически запущенными. Директора своего они любили и за глаза называли батей. Он знал про эту кличку и не только не обижался, а скорее гордился ею...» [2, с. 5]. П.Г. Бельский проживал с семьей в квартире № 45 по Лермонтовскому проспекту, д. 30 [18, с. 35–37].

Адриан Сергеевич Грибоедов

Именитым профессором кафедры психологии, педологии и методики педологического обследования Педагогического института им. Герцена, а также доктором медицинских наук был А.С. Грибоедов. Родился 23 августа 1875 года в Петрограде, в 5-й классической гимназии в Петрограде получил среднее образование. В 1899 году окончил Военно-Медицинскую Академию со званием лекаря с отличием и по конкурсу был оставлен при Военно-Медицинской Академии для усовершенствования и подготовки к преподавательской деятельности. Своей специальностью избрал психиатрию и невропатофизиологию. Специализировался в клинике душевных и нервных болезней у академика В.М. Бехтерева, работая в лаборатории и в качестве ординатора клиники. В 1901–1902 году сдал экзамены на степень доктора медицины. С 1902 по 1917 годы работал старшим врачом учреждения для умственно-отсталых детей и эпилептиков «Братства Во Имя Царицы Небесной». В 1903 году был избран лектором Педологических курсов, а с преобразованием их в 1909 году в Педагогическую Академию был избран профессором кафедры патологической педагогики. В 1906 году А.С. Грибоедов избран лектором Фребелевских Педагогических курсов, а в 1913 году товарищем председателя Педагогического Совета курсов. В 1918 году курсы были преобразованы в Педагогический Институт Дошкольного образования. А.С. Грибоедов стал профессором психопатологии детского возраста и патологической педагогики, а также деканом факультета детской дефективности, а затем проректором института [5, л. 4].

А.С. Грибоедов – автор более восьмидесяти печатных работ, посвященных проблемам дефективных детей. В 1918 году под редакцией А.С. Грибоедова был выпущен сборник лекций «Воспитание и обучение дефективных детей», который включал в себя курсы различных профессоров на тему «Общая и частная психология детского возраста». Курс, рассчитанный на 30 часов, включал, в частности, вопросы: задачи патологической педагогики; причины нервных и душевных заболеваний детского возраста; значение психических переживаний и др. [10, с. 50]. Одновременно Грибоедов сотрудничал с Психоневрологическим институтом, созданным в 1907 году, где был избран профессором по кафедре патологической педагогики. Обязанности профессора исполнял до реформирования Психоневрологического Института, когда в 1918 году был избран преподавателем кафедры врачебной педагогики Государственного института Медицинских Знаний и Директором Детского Обследовательского психоневрологического Института. С 1920 года состоял заведующим отделением детской дефективности Петроградского Губздрава и членом Медико-Педологической Консультации Наркомпроса. В 1921 году А.С. Грибоедов был избран вице-президентом Психоневрологической академии.

После слияния в 1925 году двух институтов (Петроградского института социального воспитания и Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена), работал в должности профессора кафедры дефектологии Ленинградского Государственного Педагогического института [5, л. 7]. До 1928 года А.С. Грибоедов оставался вице-президентом в руководимой В.М. Бехтеревым ещё с дореволюционных времён Психоневрологической академии. В конце 1920-х годов А.С. Грибоедов принял предложение возглавить клинику и кафедру детской психоневрологии и психологии Первого медицинского института, а также Психоневрологический сектор Научно-практического института охраны здоровья детей и подростков (ныне известный как НИИ детских инфекций).

С началом Великой Отечественной войны А.С. Грибоедов некоторое время оставался в Ленинграде, где пережил первую блокадную зиму. Весной 1942 года вместе с частью сотрудников и студентов Первого медицинского и Санитарно-гигиенического институтов он был эвакуирован на Кавказ для организации в Кисловодске филиала медицинского института. С марта 1943 года принял на себя обязанности заместителя директора по научной и учебной работе. В конце войны, когда пришло известие о снятии блокады, А.С. Грибоедов стал собираться в Ленинград. Но неожиданно скончался в июне 1944 года на 69 году жизни, так и не увидев Ленинграда. Похоронен профессор Адриан Сергеевич Грибоедов на городском кладбище в Пятигорске.

Виктор Николаевич Сорока-Росинский

Выдающимся педагогом-гуманистом отделения СПОН являлся Виктор Николаевич Сорока-Росинский. Родился В.Н. Сорока-Росинский 26 ноября 1882 года в украинском городке Новгороде-Северском, ныне Черниговской области, близ которого было небольшое имение его отца, потомственного военного, Николая Михайловича Сороки. Мать Виктора Николаевича носила фамилию Росинская, происходила из семьи священников небольшого городка Золотоноши. Теперь нетрудно догадаться, откуда у Виктора Николаевича такая необычная фамилия. В 1901 году поступил в университет на историко-филологический факультет, по окончании которого с дипломом I степени, в 1906 году, стал преподавать в гимназиях Петербурга-Петрограда (Введенская гимназия, Ларинская гимназия, реальное училище Черняева, Стрельнинская гимназия). Одновременно был помощником столоначальника в Управлении Санкт-Петербурга. Затем интерес к психологии привел его в Военно-медицинскую академию, где он проработал два года в психологической лаборатории. Много В.Н. Сорока-Росинский занимался научной и литературной деятельностью. Его работы публиковались в журналах «Вестник воспитания», «Русская школа», «Народный университет». Большой педагогический опыт В.Н. Сорока-Росинский приобрел в коммерческом училище Путиловского завода, где работал с 1918 года.

В 1920 году В.Н. Сорока-Росинский с группой педагогов-единомышленников организовал и возглавил школу-коммуны имени Ф.М. Достоевского для трудновоспитуемых детей, где проявил себя как выдающийся педагог-гуманист. Работал в газетах: «Вечерняя Красная Газета», «Смена», «Иллюстрированная Бытовая Газета», «Комсомольская Правда», где с 1927 года писал, как за своей подписью, так и под псевдонимом ВИКНИКСОР, статьи по вопросам педагогики. Одновременно с заведованием 39-й школой, Сорока-Росинский состоял ассистентом Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена на отделении СПОН, готовившем воспитателей для работы с беспризорными и трудными детьми, а также с осужденными подростками. Сюда его пригласил известный в то время юрист, профессор П.Г. Бельский, с которым В.Н. Сорока-Росинский был близок по работе еще с дореволюционного времени [14, с. 11]. Состоя сверхштатным ассистентом по кафедре профессора П.Г. Бельского, он просил о возможности провести на каком-нибудь из отделений института курс по исследованию коллективной жизни учащихся по собственно выработанному методу. Наиболее известные научные работы В.Н. Сорока-Росинского: «Возможна ли психология как самостоятельная наука» (журнал «Вестник знания», 1907), «Эмоции и их культура» (журнал «Вестник знания», 1909), «От прину-

дителя к добровольчеству» (журнал «Трудовая школа», 1923), «Трудновоспитуемые» (журнал «Педагогическая Мысль», 1924), «Культурная революция и педагогические коллективы» (журнал «Просвещение», 1928), «Детский дом как коллектив», «Трудновоспитуемые из детдомов» (Журнал «Детский Дом») [8, л. 4]. Со студентами В.Н. Сорока-Росинский был дружески-холодно сдержан, не допускал ни малейшей фамильярности. Совместная поездка в Москву с Н.А. Окуневым (ассистентом профессора П. Г. Бельского) и группой студентов с 25 апреля по 5 мая 1926 года несколько сблизила преподавателя и студентов. Командированные побывали в обычных школах для трудновоспитуемых, в приемниках-распределителях, в детских отделениях домов заключения [19, с. 27].

В начале Великой Отечественной войны педагог остался в блокадном Ленинграде. Он продолжал, несмотря на все ухудшавшееся здоровье, учить ребят в 210-й школе, писал статьи в газеты. В августе 1942 года Виктора Николаевича, дошедшего до крайней степени дистрофии, с обострившимися заболеваниями сердечно-сосудистой системы, прогрессирующей глухотой, ухудшением зрения, к счастью, удалось эвакуировать на Алтай, в Ойрот-Туру (ныне Горно-Алтайск). Осенью 1948 года Виктор Николаевич вернулся в Ленинград и стал преподавать: сначала русский язык и литературу в 233-й женской школе, затем в 260-й школе, откуда, как гласит запись в его трудовой книжке, был «отчислен из состава учителей».

Погиб Виктор Николаевич в возрасте 78 лет нелепо, трагически – попал под трамвай. Случилось это горестное событие 1 октября 1960 года. Похоронен В.Н. Сорока-Росинский на Серафимовском кладбище [14, с. 13–17].

Михаил Павлович Беклешов

Штатным доцентом Государственного Педагогического Института им. А.И. Герцена, преподавателем кафедры СПОН был Беклешов Михаил Павлович. Родился 15 марта 1866 года. По окончании школы поступил и успешно окончил артиллерийский курс Константиновского военного училища. По приговору Окружного Военного Суда был признан виновным по 250 статье (политическое дело) с лишением всех прав, состояния и воинского звания и приговорён к ссылке на поселение в Сибирь. Благодаря определенным обстоятельствам вместо Сибири провел год в Петропавловской крепости и на 4 года был разжалован в солдаты. В 1901 году вышел в отставку.

Увлечшись педагогикой, в 1895 году прослушал педагогические курсы при Казанском университете. В 1898 году совершил трехмесячную заграничную поездку в Германию, Францию и Швейцарию для ознакомления с постановкой принудительного воспитания дефективных детей. С 1895 по 1898 год заведовал школьной стати-

стикой при Вятском Губернском Земстве, которое издало печатный труд М.П. Беклешова «К вопросу о введении всеобщего обучения» (1901). С 1878 (?) по 1906 годы был избран директором Вятской исправительной колонии для несовершеннолетних. Проработав в Вятской исправительной колонии, педагог переехал в Петербург, где был назначен директором Санкт-Петербургской Земледельческой исправительной колонии на Ржевке. В 1913 году читал лекции по вопросам воспитания дефективных детей на курсах, организованных Психоневрологическим Институтом в Петербурге. Следуя сведениям, отраженным в его архивном деле, с 24 апреля 1919 года был преподавателем Педагогических курсов комиссии Социального Обеспечения; с 21 августа 1919 года заведовал Показательно-трудо-вым детским интернатом при Институте дошкольного образования; с 28 сентября 1919 года работал лектором всеобща Комиссариата по военным делам; с 14 ноября того же года был командирован в город Вятку по приглашению Вятского губернского отдела Народного Образования, где работал до 1922 года инструктором по детским домам, организовывая краткосрочные курсы по педагогическим дисциплинам. В 1920-х годах читал лекции по воспитанию трудных детей в разных городах страны. 2 марта 1922 года был приглашен в Петроградский Институт Социального Воспитания на кафедру внешкольных работ с трудными и дефективными детьми. 20 марта того же года назначен заведующим домом для трудных детей Выборгского района Петрограда. 15 июня 1925 года Беклешов стал уполномоченным по ликвидации Ленинградского института педологии и дефектологии. После образования Отделения СПОН Педагогического института им. А.И. Герцена читал курсы по внешкольной работе с трудными и дефективными детьми на отделениях СПОНа и дефектологическом.

Михаил Павлович Беклешов прожил насыщенную и яркую жизнь. Во время своей педагогической карьеры он сумел подготовить множество педагогов для работы с трудными детьми, что было необходимым в то тяжелое время [4, л. 3]. Скончался М.П. Беклешов в 1946 году. Место его захоронения неизвестно.

Галина Николаевна Копычевская

Одной из немногих сотрудниц-женщин отделения СПОН, его выпускницей, являлась Копычевская Галина Николаевна, старший штатный ассистент по кафедре СПОН Педагогического Отделения Педагогического института им. Герцена. Родилась 25 апреля 1889 года в г. Могилёв на Днепре (Белоруссия). Училась в 7-ми классной женской гимназии, не окончив которую, стала работать учительницей в младших классах Женской прогимназии. Преподавала русский, французский и немецкий языки и географию.

В 1908 году поступила в Женский Педагогический Институт на Словесно-Историческое отделение. Своей специальностью избрала историю русского языка и литературы, а также прослушала полный курс истории французского языка и литературы. По окончании института, с 1914 по 1915 годы работала учительницей русского языка в 8-ми классной Женской Гимназии в Астрахани. Не будучи удовлетворенной педагогической работой, перешла на службу в Красный Крест, которым осенью 1915 года была командирована на работу в Холерно-эпидемический госпиталь в г. Орле. Через 2 месяца, по прекращении эпидемии, перешла в 50-й Сводный тифозный Военный Эвакуационный Госпиталь.

До осени 1919 года служила счетоводом в интендантских учреждениях Красной Армии. С осени 1919 года была учительницей русского, литературы и французского языка в школе II-й ступени в селе Коростыни Старорусского уезда Новгородской губернии. Попав в очень тяжёлое материальное положение вследствие уничтожения школы пожаром, в январе 1921 года приехала в Ленинград. Здесь с февраля 1921 года по 1-е октября 1922 года работала воспитательницей-обследовательницей Комиссии по делам несовершеннолетних Ленинградского Государственного Отдела Народного образования. В феврале 1922 года поступила на 3 курс Педагогического института Социального Воспитания Нормального и Дефективного ребёнка (позже Институт педологии и дефектологии), который окончила в октябре 1923 года по отделению СПОН. Тогда же была оставлена научным сотрудником при кафедре СПОН. Во время обучения в Институте педологии и дефектологии, в течение года, с 1922 года по 1923 год, состояла членом кружка по детской психопатологии, которым руководил профессор А.С. Грибоедов. На одном из заседаний кружка делала сообщение по вопросу детской проституции в условиях того времени в Ленинграде. По окончании института Педологии и Дефектологии в качестве научного сотрудника, работала с 1923 года в кружке Детской Криминологии, при кафедре СПОН Института педологии и дефектологии, руководимом профессором П.И. Люблинским. Участвовала в коллективной работе членов кружка по собиранию материалов об особенностях имущественных правонарушений несовершеннолетних. Весной 1924 года в числе других воспитателей-обследователей была привлечена к руководству практикой студентов 4-го курса, специализировавшихся по СПОН. С октября 1924 года была принята в Институт педологии и дефектологии на должность ассистента по кафедре СПОН. Руководя практикой студентов, в 1924-1925 учебном году провела со студентами 3 и 4 курсов отделения СПОН 100 обследований неблагополучных несовершеннолетних. Проводила семинары со студентами, где обсуждались обследованные ими случаи. Весной 1925 года,

при слиянии ленинградских педагогических вузов в единый вуз была переизбрана на должность старшего штатного ассистента при кафедре СПОН Педагогического института им. Герцена. С 1926 года в ее руках сосредоточилось руководство практикой всех студентов 3 и 4 курсов при Комиссии по делам о несовершеннолетних.

С осени 1927 года Предметной Комиссией СПОН была назначена представителем в Комиссию по педагогическо-методической практике института [6, л. 5]. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Использованная литература и источники:

Источники

Архив Музея РГПУ им. А.И. Герцена

1. Отделение СПОН Ленинградского Государственного Педагогического института им. А.И. Герцена. Архивная справка. 1940-е?
2. Воспоминания выпускника отделения СПОН института им. А.И. Герцена 1927 года Виктора Андреевича Бабычева. 1950-е?
3. Колосова Е.М. Подготовка педагогических кадров на факультете СПОН в Герценовском институте. Архивная справка. 1990-е?

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

4. Ф.4331. Оп.42. Д.174. Беклешов Михаил Павлович. 1926–1929.
5. Ф.4331. Оп. 42. Д. 114. Грибоедов Адриан Сергеевич. 1925–1928.
6. Ф. 4331. Оп. 42. Д. 158. Копычевская Галина Николаевна. 1925–1929.
7. Ф.4331. Оп.42. Д.253. Окунев Николай Александрович. 1925–1929.
8. Ф.4331. Оп. 42. Д. 275. Сорока – Росинский Виктор Николаевич. 1925–1929.

Литература

9. Ведущие ученые Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева : антология / под ред. профессора Н.Г. Незнамова. – СПб., 2007. – 425 с.
10. Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка : сб. ст. сотрудников Пед. ин-та соц. воспитания нормального и дефективного ребенка / под ред. А.С. Грибоедова, А.К. Борсука и В.В. Белоусова ; Психоневрол. акад. – М. ; Пг., 1924. – 98 с.
11. Воспитание и обучение дефективных детей : сб. лекций / под ред. проф. А.С. Грибоедова и д-ра К.Т. Казаченко-Триродов. – Пг. : Комиссариат социал. обеспечения, 1918. – Т. 1–3.
12. Декрет от 14 января 1918 года. Ст. 16 Собрания Узаконений и Распоряжений Правительства 1918 // Справочник по социально-правовой охране несовершеннолетних (СПОН) в

- РСФСР / сост. отделением СПОН Воронежского Губсоцвоса ; под общ. ред. сотрудника СПОН И.Я. Свиридова. – Воронеж, 1924.
13. Карамышева З.Ш. Педагогические проблемы социальноправовой охраны несовершеннолетних в РСФСР, 1917-1932 : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Науч.-исслед. ин-т общей педагогики АПН СССР. – М., 1976. – 22 с.
 14. Петербургский учитель : жизнь и творчество В.Н. Сороки-Росинского : [сборник статей] / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена ; [авт.-сост.: Е.М. Колосова и др.] ; под общ. ред. Г.А. Бордовского и В.А. Козырева. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2007. – 220 с.
 15. Профессора Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена в XX веке : биогр. справ. / [сост.: Е.М. Колосова и др. ; под ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева]. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2000. – 391 с.
 16. Пантелеев А.Е., Белых Г.Г. Республика ШКИД. – Л., 1927. – 320 с.
 17. Справочник по социально-правовой охране несовершеннолетних (СПОН) в РСФСР / сост. отделением СПОН Воронежского Губсоцвоса ; под общ. ред. сотрудника СПОН И.Я. Свиридова. – Воронеж, 1924. – 96 с.
 18. Фомина К. Война и время. 36 писем с войны // Звезда. – 2012. – № 5. – С. 35–37.
 19. Хмыров А.Н. Охрана детства и профилактика беспризорности в Петрограде (1917–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1980. – 24 с.
 20. Шендерова Р.И. Знаменитый универсант Виктор Николаевич Сорока-Росинский : страницы жизни. – СПб. : Факультет филологии и искусств С.-Петерб. гос. ун-та, 2010 – 175 с.

Андреева Анна

9 класс,

ГБОУ «Вторая Санкт-Петербургская
гимназия»

историко-краеведческий клуб

«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Стальмак Е.П.)

Петербургский хирург Е.В. Павлов: жизнь, отданная людям

Е.В. Павлов в Петербурге: детские годы, учеба в Медико-хирургической Академии, медицинская практика

В ходе работы с документами Российской национальной библиотеки мне удалось узнать, что Евгений Васильевич Павлов родился 26 февраля 1845 года в Царском Селе (г. Пушкин) в семье офицера кавалерийского полка [23, с. 2]. Первые годы жизни мальчик прожил в деревянном доме на углу Знаменской (ул. Восстания) и Спасской (ул. Рылеева) улиц [4, с. 168]. Вскоре отец Евгения Васильевича получает новое назначение по службе, и семья переезжает из Петербурга в Воронеж.

По окончании воронежской гимназии Евгений Павлов летом 1863 года, блестяще справившись с вступительными экзаменами, был зачислен на первый курс своекоштных (обучающихся за свой счет – примечание наше – А.А.) студентов Императорской медико-хирургической академии [7, с.10] по адресу Морская ул, д. 6 (ныне ул. Академика Лебедева). Академия являлась высшим специальным учебным заведением для подготовки врачей военных и морских ведомств. В 1860-х годах на первый курс принималось по 300 человек, в основном, студентами были выпускники духовных и учительских семинарий, решивших посвятить свою жизнь медицине [4, с. 174]. Обучение продолжалось пять лет. По предложению известного медика Н.И. Пирогова, образование в академии проходило в три этапа: на первой ступени – получение теоретических знаний, на второй – формирование представлений о болезнях, на третьей ступени – обучение в клиниках с приобретением практики работы с больными. Воспитанники получали специальности лекаря, провизора, ветеринарного врача. Первые годы обучения в Петербурге были связаны у Павлова с большими материальными трудностями. Приходилось платить за образование, съемное жилье на Выборгской стороне, учебники. Нужда заставила юношу заниматься частными

уроками, зарабатывая по шесть рублей в месяц. С третьего курса отлично учившемуся студенту Павлову дали казенную стипендию [7, с. 11]. Во время учебы в академии Е.В. Павлов сомневался в правильности своего выбора: будучи студентом, он не мог переносить крики больных и видеть хирургические операции. Позднее он напишет в своей автобиографии: «Пришлось перерабатывать свои нервы с первых же шагов при начале курса. Я начал с того, что принудил себя брать в руки кости скелета, затем трогать трупы, затем пачкать руки в трупной крови. Дурной запах анатомического здания нередко вызывал чувство тошноты, но во втором курсе во время продолжительных занятий в той же препаровочной я мог даже закусывать. Пришлось заставлять себя и оставаться одиноким среди трупов по вечерам при очень тусклом освещении, хотя первое время это вызывало неприятную дрожь и чувство особого удовольствия, когда наступала минута ухода из среды покойников» [4, с. 175]. Павлов вспоминал, как «сбежал» с операции – вскрытия абсцесса, произведенной профессором П.А. Нарановичем. С трудом он экспериментировал на животных на кафедре профессора М.М. Руднева. На пятом курсе Евгений Васильевич произвел первую пластическую хирургическую операцию шестидесятилетней женщине по поводу заворота век.

Во второй половине XIX века Императорская медико-хирургическая академия стала одной из лучших высших медицинских школ Европы. В это время происходят важнейшие открытия в медицине, развивается анатомо-физиологическое направление (Н.И. Пирогов), появляются антисептики (Джозеф Листер) и асептики (Эрнст Бергман, Луи Терье, Петр Дьяконов), создаются новые методы борьбы с кровотечением (Фридрих Эсмарх, Жан Пеан). С большой любовью отзывался Е.В. Павлов о своих учителях – профессорах академии, среди которых были такие выдающиеся ученые, как С.П. Боткин, И.М. Сеченов, М.М. Руднев [4, с. 178]. Студент с большим интересом посещал их лекции и практические занятия, интересовался техникой микроскопических исследований. В декабре 1868 года Е.В. Павлов, пройдя выпускные испытания, окончил Императорскую медико-хирургическую академию с серебряной медалью. Выпускник получил звание лекаря и начал врачебную практику [4, с.4]. Преодолевая детские страхи и комплексы, Евгений Васильевич оперирует в лечебницах Петербурга, защищает докторскую диссертацию, оттачивает свое мастерство. Хирург Павлов принимает участие в организации лазаретов и проводит операции во время войны на Балканах и русско-японской войны. В мирное время Евгений Васильевич преподает в медико-хирургической академии, читает курсы военно-полевой хирургии, проводит опыты и пишет научные работы. В фондах библиотеки я обнаружила работы Е.В. Павлова «По поводу применения рентгеновых лучей в хирур-

гии», «О пулевых ранениях во время славянской войны 1876–77 гг.», «К истории новообразования костной ткани» и другие. Полный перечень научных работ Павлова представлен в Приложении.

Обратившись к адресным книгам «Весь Петербург», мне удалось определить первые адреса проживания медика в нашем городе – угол нынешней улицы Рылеева и улицы Восстания (позже 1845–1853), неизвестный дом на Выборгской стороне (1863–1868).

Е.В. Павлов и Александровская община сестер милосердия. Общественная жизнь

Делом жизни Е.В. Павлова стала работа в Александровской общине сестер милосердия Российского общества Красного Креста (Бронницкая ул., д. 9), которой он отдал тридцать три года своей жизни (с 1883 по 1916 гг.). В этой больнице Павловым было сделано всё – от внесения изменений в проект здания до организации ее успешного функционирования. Здание общины, построенное в 1886 году архитектором Д.Д. Зайцевым, было уникальным. План здания совместно с зодчим разрабатывал главный врач Е.В. Павлов. Одной из особенностей проекта были закругленные углы помещений, которые препятствовали скоплению пыли. Изучив в Центральном государственном историческом архиве чертежи здания, я узнала, что больница представляла собой комплекс, который состоял из основного здания, церкви, здания хирургической больницы, хозяйственных построек и сада [26]. Здание соответствовало последнему слову техники того времени. Архитектором и врачом были продуманы системы отопления, вентиляции, освещения, теплые полы [14, с. 7]. Посетив дом 9 по Бронницкой улице, где сегодня располагается Научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи, я увидела, что интерьеры и многие элементы сохранились до наших дней.

При написании работы я ознакомилась с уставом общины, ежегодными отчетами, послужными списками сестер милосердия. Узнала об организации общины, ее правилах и порядках, ее деятельности в России. В отчетах Александровской общины, составленных Павловым, было обнаружено подробное описание лечебницы, списки пациентов и их болезни. Александровская община отличалась идеальным порядком и необыкновенной дисциплинированностью сестер милосердия. Павлов привлекал к работе лучших врачей Санкт-Петербурга: Г.И. Турнера, К.Ф. Славянского, А.А. Эбермана. Во время деятельности Евгения Васильевича больница достигла наивысшего расцвета. Круг общения хирурга был очень широк. Павлов был лично знаком с императорами Александром III и Николаем II, министром Просвещения В.Г. Глазовым, писателем Вс. Гаршиным,

художниками Ильей Репиным и Михаилом Нестеровым, последний упомянул хирурга и его знаменитую лечебницу в своих мемуарах [9]. В Военно-Медицинском музее есть групповая фотография, подписанная «годовщина лазарета для раненых воинов имени Ф.И. Шаляпина. Среди присутствующих проф. Е.В. Павлов, Ф.И. Шаляпин, д-р С.Я. Эйнгорн, М.Ф. Волькенштейн, Э.А. Эрштерм, А.О. Эйнгорн, И. Дворищин, сестры милосердия и раненые. С фотографии И. Оцуп». Исследуя историю шальяпинского лазарета, я узнала, что артист в 1914 году, во время Первой мировой войны, открыл и содержал два госпиталя: в Москве (в доме певца на Новинском бульваре, 25) и в Петрограде, в здании Екатерининского собрания (наб. кан. Грибоедова, 90). Сам певец нередко посещал раненых, беседовал и проводил концерты. Медицинские заведения предназначались для «нижних чинов». В годы войны в лазаретах Шаляпина лечилось около 400 солдат. А работали в этих заведениях доктора – приятели Шаляпина, одним из которых был и Е.В. Павлов.

В 1890-1910-е годы Павлов сменил в Петербурге несколько адресов, которые мне удалось выяснить: это Загородный проспект, 26 (1894), Загородный проспект, 28 (1895), Литейный проспект, 56 (1896–1900) (служебная квартира при Мариинской больнице), Бронницкая улица, 9 (1901–1916) (служебная квартира при Александровской больнице сестер милосердия).

Павлов также активно развивал курорты Российской Империи. Имея дачу в местечке Уч-Дере, под Сочи, Евгений Васильевич вместе с другими знаменитыми дачниками, занимался проблемами этого города. Он был председателем Общества изучения Черноморского побережья. Павлов серьезно занимался бальнеологией, изучал Кавказские минеральные воды и их воздействие на человека. В 1913 году общество провело в Петербурге выставку «Русская Ривьера», посвященную развитию курортов на берегу Черного моря. Накануне этой выставки Сочи и окрестности посетил известный фотограф С.М. Прокудин-Горский, запечатлевший дачу Павлова и его чудесный сад.

Е.В. Павлов: семья и место захоронения

Евгений Васильевич Павлов умер 29 января 1916 года. Некролог сообщал об этом: «Не стало популярнейшего виртуоза хирургического искусства лейб-хирурга Евгения Васильевича Павлова. Он умер неожиданно в ночь на 29 января от заражения крови. Его последняя операция оказалась для него смертельной. На маленький порез на руке попал гной и вызвал рожистое воспаление. Были приняты меры, чтобы локализовать воспаление. Улыбнулась надежда на излечение, но вскоре частичное заражение перешло в общее. Не справился с недугом старческий организм. Евгений Васильевич скончался на 71-м году от роду. Он до конца жизни сохранил замечательную

жизненную бодрость: молодость энергии, страсть увлечения общественными интересами» [6, с. 207]. К сожалению, в справочной литературе отсутствует информация о его могиле. Известно только, что Е.В. Павлов умер 29 января 1916 года в Санкт-Петербурге, в своей квартире в здании Александровской общины сестер милосердия, по адресу: ул. Бронницкая, д. 9. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря (Московский пр., 100, к. 1), могила не сохранилась [23, с. 23]. Во время написания работы я попыталась провести собственное расследование. Обратившись к ранее обнаруженным метрическим книгам церкви Александровской общины Красного Креста за 1916 год [33], я нашла запись о смерти 29 января главного врача Петроградской Александровской общины сестер милосердия Красного Креста, тайного советника, лейб-хирурга Высочайшего Двора, Евгения Васильевича Павлова. Обряд отпевания был совершен протоиереем Михаилом Березиным 31 января 1916 года, а погребение прошло на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря. В книге «Алфавит погребенных на Новодевичьем кладбище» с 1903 по 1919 гг. есть запись о захоронении усопшего 28 января 1916 года на 53 участке 1 разряда [1]. Видимо, при составлении этого документа ошиблись работники кладбища, когда систематизировали сведения об умерших по алфавиту после 1919 года. На рубеже XIX–XX веков Новодевичье кладбище являлось одним из самых привилегированных, благоустроенных и дорогих кладбищ Петербурга. На его территории хоронили только людей высших сословий, среди которых было множество видных государственных деятелей – министров, военачальников, писателей, поэтов, ученых, художников и артистов. Оно делилось на несколько разрядов: два церковных и четыре общих. В 1870–1880 гг. землю поделили на правильные квадратные участки, разделенные дорожками. Участки церковных разрядов находились вокруг Ильинской и Скорбященской церквей, а далее в восточном направлении шли, уменьшаясь по значению, 1–4-й разряды. Дешевых и бесплатных мест на Новодевичьем кладбище не было. Указом духовной консистории в 1889 г. была утверждена стоимость мест: от пятисот рублей в первом церковном разряде до пятидесяти в четвертом. Обратившись к «Книге записи захоронений на купленные места» с 1903–1919 гг. [5], данных о покупке участка для могилы Е.В. Павлова я не обнаружила. У меня появилась гипотеза, что место покупалось ранее для члена семьи врача. Проверив книгу «Алфавит погребенных на Новодевичьем кладбище» с 1852 по 1916 гг. [1, 2], я нашла записи о захоронении 25 июня 1901 года на 53 участке 1 разряда жены лейб-хирурга Двора его Императорского Величества Павловой Ольги Ивановны. Обряд отпевания был совершен в Введенской церкви лейб-гвардии Семеновского полка. Собор Введения во Храм Пресвятой Богородицы был возведен в 1842 году для лейб-гвардии Семеновского полка (Загородный пр., 45а), в

настоящее время не сохранился. Обратившись к метрическим книгам за 1901 г. [3], я нашла запись о смерти 25 июня 1901 г. Ольги Ивановны Павловой, жены Евгения Васильевича. Она умерла в возрасте 48 лет [3]. Смерть наступила от воспаления мозга. Обратившись к газетному фонду Российской Национальной Библиотеки, в ежедневной газете «Новое время» за 30 января 1916 года я нашла некрологи [8]. О смерти тайного советника, профессора, лейб-хирурга Е.В. Павлова сообщали Александровская община Красного Креста, Елизаветинская больница для малолетних детей, Общество изучения Черноморского побережья. В четвертом некрологе написано: «Нина Евгеньевна Булгакова извещает о кончине горячо любимого отца, лейб-хирурга Евгения Васильевича Павлова, последовавшей 29 января, в 3.30 утра» [8]. Таким образом, было выяснено имя дочери профессора, о которой я попыталась найти информацию. В фондах Российского Государственного Исторического Архива находятся документы министра народного просвещения, начальника Академии Генерального штаба генерала В.Г. Глазова. В его личных документах я обнаружила приглашение от Е.В. Павлова и О.И. Павловой на свадьбу их дочери – Нины Евгеньевны Павловой с Булгаковым Борисом Андреевичем [21]. Обряд венчания должен был состояться в 16 часов 12 ноября 1900 года в домово́й церкви графа Н.А. Пратасова-Бахметева по адресу: Невский пр., 72 (в настоящее время не сохранилась). В приглашении указаны имена родителей жениха – Андрей Павлович и София Михайловна Булгаковы. По справочнику «Весь Петербург» за 1902 год содержатся сведения о том, что Андрей Павлович Булгаков, являясь действительным статским советником, проживал по адресу: Загородный пр., 27/19. Таким образом, удалось выяснить имена родственников Евгения Васильевича Павлова, петербургские адреса и примерное нахождение могилы хирурга.

Сравнив план Новодевичьего кладбища 1885 года с современным, было установлено, что дореволюционный 53 участок кладбища соответствует сегодня 9 участку. В 1920-30 гг. многие могилы были разорены, а надгробия разрушены. В конце прошлого века на 9 участке появились новые захоронения. Могила Е.В. Павлова утрачена.

Использованная литература и источники:

1. Алфавит погребенных на Новодевичьем кладбище, 1903–1919 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 5. Д. 2.
2. Беляков Н.А. Сестры милосердия. – СПб. : Лики России, 2005. – 243 с.
3. Введенская лейб-гвардии Семеновского полка // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1106. 460 л.
4. Славянский К.Ф. Двадцатипятилетние врачи бывших студентов Императорской медико-хирургической академии выпуска

- 9-го декабря 1868 г. – СПб. : Типо-Литография Р. Голике, 1893. – 258 с.
5. Книга записи захоронений на купленные места. 1903-1919 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 8.
 6. Марциновский Е.И. Некролог // Медицинское обозрение. – 1916. – № 3/4. – С. 207-208.
 7. Муравьева Е.Ф. Памяти Евгения Васильевича Павлова // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. – 1970. – № 2. – С. 147-148.
 8. Некрологи // Новое время. – 1916. – 30 января.
 9. Нестеров М.В. Давние дни : встречи и воспоминания. – М. : Терра Книжный Клуб Книговек, 2017. – 302 с.
 10. О продолжении в 1887-м году пособий от города лечебным учреждениям, не состоящим в ведении городского общественного управления // ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4405.
 11. Общие и послужные списки сестер милосердия // ЦГИА СПб. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. 298 л.
 12. Общие и послужные списки сестер милосердия // ЦГИА СПб. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2. 183 л.
 13. Осипова З.Н. Александровская община // Российская оториноларингология. – 2004. – № 2 (9). – С. 148-155.
 14. Отчет Александровской общины сестер Красного Креста за 1885-1886 гг. – СПб. : Тип. Менделевича, 1888. – 59 с.
 15. Павлов Е.В. Отчет по хирургической деятельности в Александровской и Свято-Троицкой общинах за 1884/5 г. – СПб. : Тип. Якова Трея, 1886. – 97 с.
 16. Российское Общество Красного Креста. Исторический обзор деятельности. – СПб., 1902. – 143 с.
 17. Павлов Е.В. // Всемирная иллюстрация. – 1894. – Т. 51, № 1305. – С. 78.
 18. Павлов Е.В. На Дальнем Востоке в 1905 году : из наблюдений во время войны с Японией. – СПб. : Книгопечатня Шмидт, 1907. – [4], 380, 107 с.
 19. Павлов Е.В. По голодавшим губерниям. – СПб. : Тип. В.Ф. Киришаума, 1899. – 92 с.
 20. По ходатайству комитета Александровской больницы Красного Креста о пособии от города на содержание хирургической амбулаторной лечебницы // ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4043. 21 л.
 21. Приглашения В.Г. Глазову разных лиц на бракосочетания // РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 843. 188 л.
 22. Профессор Е.В. Павлов : (портрет) // ЦГАКФФД СПб. Г 14812.
 23. Смирнов Е.В. Хирург Е.В. Павлов : (краткий очерк жизни и деятельности). – Ленинград : Воен.-мор. мед. акад., 1951. – 20 с. – (Материалы по истории биологии и медицины ; вып. 9).

24. Устав Александровской общины сестер Красного Креста. – СПб. : Тип. А.М. Менделевича, 1897. – 20 с.
25. Церковь Никольская единоверческая, церковь Экспедиции заготовления Государственных бумаг, церковь Министерства иностранных дел, церковь при Творожковско-Троицком подворье, церковь при Александро-Мариинском доме, церковь петроградского градоначальства, церковь Александровской общины Красного Креста, церковь 2-й гимназии // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3263. 389 л.
26. Чертежи здания Александровской общины сестер Красного Креста по Бронницкой ул., 9 // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4617. 57 л.
27. Чествование 25-ти летнего юбилея главного врача Александровской общины Профессора Е.В. Павлова // Вестник Красного Креста. – 1908. – Ноябрь.
28. Янов Ю.К., Рязанцев С.В. История Санкт-Петербургского научно-исследовательского института уха, горла, носа и речи (1930–2010 гг.). – СПб. : Национальный регистр, 2010. – 152 с.

Васильева Вероника

8 класс, ГБОУ школа №127

ГБУ ДО ДД(Ю)Т «На Ленской»

Красногвардейский район

(руководитель – Столбова Н.П.)

Первый детский мировой судья – Николай Александрович Окунев

Из биографии мирового судьи Н.А. Окунева

Как свидетельствуют архивные документы, Николай Александрович Окунев родился 1 Января 1858 года в Устюженском уезде Новгородской Губернии, в дворянской семье. Все свое детство провел в деревне. Курс среднего образования получил в Петербурге в 7-й Гимназии (основана в 1862 году, находилась на 12 линии ВО, 5), преобразованной в 1872 году в 1-е Реальное Училище. Экзамен об окончании курса сдал экстерном во 2-м Реальном училище.

1 июня 1881 года Окунев был арестован и отдан административным порядком на три года под гласный надзор полиции с обязательством проживания в г. Устюжне Новгородской губернии. Все это произошло в результате обнаружения у него запрещенных материалов. Данные события произошли в его родном городе Устюжне,

в том месте, где он проживал в тот момент. В то время такое обнаружение не считалось чем-то очень серьезным, но от административной ответственности не отказались. Несмотря на свое положение, Окунев старался получить хорошее образование. За время нахождения в Устюжне, он прошел курс юридического факультета, изучая материал в домашних условиях. После освобождения Окунева 13 октября 1884 года Устюжинским Уездным Земским Собранием, он в возрасте 26 лет был избран на должность участкового мирового судьи. В то время мировой судья имел большие права. На рассмотрение мирового судьи поступали серьезные дела и обвинения, а также документы, требующие публичного рассмотрения. Он имел все права на избрание, так как имел подходящее образование, а также соответствовал возрастному и имущественному цензу. И хотя Сенат в своем указе упоминал, что Окунев состоял под гласным надзором полиции, но назначенный срок отбыл до времени выборов в мировые судьи. Эту должность Окунев занимал вплоть до 1890 года. 23 января 1890 года Окунев вновь был избран Новгородским Губернским Земским Собранием, но на должность Члена Новгородской Губернской Земской Управы. Н.А. Окунев стал заведующим народным образованием, школами, педагогическими курсами и учительскими семинариями. В 1880-е годы появляются его первые статьи, посвященные вопросам крестьянства, земства, охране детства. Они были опубликованы в газете «Страна» в августе 1880 года. Его статьи на тему «охраны детства» – в журнале Министерства Юстиции, в «Тюремном Вестнике», а также в журнале «Призрение и Благотворительность» [3, л. 2].

27 Октября 1893 года Санкт-Петербургской Городской Думой Н.А. Окунев был избран на должность Санкт-Петербургского Столичного Участкового Мирового Судьи. Начиная с 1896 года, Окунев стал избираться Мировым Судьей также в Юридическую Комиссию, существовавшую для рассмотрения более сложных юридических вопросов, а составом этой комиссии избирался ее председателем [3, л. 1]. В дальнейшие годы, исполняя обязанности Мирового Судьи, Окунев будет искать подходы к созданию особых судов для несовершеннолетних.

Деятельность Н.А. Окунева по созданию Особого суда для несовершеннолетних

Еще в первые годы своей судебной деятельности Окунев обратил внимание на то, как вредно действует на детей общение с взрослыми преступниками на суде и в домах предварительного заключения: «Опыт доказал, что, вступая в тюрьмы, молодежь скоро привыкает к их обстановке, отучается владеть собою и выхо-

дит оттуда искалеченной физически, умственно и нравственно» [9, с. 135]. С тех пор всю свою жизнь Николай Александрович Окунев упорно добивался создания для малолетних нарушителей особых учреждений и особого суда. Первый в мире суд по делам несовершеннолетних был учрежден в 1899 году в Чикаго (США). В России (Петербург) Особый суд для несовершеннолетних был учрежден в 1910 году, однако, исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних получили развитие значительно раньше – в середине 1860-х годов. Проект о замене тюремного заключения для малолетних преступников исправительным воспитанием в Земледельческих колониях и ремесленных приютах был Высочайше утвержден 5 декабря 1866 года. Первая в России Земледельческая колония и ремесленный приют для малолетних преступников открылись под Петербургом вблизи Ржевки в 1871 году [13, с. 324]. Однако широкого распространения воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних не получили. Подходы к их созданию появились благодаря радеющим за дело педагогам и юристам П.И. Люблинскому, Н.А. Окуневу и другим только в 1900-е годы. В декабре 1907 года вышло Положение о воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних. Целью их создания было нравственное исправление и подготовка несовершеннолетних к честной трудовой жизни. Эти учреждения давали детям первоначальное общее образование, а также практические знания. Окунев был заинтересован в создании подобных учреждений в России: «Чрезвычайно важно, чтобы закон об исправительно-работных домах не только был издан, но чтобы он получил также и насколько возможно широкое применение». Что касается поступления или принятия в работные дома, он считал, что если преступление совершено до 17 лет, работные дома совсем не должны применяться, здесь необходимы исключительно воспитательно-исправительные заведения [6, с. 13]. В 1908 году Окунев начал ездить на Международные Конгрессы по вопросам Патроната и Судов по делам о малолетних. В 1908 году совершил длительную поездку по Англии, Шотландии и Германии ради ознакомления на месте с работой воспитательно-исправительных заведений и только что начавших открываться особых детских судов. В результате этих поездок появились напечатанные Окуневым отчеты, доклады, описания учреждений и т.д. [5, с. 9]. На съезде представителей воспитательно-исправительных учреждений России в 1908 году была высказана идея создания особых судов для несовершеннолетних. В октябре 1908 года на заседании Санкт-Петербургского общества патроната по инициативе председателя общества профессора И.Я. Фойницкого была избрана комиссия по вопросу о введении в России особого суда по делам о несовершеннолетних. Комиссия

создавалась для разработки положения об особых судах. В ее состав входили: профессор И.Я. Фойницкий, приват-доцент П.И. Люблинский, мировые судьи А.М. Беллямин и Н.А. Окунев [12, с. 7]. Как писал известный юрист А.Ф. Кони, основной задачей особых судов для несовершеннолетних являлась: «Помешать совершению преступлений. Надо исправить, укрепить и охранить от падения всех тех, кто мог бы стать преступником...» [11, с. 255]. Доклад Комиссии по введению особого суда для малолетних был представлен в Городскую Думу и Министерство Юстиции в конце 1909 года. 3 декабря 1909 года Санкт-Петербургский Столичный Мировой Съезд сделал постановление об учреждении особой камеры для малолетних, избрав на должность заведующего этой камерой Н.А. Окунева. Первый в России особый суд по делам малолетних был открыт в Петербурге 21 января 1910 года [3, л. 2]. Городская дума Санкт-Петербурга выделила необходимые средства на создание и функционирование суда, а мировой суд избрал на должность особого судьи по делам несовершеннолетних Н.А. Окунева. Располагался суд на Екатеринбургском проспекте, 4. Таким образом, на долю Н.А. Окунева выпало дело организации особого суда для малолетних, привлечение к нему сотрудников-попечителей, участие во всех учреждениях по охране малолетних в качестве Председателя Общества Воспитательно-Исправительных приютов и заведующего особым судом для малолетних [3, л. 2]. Нормативной базой для деятельности судов служил Закон об ответственности малолетних и несовершеннолетних от 2 июня 1897 года, отдельного закона о «детских» судах не было. Особенность судов для малолетних — исключение гласности (кроме оглашения приговора), упрощение форм и обрядов производства, присутствие при разбирательстве поручителей, которые принимали участие в предварительном следствии [10, с. 51].

В 1913 году П.И. Люблинский совместно с Н.А. Окуневым разработали новый закон об ответственности малолетних. Данный проект был представлен на Первом Всероссийском съезде деятелей по вопросу суда для малолетних в декабре того же года. Проект был положен в основу работы комиссии Временного правительства по реформе уголовного законодательства. Он был частично включен в «Положение о попечительных судах для малолетних», оставшееся неосуществленным. [10, с. 52]. К 1917 году «детские» суды уже функционировали в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Либаве, Риге, Томске, Саратове и других городах России [9, с. 135]. После Октябрьской революции суды для малолетних прекратили свою деятельность. В должности заведующего особым судом по делам малолетних Н.А. Окунев оставался вплоть до 1918 года, когда все прежние суды были закрыты, а дело охраны несовершеннолетних передано в Комиссариат Социального Обеспечения [3, л. 3].

Н.А. Окунев и Земледельческая колония за Ржевкой

Начиная с 1910 года мировой судья Н.А. Окунев активно сотрудничал с Петербургской Земледельческой колонией, куда по его приговору отправляли малолетних правонарушителей, стараясь улучшить жизнь воспитанников. Петербургская Земледельческая колония и Ремесленный приют были учреждены 7 июня 1871 года. Первых воспитанников колония, расположенная в живописном месте за станцией Ржевка приняла 10 октября 1871 года [13, с. 324]. В 1910-е годы здесь было более трехсот малолетних преступников. Это было заведение не карательного, а воспитательно-учебного типа. Здесь запрещались жестокие наказания, считалось, что научить и исправить поведение ребят можно только посредством трудовой деятельности. Во главе колонии в это время находился Михаил Павлович Беклешов, происходивший из знаменитой псковской дворянской семьи, в которой были даже декабристы. Беклешов так характеризовал важность деятельности: «Война ведется не только на границах государства, война ведется и внутри страны: с невежеством, беднотой и их законным детищем – преступностью» [8, с. 1]. Именно этого мнения придерживался и Н.А. Окунев, осуществляя свои цели.

Окунев опирался на выдающихся психиатров, специалистов по детской психологии. В первую очередь была составлена новая программа обучения, в которую входили новшества, не встречающиеся ранее при работе с малолетними правонарушителями. Окунев утверждал, что должно быть как можно меньше «тюремщины», никаких решеток, сторожевых собак. Даже форма детей, по мнению Окунева, не должна была быть похожа на тюремную, а должна была соответствовать школьному уставу. В своих действиях Окунев следовал определенному принципу: ни в коем случае не давать детям времени предаваться мечтам и строить планы преступления. Утро начиналось с подъема, утренней молитвы, школьных занятий, после обеда был предусмотрен спортивный час. Дети играли в городки, в рюхи или лапту. Вечером предполагались хоровые спевки, разучивание пьес, дети занимались ручным трудом и другими делами [7, с. 25]. Интересный эпизод, характеризующий отношение Окунева к воспитанникам, описывает А.Н. Андреев – сын учителей колонии, который выросл рядом с малолетними правонарушителями. Дело касалось побега из колонии 26 мальчиков. Директор колонии М.П. Беклешов обратился к мировому судье Н.А. Окуневу и в полицию. Когда сбежавших встретили, их спросили: «Почему вы убежали?». На что они ответили: «Знаете, весна и такой дух, хочется путешествовать». «А, путешествовать хочется, – сказал Окунев, –

почему же не сказали, мы бы могли организовать поездку в Петербург». Согласились вернуться не все. Тогда Окунев и директор решили, что те, кто вернулись, наказаны не будут, а тех, кого поймают, ждет наказание. Приехав на Ржевку, ребята пошли на разговор к Окуневу, но суровому наказанию не подвергались [7, с. 28–29]. В 1914 году колония была переведена в имение Рерихов в Изваре, где в 1918 году прекратила свое существование.

Зная положительную статистику о будущем ребят, покинувших особые приюты для несовершеннолетних преступников, Окунев писал, что чрезвычайно важно, чтобы закон об исправительно-рабочих домах получил насколько возможно широкое применение [6, с. 15].

Деятельность Н.А. Окунева в Отделении СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена

В июле 1918 года Окунев был зачислен на штатную должность инструктора Отдела Детской Дефективности с переименованием потом инспектором в Отдел Социального Воспитания Ленинградского Отдела Народного Образования. Далее в жизни Николая Александровича Окунева последовало большое число событий, связанных с развитием идеи организации защиты несовершеннолетних в новых условиях: он проводил педагогические беседы для трудновоспитуемых детей, читал лекции по курсу: «Борьба с детской беспризорностью и преступностью». В 1920 году Окунев занял должность инструктора по устройству Детских Домов для трудновоспитуемых детей, но главным событием стало назначение на должность ассистента по Отделению СПОН в Ленинградский Педагогический Институт имени А.И. Герцена [3, л. 3].

Система СПОН – социально-правовой охраны несовершеннолетних – начала формироваться в 1918 году. Она включала мероприятия государства, направленные на помощь детям, оставшимся без попечения родителей. Отделение СПОН с 4-годовалым обучением было открыто в 1922 году Петроградским институтом социального воспитания и Московским институтом детской дефективности. С 1925 года состояло при Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена. Отделение СПОН делилось на два цикла: для работников с социально-правовой подготовкой и для педагогов-воспитателей. Н.А. Окунев был определен к работникам социально-правовой подготовки. Ему было не сложно привыкнуть к новой должности, ведь он потратил большую часть своей жизни во благо детям [1, с. 4]. Для Окунева данное предложение стало значимым событием, он продолжал заниматься делом, которому посвятил всю

жизнь, но уже подготавливая для него новые кадры. Среди коллег Окунева были известные юристы и педагоги: профессор П.Г. Бельский, ассистент В.Н. Сорока-Росинский, профессор П.И. Люблинский, ассистент В.Н. Никольский, ассистент М.П. Беклешов и другие.

Отделения СПОН в высших учебных заведениях, существовавшие до начала 1930-х годов, были закрыты в связи с ликвидацией массовой детской беспризорности в стране. Одно из двух последних свидетельств об Окуневе, поездка Н.А. Окунева вместе с В.Н. Сорока-Росинским и группой студентов в 1926 году в Москву для посещения школ трудновоспитуемых [14, с. 27]. Еще одно свидетельство о Н.А. Окуневе – свидетельство студента отделения СПОН – выпускника 1927 года В. Бабычева. Характеризуя его дореволюционную деятельность, Бабычев писал, что своей деятельностью Окунев давал шанс каждому ребенку осмыслить свои действия вне контакта со взрослыми заключенными. Считал, что избежание тюрьмы в столь раннем возрасте, может положительно сказаться на будущем каждого малолетнего преступника, и что многие из них смогут получить достойные профессии и больше никогда не совершать уголовные преступления [2, с. 4].

В адресных книгах Петербурга – Петрограда – Ленинграда Н.А. Окунев не значится. Очевидно, жил в съемном жилье. Единственный адрес, который удалось установить – адрес, указанный в представлении Н.А. Окунева на должность научного работника по кафедре СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена в 1929 году: улица Герцена, д. 33, кв. 19 [3, л. 3]. Н.А. Окунев связан своей деятельностью со зданием на Екатерингофском пр., 4, где располагался Особый суд для несовершеннолетних. Бывал он и в Земледельческой колонии на Ржевке, от которой не сохранилось никаких построек. Другие адреса Н.А. Окунева неизвестны, как неизвестна и его дальнейшая судьба. Позднее 1929 года сведений о Н.А. Окуневе ни в архивных документах, ни в литературе не встречается.

Использованная литература и источники:

Источники

1. Отделение социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А.И. Герцена. Архивная справка. 1940-е? // Архив Музея истории РГПУ им. А.И. Герцена.
2. Воспоминания выпускника Отделения СПОН Педагогического института им. А.И. Герцена 1927 года Виктора Андреевича Бабычева. 1950-е? // Архив Музея истории РГПУ им. А.И. Герцена.

3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. 4331. Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Оп. 42. Д. 253. Окунев Николай Александрович. 1925–1929.
4. Окунев Н.А. Особый суд по делам малолетних. – СПб., 1910. – 27 с.
5. Окунев Н.А. Английский закон о детях. – СПб., 1908. – 18 с.
6. Окунев Н.А. Исправительно-работные дома на смену тюрьмы. – СПб., 1914. – 7 с.

Литература

7. Андреев Н.Е. То, что вспоминается. – Таллин: Авенариус, 1996. – 318 с.
8. Беклешов М.П. Выбитые из строя. – СПб., 1914. – 10 с.
9. Беляева Л.И. Отечественный опыт правосудия в отношении несовершеннолетних (начало XX века) // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 134–138.
10. Иванова Н.М. Из истории ювенальной юстиции в России // Криминалист. – 2010. – № 2 (7). – С. 50–53.
11. Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Юридическая литература, 1967. – Т. 3. – 530 с.
12. Люблинский П.И. Суды по делам: несовершеннолетних в России // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 6. – С. 5–10.
13. Столбова Н.П. Охта : старейшая окраина Санкт-Петербурга. – М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2008. – 430 с.
14. Шендерова Р.И. Знаменитый универсант Виктор Николаевич Сорока-Росинский : страницы жизни. – СПб. : Факультет филологии и искусств С.-Петерб. гос. ун-та, 2010 – 175 с.

Романова Полина

9 класс, ГБОУ лицей №533

Красногвардейский район,

историко-краеведческий клуб

«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Осипова М.М.)

**Введенский в Петербурге –
Петрограде – Ленинграде****«Вечность проходит в тень» [9, с. 27]**

АЛЕКСАНДР Иванович Введенский родился 6 декабря (по новому стилю) 1904 г. Его мать, Поволоцкая Евгения Ивановна, была гинекологом и работала в Императорском клиническом повивально-гинекологическом институте, который располагался в доме № 3 по Менделеевской линии (ныне НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д.О. Отта). Его отец являлся чиновником для особых поручений Министерства внутренних дел, позднее – экономистом Крестьянского Поземельного банка [13, с. 116]. Семья проживала в доме № 30 по Лахтинской ул. [5, с. 129], а в 1911 г. переехала в дом № 11 по Шамшева ул. [6, с. 1176]. Через 3 года поселились на Съезжинской ул., д. 37 [7, с. 107]. О последнем доме филолог Анатолий Александров писал так: «Рычание льва поэт слышал часто, потому что он жил в доме, который стоял рядом с петербургским зоосадам. По вечерам, если открыть окно, можно было услышать и рык хищников, и крики обезьян, и рёв слона» [1, л. 12].

А. Введенский учился в Николаевском кадетском корпусе (Офицерская улица, д. 23) (ныне – Декабристов) [21, с. 116]. Принимали туда мальчиков 12 лет, поэтому мы можем сделать вывод: А.И. Введенский попал в кадетский корпус примерно в 1915–1916 г. [31]. В начале 1918 г. все кадетские корпуса были упразднены, поэтому А.И. Введенского перевели в сверхлиберальную гимназию имени Л.Д. Лентовской [20, с. 6]. Позже её соединили с Петровской женской гимназией, и она стала Единой трудовой школой № 10 (Плуталова ул., д.24) [23]. По воспоминаниям Д.С. Лихачёва, поступившего в эту школу в 1919 г., «между учениками и преподавателями образовалась тесная связь, дружба, «общее дело»» [9, с. 101]. Среди учителей был человек, о котором тепло вспоминали многие, – Леонид Владимирович Георг, проводивший уроки литературы. Об А. Введенском он писал так: «Хороший человек; развит, способен, но чрезмерно болтлив с учителем. Говорит охотно и много. Необходимо останавливать. Любознателен, но в суждениях не самостоятелен и поверхностен. Несмотря на свой рост, ещё большой ребёнок»

[13, с. 701]. Ещё отзывы учителей об А. Введенском за 1917/1918 и 1918/1919 учебные годы: «Прекрасный, б. м. лучший по моему предмету ученик в классе. Развит, способен, активен, в беседах интересен» (преподаватель истории А.Ю. Якубовский), «Прилежный исправный ученик, способности небольшие. Успеваает. Поведение удовлетворительное» (преподаватель математики Е.К. Озол) [13, с. 700–701]. В 1921 г. А. Введенский вместе с одноклассниками Л. Липавским и В. Алексеевым послал А. Блоку письмо со стихотворениями («Ночь каменеет на мосту...»), но не получил ответа [21, с. 119]. Как установили литературоведы, А. Блок сделал пометку в полученном послании: «Ничто не нравится. Интереснее Алексеев» [15, с. 389]. В том же году Александр Иванович окончил школу и поступил на факультет общественных наук Петроградского университета (ныне СПбГУ): сначала учился на юриста (правовое отделение), затем на китаиста [21, с. 124; 18, с. 191]. Вскоре покинул университет вместе с Т. Мейер [15, с. 389].

А. Введенский работал письмоводителем, а затем конторщиком на электростанции «Красный октябрь» – первой в стране теплоэлектростанции, построенной в Уткиной заводи (современный адрес – Октябрьская наб., д. 108) по плану ГОЭЛРО [22]. Больше года, однако, поэт там не выдержал. В 1924 г. он вступил в Ленинградский союз поэтов (наб. р. Фонтанки, д. 50), а в 1925 г. – в «Орден заумников DSO», основанный Александром Туфановым. За этим объединением последовали другие [11, с. 389].

Чинари

А.И. Введенский познакомился с Д.И. Хармсом весной или летом 1925 г. в доме № 42 по 6-й линии В.О. на поэтической читке у Е. Вигилянского. Эта встреча стала судьбоносной. В то время он ещё работал в фонологическом отделе ГИНХУКа (Исаакиевская пл., д. 9), где помогал поэту Игорю Терентьеву [13, с. 115, 152–153]. Однако, вскоре они разошлись [10, с. 308]. В 1926 г. Д.И. Хармс и А.И. Введенский вышли из «Ордена заумников DSO» и отделились от компании А. Туфанова, образовав своё собственное сообщество. Они стали именовать себя «чинарями» [11, с. 389]. Я. Друскин связывает термин со словом «чин» – «имеется в виду не официальный чин, а духовный ранг» [5, с. 103]. Однако есть и другие понимания: А. Стоун-Нахимовски связывает его со славянским «чинить», то есть «творить» [13, с. 133], а, по мнению А. Александрова «слово «чинарь» отсылало к разговорной речи и означало, по-видимому, вольного и озорного юнца (жаргонный эквивалент *enfant terrible*)» [10, с. 116]. Д. Хармс действительно отзывался об Александре Ивановиче, как о человеке «демоническом», а другие современники отмечали необузданность его натуры. «В жизни это был человек

неистового азарта, – говорит один из них, – игрок, способный, стоя в очереди за гонораром, проиграть его начисто...» [11, с. 390]. Молодых людей объединяло желание выделиться, подчеркнуть свою необычность. Несколько раз два «чинаря» приходили на заседания Союза поэтов с абажурами на голове. Были эксперименты с эфирными маслами, вечеринки. Но всё это не мешало творчеству. Например, на основе своих произведений они создавали пьесу «Моя мама вся в часах». Её планировал поставить «Радикс» – студенческий театр, идею которого поддержал ГИНХУК (в то время его возглавлял К. Малевич). Репетиции проходили на Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова), д.60 – в квартире И. Бахтерева. В октябре 1926 г. А. Введенский предложил переместиться в ГИНХУК. Для этого было написано заявление [13, с. 151–153, 216; 11, с. 389]. В исследовании «Даниил Хармс и конец русского авангарда» указано, что друзья написали его на билете в 500 рублей [10, с. 67]. В.И. Шубинский пишет о том, что заявление представляло собой лист бумаги, который украшала пятисотрублёвая ассигнация [13, с. 153–154]. Подлинный документ сохранился в ЦГИА СПб [20]. На серо-синий лист бумаги приклеен фрагмент ассигнации, но, судя по надписям и характерному оформлению, чинари использовали государственный кредитный билет номиналом 5 рублей образца 1909 г., напечатанный в РСФСР в 1917–1918 гг. Подобную банкноту я нашла на сайте «Госкаталог Музейного фонда РФ» [18]. В ноябре обнаружилось, что нет денег на рекламу спектакля и дров в ГИНХУКе, который вскоре был закрыт. 4 ноября Г. Кацман и С. Цимбал не пришли на репетицию. 10 ноября призвали на военную службу Е. Вигилянского и Н. Заболоцкого. «Радикс» перестал существовать [13, с. 156].

Для А. Введенского 1926 г. памятен также публикацией его первых и единственных при жизни «серьёзных» стихов [11, с. 390]. В конце того же года в ресторане «Фёдорова», находившемся на Малой Садовой ул., д. 8 (в то время ул. Пролеткульта), Д. Хармс, И. Бахтерев и А. Введенский договорились о создании объединения «Левый фланг» (или «Академия левых классиков»). Весной оказалось, что новое содружество по составу примерно совпадает с «Радиксом». Первое их публичное выступление прошло 28 марта 1927 г. в Доме печати (наб. р. Фонтанки, д. 21). Закончилось чтение скандалом из-за разногласий между публикой и поэтами [13, с. 159, 175–176]. Однако читка в Доме печати также пошла и на пользу: в октябре 1927 г. группой заинтересовался Н.П. Баскаков – директор Дома печати. Он симпатизировал левому искусству, но опасался проблем и поэтому предложил переименовать «Академию». Тогда слово «левый» вызывало нежелательные ассоциации. Ещё Н. Баскаков добавил, что «направленность в искусстве следует определять словами собственного лексикона» [цит по: 13, с. 186]. Так возникла

новая аббревиатура – ОБЕРИО (Объединение реального искусства). Позже Д. Хармс предложил заменить буквы «о» на «у», а «е» на «э», и название преобразилось [13, с. 182, 186]. Значительного повода сменить знаки не было. В документальном фильме о А. Введенском предположили, что смена произошла просто из-за того, что «всё кончается на «у»» [17].

Выступления поэтов проходили в ЛГУ (ныне СПбГУ), в Институте истории искусств (Исаакиевская пл., д. 5), в квартире у Д. Хармса на Надеждинской ул. (ныне ул. Маяковского), д. 11, у Я. Друскина (Большой пр. П.С., д. 17, пр. 25-го Октября (ныне Невский пр.), д. 150), у Л. Липавского (Гатчинской ул., д. 8). А также на сцене Дома печати, где 24 января 1928 г. состоялась наиболее известная читка ОБЭРИУ – «Три левых часа». Это был успех, несколько скандальный, но настоящий. Казалось, всё только начинается [13, с. 186–187, 203–211].

«В дороге» [2]: путь к известности

У А. Введенского фактически не было возможности публиковать свои «взрослые» произведения. Его манера письма, «отражавшая ощущение непрочности, даже эсхатологичности современных устоев жизни» [11, с. 390], не могла быть представлена в каких-либо публичных изданиях. Поэтому С. Маршак и Н. Олейников в 1928 г. вовлекают А. Введенского в область детской литературы [там же]. Издательство «Госиздат» (иначе – ГИЗ), в котором был отдел детской литературы – «ДЕТГИЗ», располагался в бывшем доме компании «Зингер» (Невский пр., д. 28, в то время – проспект 25-го октября). А в соседнем доме (№ 30) находилась «Культурная пивная» или же «Красная Бавария» – излюбленное место сотрудников ДЕТГИЗа [19]. Почти во всех номерах журналов «Ёж» и «Чиж» (создан по инициативе обэриутов в 1930 г. [9, с. 716]) появлялось что-нибудь, написанное А. Введенским. Л. Чуковская хвалила язык поэта, подчёркивая, что он вводит ребёнка «в мир русского классического стиха». Сама философия ОБЭРИУ была тесно связана с детством. Они говорили: «Ребёнок мудр, потому что он не знает условных, привнесённых в жизнь порядков, он первым сказал, что король гол, и тем словно бы заново всем открыл глаза» [8, с. 120]. В 1928 г. Александра Ивановича включили в список участников работы над переводами сказок братьев Гримм, а в сентябре тиражом 15 тысяч экземпляров вышла его первая детская книга «На реке». Потом вышло ещё две: «Мяу» и «Много зверей». В 1929 г. было издано 6 произведений, а также состоялись 2 выступления А. Введенского (от журнала «Ёж» 16 декабря и в пионерском клубе 18 декабря). В 1930 году тираж издания его книг доходит до 75 тысяч экземпляров («Зима кругом. Стихи для детей», «Рабочий празд-

ник»). Поэт с Е. Шварцем, В. Бианки, С. Маршаком, Д. Хармсом и другими присутствует на заседаниях детской художественной секции ВССП, которые проходили в Доме печати 15 февраля и 19 марта [9, с. 712–716].

В фондах Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме я нашла одну из книг, изданных в «Госиздате» в декабре 1930 года, – «В дорогу» с иллюстрациями Владимира Конашевича [3; 13, с. 717]. В.Ю. Блинов в своём произведении «Русская детская книжка-картинка 1900–1941» утверждает, что В. Конашевич умел играть на скрипке, и добавляет следующее: «Музыка эта особенная – графическая: внутренне вибрирует каждая отдельная линия, штрих, абстрактное цветочное пятно» [8, с. 128]. Если внимательно посмотреть на рисунки в книге, то действительно находишь в них движение и динамику. Дерево и скала закрашены не прямыми линиями, а завитками и волнами, отчасти похожими на звуковую дорожку. Очертания немного «вибрируют». «Художник должен отвечать за каждую свою линию. Как бы легко и свободно ни был сделан рисунок, в нём всё должно быть на своём месте и как раз в меру: ни убавить, ни прибавить!» – писал В. Конашевич.

В 1931 г. большими тиражами вышли 5 книг А. Введенского [9, с. 718], среди них – «Путешествие в Батум» [4], оформленная Татьяной Глебовой, ученицей П. Филонова. А. Введенский познакомился с ней в 1927–1928 гг. В 1929–1932 гг. она оформила 4 его книги. Рисунки из книги «Путешествия в Батум» однородны по цветовой гамме (доминируют жёлтый, чёрный, синий и изумрудный) и довольно просты в исполнении. Изображения кажутся зернистыми. П. Филонов учил воспитанников выявлять скрытые свойства предметов. Как пишет Д. Фомин, для их работ характерно действие, развивающееся параллельно в нескольких пространственных измерениях, персонажи и вещи словно на глазах у зрителя приобретают форму, важную роль играют линии, пятна и россыпи точек. Если просматривать книгу, то замечаешь, что действия действительно развиваются параллельно: в лесу, на корабле, на берегу. Сначала идут два изображения корабля, затем одно с берегом ранним утром. На следующих трёх нарисован лес в разных местах, а на последнем – то же побережье, но в лучах заката. Рисунки художницы выглядят как фотографии из репортажа, что подчёркивает характер стихотворения, которое похоже на заметку путешественника.

В октябре 1931 г. успех поэта сошёл на нет: вышло постановление ЦК ВКПб о наведении порядка в детской литературе. На дискуссии в ВССП М. Чумандрин охарактеризовал Д. Хармса и А. Введенского как писателей «пришедших с буржуазных позиций и отсиживающихся в детской литературе» [цит. по: 9, с. 718–719]. 15 ноября редактор детского сектора Госиздата А.Б. Серебрянников

опубликовал статью с обвинением обэриутов: после разоблачения во взрослой литературе они не «самоликвидировались», а «нашли лазейку в детскую литературу» [цит. по: там же]. 10 декабря поэта арестовали [там же]. Рассмотрим подробнее события, которые этому предшествовали.

«Успокойся, сядь светло, Это последнее тепло» [9, с. 159]

В 1928 г. арестовали директора Дома печати Н. Баскакова. Над поэтами нависла угроза, но новое руководство пока терпело их [13, с. 211–216]. Поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. жизнь А. Введенского ещё была довольно насыщенной. Образовалось «Общество малообразованных учёных», куда входили также Д. Хармс, Н. Заболоцкий, Н. Олейников и Я. Друскин. Собирались они у Л. Липавского – в доме № 8 по Гатчинской ул. В 1928 г. на поэтическом вечере А. Введенский познакомился с Анной Ивантер. Вскоре они поженились, однако брак оказался недолгим. Уходя из дома, «чинарь» оставил у бывшей жены целый чемодан рукописей, которые она сожгла, чтобы не оказаться привлечённой к «делу о детских писателях» [17].

10 декабря 1931 г. А. Введенский едет в командировку на Кавказ от издательства. На ближайшей станции (а именно – в Любани [14, с. 311]) в купе вошли двое с удостоверениями ГПУ. В тот же день в Ленинграде арестовали двух членов ОБЭРИУ: Д. Хармса и И. Бахтерева. Поэмы и стихотворения «чинарей» читали внимательно. Обвиняли их в зашифрованной революционной пропаганде, скрывающейся под личиной детской литературы. Заключённые полгода находились в Доме предварительного заключения на Шпалерной ул., д. 25. Исход дела оказался относительно благополучным. Ссылку на Соловки заменили отправкой из Ленинграда на 3 года. Позже срок сократили. А. Введенский вышел из тюрьмы 21 марта 1932 г. Некоторое время провёл в Курске, Вологде и Борисоглебске. 3 октября вернулся в Ленинград. Одновременно с внутренней работой, творчеством, он продолжает вести непринуждённый образ жизни [17].

«На смерть! На смерть! держи равнение певец и всадник бедный» [9, с. 263]

В 1934 г. А. Введенский стал членом Союза писателей. Будучи проездом в Харькове в 1936 г., он познакомился с Галиной Викторовой, которая работала в местном отделении Союза писателей. Позже поэт женился на ней и переехал в Харьков. В 1937 г. у них родился сын Пётр; в этом же году в паспорт А. Введенского вписали его трёх-

летнего пасынка Бориса. А. Введенский сочинил колыбельную и пел её своему сыну каждый вечер. Я. Друскин в комментарии к прозаическому произведению «Вдоль берега шумного моря» утверждает, что поэт напевал ребёнку перед сном именно его [2, л. 3]. В начале войны семье А. Введенского предлагают от Союза писателей эвакуироваться, но поезда забиты до отказа. Чтобы не расставаться, 20 сентября 1941 г. [12, с. 427] было решено уехать через две недели. Параллельно начались чистки. [16; 17]. За А. Введенским пришли 27 сентября 1941 г. После обыска поэт простился с семьёй. 29 сентября его допросил следователь [12, с. 427], затем его выслали из города. А. Введенский погиб в поезде по пути в Казань. Он заболел дизентерией, и вскоре его убили. Неизвестны ни мотивы преступления, ни личности, его совершившие [17]. По другим сведениям, поэт скончался в пути 19 декабря 1941 г. от плеврита. Тело доставили в морг Казанской психиатрической больницы. Место захоронения неизвестно.

После смерти А. Введенский отнюдь не был забыт. В 2001 г. на фасаде дома № 37 по Съезжинской улице, где он жил, установили мемориальную доску. Музыкант Егор Летов упомянул А. Введенского в стихотворении «Ночь» и в одном из интервью назвал его своим любимым поэтом [34]. Леонид Фёдоров (лидер группы «АукцЫон») в 2012 г. выпустил альбом «Весна», в основу которого легли его сочинения. Многие театральные режиссёры используют его произведения для постановок. Свой творческий метод, вдохновляющий наших современников, А. Введенский описал так: «Я посягнул на понятие, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провёл как бы поэтическую критику разума – более основательную, чем та, отвлеченная. Я усомнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал».

Использованная литература и источники:

Архивные материалы

1. ЦГАЛИ СПб. Ф. 678. Оп. 1 Д. 49. 1993 г.: «Доброе утро». Стихи и рассказы Сборник избранных произведений Александра Введенского, Юрия Владимирова, Николая Заболоцкого. 124 л.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1232: (Яков Друскин). Ед. хр. 46, 1937–1938. Введенский А.И. Вдоль берега шумного моря. 3 л.

Музейные предметы

3. Введенский А. В дорогу / обложка и рисунки В. Конашевича. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. – 14 с. Место хранения: Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Фонд редкой книги. МА КП-3920, МБ-1412-Л.

4. Введенский А. Путешествие в Батум / рисунки Т. Глебовой. – Ленинград : ОГИЗ, Молодая гвардия, 1931. – 12 с. Место хранения: Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Фонд редкой книги. МА КП-3918, МБ-1417-Л.

Источники

5. Друскин Я.С. Чинари // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников : «Чинари» в текстах, документах и исследованиях : в 2 т. – [Б.м.], 1997. – Т. 2. – С. 322-425.
6. Лихачев Д.С. Воспоминания. – СПб. : Logos, 1995. – 519 с.
7. Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник : в 2 кн. / подгот. текста: Ж.-Ф. Жаккар, В.Н. Сажин. – СПб. : Академический проект, 2002. – Кн. 1. – 477 с.

Литература

8. Блинов В.Ю. Русская детская книжка-картинка, 1900–1941. – М. : Искусство XXI век, 2005. – 224 с.
9. Введенский А.И. Всё : сборник. – М. : О.Г.И., 2010. – 736 с.
10. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. – СПб. : Академический проект, 1995. – 470 с. – (Современная западная русистика).
11. Литературный Санкт-Петербург, XX век : прозаики, поэты, драматурги, переводчики : энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. и сост. О. В. Богданова. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2011. – Т. 1. – 638 с.
12. Поэт Александр Введенский : сборник материалов / сост. и общ. ред.: К. Ичин, С. Кудрявцев. – Белград ; М. : Гилея, 2006. – 476 с.
13. Шубинский В.И. Даниил Хармс : жизнь человека на ветру. – СПб. : Вита Нова, 2008. – 556, [3], XLVIII с. – (Жизнеописание).

Интернет-ресурсы

14. АО «СПб ЭС» создаст музей на базе подстанции «Красный Октябрь» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. – 25.03.2015. – URL: <http://gov.spb.ru/gov/otrasl/ingen/news/61895/> (дата обращения: 12.03.2018).
15. Бобров А.Г. Лихачев Д.С., (1906-1999), историк литературы // Энциклопедия Санкт-Петербурга : интернет-портал / Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачева. – СПб., 2004–2015. – URL: <http://www.ensspb.ru/object/2804013608?lc=ru> (дата обращения: 22.01.2017).
16. Бондарь-Терещенко И. «Живя в этой провинции»: Александр Введенский и мир Харькова // ©оюз писателей. – Харьков,

2011. – № 13 ; Электронная версия // Журнальный зал : литературный интернет-проект. – URL: <http://magazines.russ.ru/sp/2011/13/bo24.html> (дата обращения: 06.01.2018).
17. Введенский: кругом возможно Бог : [док. фильм] / реж. В. Уризченко ; оператор П. Власков. – М. : Центр национального фильма, 2005. – 26:02 мин. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xPelyg4s-7Q> (дата обращения: 02.02.2017).
 18. Государственный кредитный билет. 5 рублей образца 1909 года. РСФСР. 1917-1918. ВКМ КП-5871/6. Место хранения: Выборгский объединенный музей-заповедник // Государственный каталог Музейного фонда РФ : [сайт]. – URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13963722> (дата обращения: 29.09.2018).
 19. Хеллман Б. Сказка и быль : история русской детской литературы. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 555 с. – (Научная библиотека).
 20. Чинари // Литературные общества Петрограда – Ленинграда 1920-х гг. : [интернет-проект] / ЦГА СПб, ЦГАЛИ СПб, ЦГАКФФД СПб. – СПб., 2018. – URL: https://spbarchives.ru/literati_1.16 (дата обращения: 29.09.2018).

Леусенко Леонид

10 класс, ГБОУ «Вторая Санкт-Петербургская гимназия»,
 Юношеский Университет Петербурга
 ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
 (руководитель – Аксельрод В.И.)

Дело Старокадомского, или О чём рассказали архивные документы

ПЕРВОначально мой интерес к Леониду Михайловичу Старокадомскому был вызван его участием в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, осуществлённой в начале XX века с 1910 по 1915 годы. Она была ознаменована последним на нашей планете великим географическим открытием: была открыта Северная Земля, и тем самым увеличена территория России на 36 700 кв. км. Экспедиция первая прошла Северным морским путём с востока на запад, из Владивостока в Архангельск, перезимовав у мыса Челюскин.

В этой экспедиции Леонид Михайлович Старокадомский участвовал в качестве судового врача на ледоколе «Таймыр».

Дореволюционный (петербургский) период жизни и деятельности Л.М. Старокадомского

Леонид Михайлович Старокадомский родился 8 апреля (27 марта) 1875 года в городе Саратове [2, л. 34]. В Нерукотворно-Спасской (Сергиевской) церкви города Саратова за 7 апреля 1875 года имеется актовая запись о крещении младенца Леонида, родившегося 27 марта в семье Михаила Алексеевича и Ольги Федоровны Старокадомских. В этой записи отец новорожденного значится как личный дворянин [14, с. 6]. Фамилия Кадомский восходит к названию города Кадом Рязанской губернии. В XV веке Старый Кадом был покинут жителями вследствие разрушительных разливов реки Мокши. В документах личного фонда Старокадомского, хранящегося в Российском государственном архиве экономики, находится рисунок родословного древа Старокадомских [10], составленный собственноручно Леонидом Михайловичем. Изучив его, я узнал, что прадеда Л.М. Старокадомского звали Петр Антонович и он носил фамилию «Паломчук» или «Каломчук» (написано неразборчиво). У него было четыре сына и дочь. Один из его сыновей Алексей Петрович – дед моего героя, уже указан под фамилией Старокадомский. У Алексея Петровича было два сына: Михаил (отец Леонида Михайловича) и Иван, и две дочери: Екатерина и Олимпиада. Из родословной видно, что у Леонида Михайловича было двое детей: Михаил и Екатерина. У Екатерины обозначены сын Леонид и дочь Виктория.

Родители Леонида Старокадомского переехали из Саратова в Санкт-Петербург примерно в 1883 году [10]. Леонид Михайлович поступил на учебу во Вторую Санкт-Петербургскую гимназию в 1884 году [2, л. 34]. В ЦГИА найдено прошение от 21 июля 1884 года Михаила Алексеевича Старокадомского, который указывает себя в качестве «отставного коллежского секретаря», о зачислении своего сына Леонида Старокадомского в гимназию в качестве приходящего ученика [2, л. 132]. В этом прошении написано, что он приготавливался к поступлению и обучался дома.

Леонид Старокадомский окончил гимназию в 1894 году. В ЦГИА в деле «Об испытаниях зрелости» найдена следующая характеристика на Леонида Старокадомского: «Способный, трудолюбивый юноша, благодаря этим качествам, он достигал удовлетворительных результатов, хотя нужда заставляла его заниматься частными уроками, поглощавшими значительную часть свободного времени. Во все время пребывания своего в Гимназии был отличного поведения. В политическом отношении благонадежен» [5, л. 39]. В письме

директора Гимназии, тайного советника Капитона Ивановича Смирнова [12, с. 100], на имя Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа указано, что Леонид Старокадомский изъявил желание поступать в Императорскую Военно-медицинскую академию [6, л. 45]. 1 июня 1894 года Леонид Старокадомский подал прошение о зачислении его в академию [14, с. 8]. По выходе из неё, в 1899 году, он получил диплом «лекаря с отличием» [6, л. 978–980].

Из Послужного списка младшего врача 12 флотского экипажа лекаря Старокадомского от 28 августа 1903 года удалось узнать, что в 1899 году Старокадомский высочайшим приказом по военному ведомству и чинах гражданских за № 50 определен на службу в 7-й Ревельский пехотный полк младшим врачом [6, л. 978–980]. В этот период он уже был женат на Анне Элизе Ивановне Госсъ, домашней учительнице, евангелическо-лютеранского вероисповедания [там же]. В браке у них было двое детей – Екатерина (1898 года рождения) и Михаил (1901 года рождения) [7, л. 382]. В апреле 1900 года Старокадомский был прикомандирован для несения службы в Брест-Литовский госпиталь [6, л. 978–980], а в 1903 году высочайшим приказом переведен в морское ведомство и откомандирован в Кронштадтский морской госпиталь [там же]. В апреле 1903 года в госпитале с Леонидом Старокадомским произошел роковой случай. Когда в полевых условиях понадобилось вскрывать тело умершего солдата, молодой врач произвел операцию, но трупный яд попал в ранку на его левой руке. Чтобы сохранить жизнь Старокадомскому ампутировали руку по локоть [10]. Казалось, с практической медициной было покончено. Но Леонид Михайлович разработал специальные манипуляции, чтобы оперировать одной рукой, и молодой доктор остался на флоте. В 1909 году он защитил докторскую диссертацию на тему «К вопросу об экспериментальном артериосклерозе», ему было присуждено звание профессора.

В 1910–1915 годах Старокадомский участвовал в качестве старшего врача на ледоколе «Таймыр» в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, возглавляемой Б.А. Вилькицким.

«Экспедиция века» и Л.М. Старокадомский

Об особенностях мореплавания по Северным морским морям имелось смутное представление. Ни на севере и на северо-востоке не было портов, радиоточек, маяков. О картах и лоциях только мечтали. Северный морской путь был в полной мере «*Mare incognitum*» [15, с. 8]. Для Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана предусматривалась постройка специальных гидрографических ледокольных судов, получивших в дальнейшем названия «Таймыр» и «Вайгач». Ледоколы были построены на Невском судостроительном заводе. «Таймыр» был спущен на воду 25.05.1909, а «Вайгач»

24.05.1909 [11, с. 16]. Отличительной чертой ГЭСЛО было то, что исследования не замыкались на чисто гидрографических работах (описаниях берегов, промерах), астрономических и гидрометеорологических наблюдениях. Экспедиция не оставила без внимания и другие разделы естественных наук – гидрологию, метеорологию, геологию, биологию. А.И. Вилькицкий писал: «Гидрографическое обследование морей имеет своей целью не только составление морских карт данного водного пространства, но и собрание материалов для лоций, которые для плаванья являются таким же важным пособием, как и карта». ГЭСЛО осуществлена в 1910–1915 годы. Последовательно было совершено пять плаваний. Безусловно, самым важным результатом ГЭСЛО состоит в том, что экспедиция подробно обследовала всю трассу северного морского пути с востока на запад и сделала последнее на нашей планете великое географическое открытие – открытие в Северном ледовитом океане архипелага островов, названного впоследствии Северной Землей. Это увеличило территории России на 36700 квадратных километров и прирастило вокруг этого огромные пространства континентального шельфа, таящего несметные богатства нефтегазовых и других месторождений. Оценивая результаты этой экспедиции, выдающийся норвежский исследователь Х.У. Свердруп заявил: «Мы имели возможность убедиться, что повсюду, где русская экспедиция считала свои работы законченными, там можно было на них вполне полагаться... Работа, выполненная обоими ледоколами, поистине заслуживает удивления» [18, с. 359–360].

В первом плавании ГЭСЛО врачи экспедиции Л.М. Старокадомский и судовой врач «Вайгача» Э.Е. Арнгольд при съездах на берег собирали биологические и зоологические коллекции. Из письма Старокадомского, написанного в марте 1958 года, известно, что им в 1910 году были взяты 84 зоологические береговые и морские станции. Материалы, собранные врачами в плавании 1910 года, оказались настолько ценными, что Главное гидрографическое управление получило в мае 1911 года за эти сборы специальную благодарность Российской академии наук [11, с. 69].

Во время стоянок ледоколов судовыми врачами Старокадомским и Арнгольдом была собрана интересная коллекция для зоологического музея Академии наук из различных представителей фауны [11, с. 45]. За годы плаванья собраны обширные коллекции морских и наземных растений, планктона, образцов горных пород. «Всего взято свыше 400 проб планктона, собрано свыше 3000 насекомых, 500 экземпляров птиц и 25 млекопитающих» [19, с. 64]. Леонидом Михайловичем Старокадомским открыт остров, названный впоследствии его именем (78 градусов северной широты, 106 градусов восточной долготы). Все это позволило Л.М. Старокадом-

скому стать членом Русского географического общества, в Научном архиве которого обнаружена Анкета переучета 1932 года членов Государственного географического общества, из которой следует, что Л.М. Старокадомский являлся членом РГО с 1924 года.

Драматичный XX век в судьбе Л.М. Старокадомского

По-разному сложилась судьба участников ГЭСЛО. Одни погибли в боях Первой мировой войны, другие попали в круговорот революционных событий. Драматична судьба и нашего героя.

В июле 1916 года Л.М. Старокадомский получает назначение на должность старшего врача Управления по постройке военно-морских баз на Мурманском побережье [6, с. 978–980]. В период гражданской войны, в 1918–1920 годах, был санитарным инспектором Архангельского военно-морского порта. После освобождения Архангельска от интервентов, в феврале 1920 года Л.М. Старокадомский был вызван в Москву, где оставлен для работы, а в 1921 году был назначен главным санитарным инспектором Рабоче-Крестьянского Красного флота. С 1922 года он начальник морского санитарного отдела Главного военно-санитарного управления [там же]. В архиве РГАЭ обнаружено письмо [10] работников Главного управления санитарной частью флота в Архангельскую Губ ЧК о скорейшем рассмотрении дела врио санитарного инспектора флота Старокадомского, который был арестован Архангельской Губ ЧК 29.03.1921. Также согласно удостоверению Архангельской Губ ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности от 31.03.1921 Старокадомский был освобожден из заключения [10]. В РГАЭ найдена справка 1-го спецотдела НКВД от 30.11.1944 № 8-451360, выданная Старокадомскому в том, что он был судим Коллегией ОГПУ по статье 58-7 УК РСФСР в мае 1931 года и приговорен к высылке в Восточную Сибирь на три года [10]. Уголовный кодекс РСФСР, содержащий печально известную статью 58, был опубликован в ноябре 1926 года и вступил в силу с 1 января 1927 года, утратил силу 1 января 1961 года. Статья 58-7 УК РСФСР, так называемое «вредительство». Заключенные, приговоренные по статье 58 УК РСФСР, именовались «политическими». 16 июля 1933 года в результате ходатайства авторитетных ученых высылка Старокадомского была отменена [10], а 18 ноября 1944 года постановлением Особого совещания при Народном Комиссариате внутренних дел СССР судимость с него была снята [10]. В 1932–1933 годах Л.М. Старокадомский состоял начальником санитарной части Северной Полярной экспедиции Наркомвода; в 1934 году старшим врачом экспедиции дирижаблестроения по оказанию

помощи группе Шмидта О.Ю., а затем старшим врачом зимующих судов 2-й Колымской экспедиции Наркомвода» [1]. С 1936 года Л.М. Старокадомский работал в Центральной научно-исследовательской лаборатории гигиены и санитарии водного транспорта Минздрава СССР. 04.09.1943 он был утвержден в ученой степени доктора медицинских наук [10].

Скончался Л.М. Старокадомский 27 января 1962 года в возрасте 87 лет и был похоронен на Введенском кладбище в Москве рядом с сыном Михаилом Старокадомским (1901–1954), известным композитором (Михаил Леонидович Старокадомский – автор музыки детской песенки «Мы едем, едем, едем»). За свою научную деятельность Л.М. Старокадомский опубликовал около 130 статей, из них более 80 научных работ по морской гигиене и санитарии, гидробиологии полярных морей [23, с. 66].

Опередивший время

Участники ГЭСЛО опередили время, поскольку использование Россией Северного морского пути, которому в настоящее время уделяется большое внимание, очень выгодно.

Северный морской путь – главная судоходная магистраль России в Арктике, и является основой развития арктической транспортной системы. Северный морской путь проходит по морям Северного Ледовитого океана (Баренцево море, Карское море, море Лаптевых, Восточно-Сибирское море, Чукотское море, Берингово море, Охотское море, Японское море) соединяет европейские и дальневосточные порты. Протяженность Северного морского пути составляет 5600 км. Северный морской путь до начала XX века назывался Северо-восточный проход.

В соответствии со статьей 5.1 Кодекса торгового мореплавания под акваторией Северного морского пути понимается водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации и ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар. Как отмечает профессор В.В. Гаврилов, «столь широкое определение границ акватории СМП объясняется тем, что этот путь не имеет единой и фиксированной трассы. Сохраняя свою общую направленность, СМП год от года, а нередко и в течение одной навигации

перемещается на значительные расстояния в широтном направлении» [22, с. 43].

Россия сегодня продолжает освоение и использование Северного морского пути. Основными пользователями Северного морского пути в России сегодня являются «Норильский никель», «Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «Росшельф», Красноярский край, Саха—Якутия, Чукотка. Проанализировав некоторые источники, следует сделать вывод о выгодах использования Северного морского пути для транзитных перевозок:

1. В среднем через Суэцкий канал время доставки грузов составляет сорок восемь дней, а путь через арктические моря занимает тридцать пять дней. Следовательно, ощутимо сокращаются сроки доставки, экономится топливо, и сокращаются транспортные издержки.
2. Отсутствуют очереди и плата за проход судов (в отличие от Суэцкого канала), имеется только ледакольный сбор.
3. Отсутствие противоправных действий. Сомалийские и другие пираты у берегов Африки совершают нападения на суда.
4. Нет ограничений на размер судов и тоннаж. (Суэцкий канал допускает продвижение судов не более 20,1 м).
5. Роль Северного морского пути неизбежно возрастет уже в ближайшие годы, в первую очередь в связи с интенсивным освоением Ямальских месторождений энергетического сырья, а также гигантских запасов углеводородов на шельфах Баренцева и Карского морей.

Использованная литература и источники:

Архивные материалы

1. Архив Русского географического общества. Ф. 1 (1917). Оп. 1. № 3.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 174 (Петроградская мужская 2-я гимназия (1882–1916 гг.)). Оп. 1. Д. 3585 (1884–1884 гг. Общий список пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников).
3. ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3878 (1894 г. О выдаче аттестатов зрелости).
4. ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3650 (1886 г. Список пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников).
5. ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3870 (1894 г. Об испытаниях зрелости).
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства). Оп. 3. Ед. хр. 1192. Ч. 3.

7. РГА ВМФ. Ф. 1207 (Управление строительных работ в Беломорском и Мурманском районах). Оп. 2. Ед. хр. 382 (Старокадомский, Леонид Михайлович, старший врач Управления работ. Личное дело).
8. РГА ВМФ. Ф. 404 (Главное Гидрографическое управление морского министерства, г. Петроград(1885–1918)). Оп. 1. Ед. хр. 517 (О снаряжении и комплектовании личным составом Гидрографической экспедиции в Северный Ледовитый океан для изучения берегов Сибири. 1907–1910 гг.).
9. РГА ВМФ. Ф. 421 (Морской технический комитет морского министра г. Санкт-Петербург (1866–1911)). Оп. 1. Ед. хр. 23 (По предложению поручика датской службы Линнемана о дополнительной защите замененных судов. 1867–1867 гг.).
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ. Ф 247 (Личный фонд Л.М. Старокадомского)

Литература

11. Евгенов Н.И., Купецкий В.Н. Экспедиция века. – СПб. : РГМАА, 2012. – 352 с.
12. Пашкова Т.И. Вторая Санкт-Петербургская гимназия. – СПб. : Европ. дом, 2010. – 280 с.
13. Скориченко Г.Г. Императорская Военно-медицинская академия : исторический очерк: [в 2 ч.]. – СПб. : тип. товарищества М.О. Вольф, 1902. – Ч. 1.
14. Смилевец И.Д. Дороги к неизвестным островам. – Саратов : Приволж. изд-во, 2016. – 204 с.
15. Старокадомский Л.М. Пять плаваний в Северном Ледовитом океане. – М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1953. – 340 с.
16. Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. – СПб. : Альт-Софт, 2005. – 947 с.
17. Гаврилов В.В. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 43.
18. Кириченко И.П. Л.М. Старокадомский : [некролог] // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. – 1962. – Т. 94, вып. 4. – С. 359–360.
19. Шмаров А.А. Видный полярный исследователь и специалист в области морской гигиены (к 100-летию со дня рождения Л.М. Старокадомского) // Советское здравоохранение. – 1976. – № 3. – С. 64–66.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Бутылов Матвей

10 класс, Лицей «Физико-техническая школа» Академического университета, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ» (руководитель – Осипова М.М.)

О чём может поведать фотография? (история одного предмета из музея «Нарвская застава»)

Однажды я оказался в музее «Нарвская Застава» на улице Ивана Черных, д. 23. В нем среди экспонатов я заметил прямоугольную групповую фотографию с надписью: «Ресорно Механическая мастерская Путиловского завода 1907 г.» [3]. Она сразу привлекла мое внимание, так как содержала огромное количество подлинных портретов и сведений (имена служащих, адрес фотоателье и др.). Я решил посвятить свое исследование изучению именно этой фотографии.

В учетной карточке исследуемого экспоната СПб ГБУ «Музей «Нарвская застава»» сказано, что он поступил из коллекции народного музея истории Нарвской заставы в 2008 г. [16]. Эта информация не помогла в работе, т.к. это предыдущее название музея и, по словам главного хранителя Е.Г. Жук, других сведений об этом предмете не сохранилось. В связи с этим история появления фотографии в музее остается неизвестной. Согласно учетной карточке, данная фотография является фотоколлажем [16]. Однако, по мнению сотрудника сектора учета и хранения музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме М.Б. Правдиной, с которой общался мой научный руководитель, ее правильнее называть групповой фотографией на картонной подложке. Я буду использовать это определение.

Групповая фотография на картонной подложке [3] имеет размеры 47,5 на 63 см. На ней изображены служащие (предположительно, по словам директора музея истории и техники ОАО «Кировский завод») Рессорно-механической мастерской Путиловского завода. Всего 48 портретов в овальных медальонах, из которых 4 портрета в центре – большого размера, а оставшиеся 44 – меньшего. В центре сверху находится каллиграфически выведенная надпись: «Рессорно Механическая мастерская Путиловского завода 1907 г.», в верхнем ряду под ней – 3 больших портрета: А.Н. Соловей, А.И. Белоножкин и Д.М. Прекс. Под ними, в центре изображения, размещен портрет И.И. Уманского, а в самом низу – прямоугольная фотография цеха завода. Возможно, это и есть рессорно-механическая мастерская. По бокам фотография обрамлена простыми узорами и орнаментами. В левом верхнем углу находится герб Российской Империи. Внизу по центру располагается надпись: «Фотогр. Художника Ю. Никоновича Садовая ул. д. 18» – это подпись фотоателье, в котором была сделана фотография. На фотографии Ново-механической мастерской 1915 г. [2] из музея истории и техники ОАО «Кировский завод» есть такая же подпись: «Фот. М. Брейткаш Садовая 18». Фотография имеет характерные повреждения по краям: имеются отверстия по всему периметру (возможно, ее прикрепляли при помощи гвоздиков/скоб), в левом верхнем и нижнем углах полотно оторвано. В левом верхнем углу имеется след от склейки двух частей картона. По словам директора музея истории и техники ОАО «Кировский завод», групповые фотографии служащих Путиловского завода делались часто, хотя в его музее сохранилось только две [1; 2]. Можно сделать вывод о том, что исследуемый экспонат не является уникальным (таких предметов было много), но он имеет ценность, как один из немногих, дошедших до нас.

Путиловский завод

История Путиловского завода начинается в 1801 г., когда из Кронштадта перевели в пригород Петербурга чугунолитейный

завод. Завод выпускал пушечные ядра, ружья, котлы и относительно часто менял своих хозяев, т.к. плохо окупался и пострадал от наводнения 1824 г. Все изменилось в 1868 г., когда завод продали инженеру-предпринимателю Николаю Ивановичу Путилову. Завод стал активно расширяться, было создано Общество Путиловских заводов, открылись новые мастерские. Начали изготавливать рельсы и вагоны. В 1880 г. Н.И. Путилов умирает, но завод продолжает развиваться, особенно активно в области машиностроения, в это время появляются землечерпательницы, землесосы, экскаваторы и др. техника [19, с. 5–6, 11–16, 27–36]. Предположительно, именно в это время появилась рессорно-механическая мастерская, т.к. во всех этих машинах используются рессоры. Как рассказал директор музея истории и техники ОАО «Кировский завод» И.Ю. Саврасов, рессора (с фр. «пружина») – это часть подвески транспортного средства, обеспечивающая плавность хода, сглаживающая толчки. Она используется для того, чтобы уменьшить колебания машины, которые появляются при движении по неровной поверхности, и улучшать управляемость транспортным средством. В начале XX в. рессоры представляли собой несколько листов углеродистой стали, скрепленных вместе скобами и болтами. В недавно открытом после реэкспозиции Музее железных дорог России я видел рессоры у дореволюционных паровозов и вагонов и предположил, что какие-то из них сделаны именно в той мастерской, фотографию которой я изучаю. Мы обратились с вопросом об этом к научным сотрудникам музея. К сожалению, у них нет никаких материалов, рассказывающих об истории этой мастерской. Пообщавшись с историей завода до 1907 г. [18; 19, с. 35–271], я выяснил, что механическая мастерская появилась для того, чтобы выполнять новые государственные заказы: на вагоны, паровозы и пушки. В книге М.И. Мительмана также много раз упоминается механическая мастерская, но про рессорно-механическую мастерскую не обнаружено ни слова. В книгах, описывающих революционное время [18, 20], тоже не удалось найти информации об этой мастерской. Скорее всего, она была немногочисленной по сравнению с другими или существовала относительно недолго. Такое предположение выразил директор музея истории и техники ОАО «Кировский завод».

Не найдя достаточного количества информации о рессорно-механической мастерской Путиловского завода в книгах, я решил обратиться в Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), в котором находится фонд № 1418 «Путиловский паровозный, машиностроительный, механический и литейный завод Общества Путиловских заводов (г. Петроград) (1801–1917)». В этом фонде я изучил следующие документы: главная книга на 1907 год [6], журнал бухгалтерии на 1907 год [9], про-

шения и заявления рабочих и служащих, различные свидетельства и переписка по личному составу [12], ведомость выдачи премий рабочим и служащим [7], алфавитный список всех служащих завода [10]. Среди просмотренных личных карточек рабочих [4–5; 13–14] не нашлось сведений о лицах, изображенных на фотографии. Зато в личных карточках служащих были найдены сведения о ряде из них. Я дополнил их сведениями из справочника «Весь Петербург» на 1907 г. Интересно, что в карточке ни одного из служащих нет упоминания о рессорно-механической мастерской. Среди выявленных людей – «первые лица» завода и служащие других мастерских. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что на данной групповой фотографии изображены исключительно служащие рессорно-механической мастерской. Кроме того, в журнале бухгалтерии имеются неоднократные упоминания о самой рессорно-механической мастерской: при записи счета Мастерских и счета Общества Потребителей [9, л. 34], свидетельство получения от Епифанова С. за проданные изделия [9, л. 2], отпущенные изделия Белоножкину [9, л. 8], удержания из жалования П. Анисимова за февраль [9, л. 57], возврат удержанного промыслового налога Белоножкину [9, л. 67], выплата из кассы Иванову П. за мосты [9, л. 72]. Таким образом, подтверждено существование этой мастерской на Путиловском заводе. Планируется дальнейшая работа с данным фондом и поиск более точной информации о мастерской.

Фотоателье

Благодаря адресно-справочным книгам «Весь Петербург» на 1907 и 1912 годы мне удалось установить личность Юлиана Ивановича Никоновича, автора данной фотографии. Обратившись к сайту Стереоскоп, посвященному истории петербургской фотографии и фотоателье 1837-1920 гг. и Юбилейному справочнику Академии художеств С.Н. Кондакова, я узнал, что он был художником по образованию и являлся выпускником Академии художеств [15, с. 141]. В 1879 г. он получил первую серебряную медаль, а в 1880 г. окончил полный курс. В 1881 г. Ю.И. Никонович получил звание неклассного художника [15, с. 141]. Каждый учащийся Академии художеств во время обучения выполнял работы, которые оценивались, а по окончании курса мог получить золотую или серебряную медаль. Эти медали могли быть большими или малыми. Обладатели большой золотой медали, малой золотой медали и большой серебряной получали 1, 2 или 3 степень соответственно, и являлись классными художниками, а обладатели малой серебряной медали именовались неклассными. Чтобы получить звание неклассного художника нужно было также сдать научные предметы с общим баллом 3. Звание могли получить и художники, не обучавшиеся в Академии, при

условии сдачи экзаменов и работ. В 1860-х годах звание некласного художника присваивали не столько за творческие работы, сколько за демонстрацию ремесленной художественной грамотности. Подтверждения информации из Юбилейного справочника С.Н. Кондакова удалось найти в фонде Императорской Академии Художеств, который хранится в РГИА. Благодаря Докладной записке Правления Императорской Академии художеств от 21 января 1877 г. [8, л. 14, 14 об.] стало известно, что Юлиан Никонович в 1870 г. поступил в число вольнослушающих класса гипсовых голов, в 1874 г. был переведен в Натурный класс, а в 1876 г. принят в ученики I курса. В 1877 г. он вместе с четырьмя другими учащимися обратился в Правление Академии с просьбой изучать медальерное искусство и в связи с этим получить стипендию Петербургского Монетного двора. 17 мая 1875 г. он получил малую поощрительную медаль за рисунок с натуры. Также мне удалось узнать его год рождения – 1851 г. [8, л. 14, об.].

В ЦГИА СПб я познакомился с личным делом учителя чистописания и рисования в Санкт-Петербургском Учительском институте, состоящего в IX классе Юлиана Никоновича [11]. Благодаря этому документу установлено, что Ю. Никонович был крестьянином, родившимся 6 мая 1851 г., а также то, что он приехал в Петербург из деревни Меньки Свислочской волости Меньковского общества Волковысского уезда. Также из этого дела я узнал, что он преподавал в Учительском институте с 28 января 1882 г. по 1 августа 1883 г. [11, л. 8, 13 об., 14].

Санкт-Петербургский учительский институт был открыт 25 октября 1872 г. «для подготовки учителей городских училищ» в арендованном Министерством народного просвещения доме № 28 на 13-й линии Васильевского острова. Институт был мужским закрытым учебным заведением для лиц старше 16 лет. В 1873 г. при институте также были открыты вечерние курсы для учителей уездных училищ. Юлиан Иванович Никонович был там учителем рисования и чистописания в течение полутора лет [11, л. 13 об.]. В 1888 г. Ю.И. Никонович открыл своё фотоателье по адресу Садовая ул., д. 18. Это здание было построено в 1874 г. по проекту гражданского инженера Антона Юлиановича Новицкого. Сейчас в этом здании располагается администрация Российской национальной библиотеки. Мне удалось найти ряд фотографий, сделанных Ю.И. Никоновичем в этом фотоателье. В собрании Государственного Эрмитажа хранится портрет сестер-купчих, датируемый 1890-е годами. Музейные хранители выяснили, что эта фотография сделана по технологии альбуминового отпечатка. Кроме того, я нашел фотографию последнего российского императора, где он запечатлен с женой, и отдельный портрет императрицы. Думаю, это говорит о высоком статусе фотоателье Ю. Никоновича. Каждая фотография имеет фир-

менное паспарту с указанием фотоателье Юлиана Никоновича и его адресом. Может возникнуть вопрос, зачем всем этим фотографиям нужна картонная подложка (паспарту). Это необходимо для фиксации бумаги, так как использовалась очень тонкая бумага, которая сама по себе со временем сворачивалась [22, с. 22-23].

Фотографии в фотоателье Ю.И. Никоновича выполнялись в технике альбуминовой печати, очень распространенной в то время. Впервые она была представлена 27 мая 1850 г. Луи Дезире Бланкар-Эврар. Название технологии связано с использованием яичного белка – альбумина, которым покрывались очень тонкие листы бумаги, помимо белка, бумагу покрывали также хлоридом натрия (солью). Затем листы помещались в раствор нитрата серебра, за счет этого они становились чувствительны к свету. После этого бумагу высушивали в темноте и помещали в рамку вместе с коллодионовым стеклянным негативом (покрытым коллодионовой эмульсией). Метод альбуминовой печати был широко распространен, со временем совершенствовался и использовался вплоть до конца XX в. Использование этого метода также совпало с появлением различного вида фотоальбомов. Кроме того, стало возможно делать большеформатные снимки [22, с. 20, 22; 48]. Также удалось найти фотографию слесарно-сборочного отделения пушечной мастерской Путиловского завода, которая также выполнена в фотоателье Ю.И. Никоновича [33]. Интересно, что в отличие от портретных изображений, она является репродукцией на стекле. В качестве автора съемки указан не только Ю. Никонович, но и Г.И. Луговой. Можно предположить, что он выполнил репродукцию на основе оригинального снимка Ю.И. Никоновича. Этот фотодокумент также позволяет сделать предположение о том, что Юлиан Иванович постоянно сотрудничал с Путиловским заводом, т.е. фотография рессорно-механической мастерской не является исключением. Подтверждением служат еще несколько фотографий [23]. Последователи Ю. Никоновича продолжили эту традицию. Согласно данным с сайта «Стереоскоп» и справочнику «Весь Петербург», в 1913 г. в доме 18 по Садовой улице открылось фотоателье «Модерн» Никифора Степановича Пименова, но уже в 1914 г. оно пропало из справочников [24]. Работники Центра Петербурговедения ЦГПБ им. В.В. Маяковского утверждают, что с 1913 г. «славу фотографической мастерской с многолетним стажем» на год или чуть больше захватил Иван Густавович Саард. Он также упоминается в адресном справочнике 1914 года. С 1915 г. в этом же здании располагалось фотоателье Михаила Михайловича Брейткаса. Правда, сайт указывает, что оно существовало до 1925 г. [32], а справочник «Весь Ленинград» – до 1927. Это разночтение мне помогли разрешить сотрудники отдела архивных документов РНБ. В ходе личной переписки они объяснили, что М. Брейткас продолжал жить и работать в доме № 18 по

Садовой улице вплоть до своей смерти в 1942 г. Однако в середине 1920-х годов фотоуслуги пользовались малым спросом, и фотоателье было закрыто. Михаил Михайлович принял участие в организации фотослужбы в РНБ, именовавшейся тогда фотолабораторией и затем фотокабинетом. Возможно, эта служба получила от фотоателье Брейткаса его помещения и оборудование. Я планирую посетить отдел архивных документов РНБ и изучить сохранившиеся об этом документы. Интересно, что до революции М. Брейткас продолжал сотрудничество с Путиловским заводом. Об этом свидетельствует фотография Ново-механической мастерской из музея истории и техники ОАО «Кировский завод» [2]. По всей видимости, это фотоателье действительно имело довольно высокий статус в городе. Выбор Путиловского завода мог определяться не столько сотрудничеством с конкретным фотографом, сколько репутацией ателье.

Таким образом, в данной работе удалось проследить историю фотоателье, располагавшегося в доме № 18 по Садовой улице, а также найти сведения о фотографe и художнике Ю.И. Никоновиче.

Использованная литература и источники:

Музейные предметы

1. Вагонно-механическая мастерская Путиловского завода : групповая фотография // СПб ГУ «Музей истории и техники Кировского завода».
2. Ново-механическая мастерская Путиловского завода: групповая фотография. 1915 г. // СПб ГУ «Музей истории и техники Кировского завода».
3. Рессорно-механическая мастерская Путиловского завода: фотоколлаж. 1907 г. // СПб ГУ «Музей Нарвская застава». Фонд III. КПНВ - 6647.

Архивные материалы

4. Андржеевский – Анишев : [личные карточки рабочих] // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 13. Ед. хр. 13.
5. Белов – Бельский : [личные карточки рабочих] // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 13. Ед. хр. 26.
6. Главная книга // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 150, 1907. 217 л.
7. Ведомость выдачи премий рабочим и служащим // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 325, 1903-1913. 2 л.
8. Докладная записка Правления Императорской Академии художеств. 21 января 1877 г. // РГИА. Ф. 789. Оп. 8. Д. 168, 1873 г.: Личное дело Шалонова Михаила Константиновича. Л. 14, 14 об.
9. Журнал бухгалтерии // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 186, 1907. 226 л.

10. Личные карточки служащих – Б // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 290, 1909-1916. 89 л.; Личные карточки служащих – Ж, З, И // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 294, 1909-1916. 92 л.; Личные карточки служащих - М // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 297, 1909-1916. 102 л.; Личные карточки служащих - П // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 299, 1909-1916. 89 л.
11. О назначении Никоновича Юлиана учителем рисования и чистописания // ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Д. 308, 12.12.1881-19.09.1883. 14 л.
12. Прошения и заявления рабочих и служащих, различные свидетельства и переписка по личному составу // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 269, 1908-1911. 242 л.
13. Соколов – Соловьев : [личные карточки рабочих] // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 13. Ед. хр. 264.
14. Убийбатко – Урядников : [личные карточки рабочих] // ЦГИА СПб. Ф. 1418. Оп. 13. Ед. хр. 286.

Источники

15. Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764-1914. – [2 : Часть биографическая]. – Петроград : т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1915]. – 454 с.
16. Учетная карточка музейного предмета. Фонд III. КПНВ – 6647 // СПб ГУ «Музей Нарвская застава».

Литература

17. Костюченко С.А. История Кировского завода, 1917-1945 / Ин-т истории партии Ленингр. обкома КПСС – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Мысль, 1966. – 702 с. – (История Кировского (бывшего Путиловского) металлургического и машиностроительного завода в Ленинграде).
18. «Красный путиловец». 125 лет, 1801-1926 : [юбилейный сборник]. – Л. : Прибой, 1927. – 116 с.
19. Мительман М.И. История Путиловского завода, 1801-1917 / Ин-т истории партии при Ленингр. обкоме КПСС. – [3-е изд.]. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 720 с. – (История Кировского (бывшего Путиловского) металлургического и машиностроительного завода в Ленинграде).
20. Путиловец в трех революциях : сборник материалов по истории Путиловского завода / сост. и подготовил к печати С.Б. Окунь. – [М.] ; [Л.] : История заводов, 1933. – 440 с.

Интернет-ресурсы

21. Вид слесарно-сборочного отделения пушечной мастерской, переоборудованного во время революции в тракторную

- мастерскую, где строились первые тракторы : [фотодокумент] / Ю.И. Никонович, Г.И. Луговой // ЦГАКФФД СПб. Фото-документы. В 5218. – URL : https://spbarchives.ru/web/group/information_resources/-/archivestore/photo/90955 (дата обращения: 10.03.2018).
22. Идентификация, хранение и консервация фотоотпечатков, выполненных в различных техниках / Федер. гос. бюджетное учреждение культуры «Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО». – СПб., 2013. – URL: http://rosphoto.org/wp-content/uploads/2016/07/identification_2013.pdf (дата обращения: 11.04.2017).
23. Никонович Ю. Фотография. Пассажирский 4-х цилиндровый паровоз системы «Компаунд» 2-3-0 «Общества Путиловских заводов». ГИК КП ВС-55562/1. Место хранения: Государственный музей политической истории России // Государственный каталог Музейного фонда РФ : [сайт]. – URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5413704> (дата обращения: 13.01.2019).
24. Пименов Никифор Степанович // Стереоскоп : [интернет-проект]. – СПб., 2013-2018. – URL: <https://stereoscop.ru/photograph/пименов-никифор-степанович> (дата обращения: 04.04.2017).

Четырина Анастасия, Постникова Яна
8 класс, ГБОУ школа № 332
Невский район
(руководитель – Хижняк Я.Б.)

Страницы истории моей школы: школа № 332 в послевоенный период

Для изучения истории школы в послевоенный период мы в первую очередь обратились к школьным Книгам Приказов, хранящимся в Объединенном архиве Комитета по образованию Санкт-Петербурга. После ремонта школа № 332 приняла учеников 1 сентября 1946 года.

В 1944 году начинают возвращаться эвакуированные жители Ленинграда, количество учащихся в школах города к 1946 году увеличивается. Учреждение находилось в заводском районе города на окраине, необходимо было восстанавливать промышленность города

и страны, поэтому школа оказалась переполненной с первых дней ее работы [6, с. 16]. В Книге приказов для учащихся 1946–1951 годов практически каждую неделю издавались приказы о зачислении в разные классы и об отчислении из школы. В 1946 году было зачислено 75 первоклассников [6, с. 13]. Здесь мы не нашли ответ на вопрос, кто обучался в школе (мы имеем в виду контингент: состоятельность, национальность и прочее) поэтому обратились к работе А.З. Ваксера «Политические и экономические катаклизмы в России XX века и население Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга»: «Одной из характерных черт демографической обстановки в городе в послевоенные годы были широкие масштабы миграционных процессов. Последние характеризовали еще довоенный Ленинград, когда в город ежегодно прибывало и выезжало из него около полумиллиона человек. Теперь масштабы миграции еще более расширились: в это число входили и реэвакуированные и уволенные в запас фронтовики, и мигранты, направляемые в город из других регионов. Город напоминал огромный табор. В последующем же доля названных категорий стала снижаться, хотя и в них коренные ленинградцы все-таки составляли заметную группу. Достаточно сказать, что за один 1945 г. в Ленинград прибыло и выбыло в общей сложности 719014 человек. В 1947 и 1948 гг. миграционный прирост, хотя и заметно снижается, но носит еще характер огромного потока людей, переживших страшные потрясения и возвращающихся к родным очагам, просто ищущих нового места в жизни после перенесенных потрясений. Только с конца 40-х г. миграция принимает иной характер. Она начинает в первую очередь удовлетворять текущие потребности народного хозяйства, растущей системы образования, отражает колебания в экономической политике. Потомственные горожане — уроженцы Ленинграда, лица, долгие годы проживавшие в городе, при подобном механизме воспроизводства населения не составляли преобладающего контингента, что затрудняло и без того нарушенный войной, блокадой» [1, с. 117]. Итак, в Ленинград приезжают люди со всей страны, разных национальностей, привыкшие жить по разным правилам и традициям, перенесшие лишения войны.

Мы обратили внимание на то, что в приказах по школе от 1946 года присутствуют фамилии только мужского рода. Чтобы выяснить, почему так происходило, мы обратились к Постановлению Правительства СССР от 16 июня 1943 г. «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных республик и крупных промышленных городов». То есть все школы были разделены на мужские и женские, и в 332 школе обучались только мальчики. Также мы выяснили, что совместным образованием вновь стало только на основании Поста-

новления Совета Министров СССР (июль 1954 г.) «О введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов», в котором сказано: «Учитывая пожелания родителей учащихся и мнение учителей школ, ввести в школах Москвы, Ленинграда и других городов с 1954/55 учебного года совместное обучение мальчиков и девочек» [14].

Следующий вопрос, который нас заинтересовал, какие предметы преподавались в школе. Из книги В.Ф. Любова «Учебный год в школе» мы узнали, что в военные годы школьные программы сильно сократились, но в полной мере их объем был возвращен в первые послевоенные годы. Особое внимание среди школьных предметов уделялось таким как «История», «Конституция СССР» [3, с. 10]. С пятого класса ежегодно школьники сдавали экзамены практически по всем предметам школьной программы. Из школьных приказов (распределения нагрузки учителей) мы выяснили, какие предметы преподавались в послевоенной школе, но не согласимся с В.Ф. Любовым в том, что их было меньше. В школьном расписании: математика, арифметика, физика, русский язык, литература, французский язык, английский язык, география, Конституция, естествознание, химия, биология, история, физическая культура, рисование, пение [8, с. 46–48]. Также мы нашли подтверждение тому, что экзамены сдавались каждый год в 5-7 классах [8, с. 49]. Поскольку источником информации для нас служили только Книги Приказов (точнее их фотокопии, потому что школьников в Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга не допускают), для систематизации информации, мы разделили приказы по тематике. Школа была «рабочая» и на окраине города, по воспоминаниям бывших учеников обучались в ней по большей части дети рабочих. Так Нина Ивановна Образцова вспоминает, что в ее классе (6 класс, 1957 год) было 42 человека, из которых только у троих учеников родители не работали на заводе «Большевик».

В школьных Книгах приказов большое количество распоряжений относительно нарушений правил поведения учеников. Нам стало интересно, какие же правила были у школьников того времени. Это мы выяснили из работы К.А. Маслинского «Правила поведения в советской школе». Они были введены в 1943 году как общесоюзные «Правила для учащихся». Содержание правил представляет собой список из 20 предписаний и запретов о поведении в школе и вне ее, с указанием, что за нарушение правил учащийся подлежит наказанию вплоть до исключения. Приведем их текст полностью:

1. Упорно и настойчиво овладевать знаниями для того, чтобы стать образованным и культурным гражданином и принести как можно больше пользы советской Родине.

2. Прилежно учиться, аккуратно посещать уроки, не опаздывать к началу занятий в школе.

3. Беспрекословно подчиняться распоряжениям директора школы и учителей.

4. Приходить в школу со всеми необходимыми учебниками и письменными принадлежностями. До прихода учителя приготовить все необходимое для урока.

5. Являться в школу чистым, причесанным и опрятно одетым.

6. Содержать в чистоте и порядке свое место в классе.

7. Немедленно после звонка входить в класс и занимать свое место. Входить в класс и выходить из класса во время урока только с разрешения учителя.

8. Во время урока сидеть прямо, не облокачиваясь и не разваливаясь, внимательно слушать объяснения учителя и ответы учащихся, не разговаривать и не заниматься посторонними делами.

9. При входе в класс учителя, директора школы и при выходе их из класса приветствовать их, вставая с места.

10. При ответе учителю вставать, держаться прямо, садиться на место только с разрешения учителя. При желании ответить или задать учителю вопрос поднимать руку.

11. Точно записывать в дневник или особую тетрадь то, что задано учителем к следующему уроку, и показывать эту запись родителям. Все домашние уроки выполнять самому.

12. Быть почтительным с директором школы и учителями. При встрече на улице с учителями и директором школы приветствовать их вежливым поклоном, при этом мальчикам снимать головные уборы.

13. Быть вежливым со старшими, вести себя скромно и прилично в школе, на улице и в общественных местах.

14. Не употреблять бранных и грубых выражений, не курить. Не играть в игры на деньги и вещи.

15. Беречь школьное имущество. Бережно относиться к своим вещам и к вещам товарищей.

16. Быть внимательным и предупредительным к старикам, маленьким детям, слабым, больным, уступать им дорогу, место, оказывать всяческую помощь.

17. Слушаться родителей, помогать им, заботиться о маленьких братьях и сестрах.

18. Поддерживать чистоту в комнатах, в порядке содержать свою одежду, обувь, постель.

19. Иметь при себе ученический билет, бережно его хранить, не передавать другим и предъявлять по требованию директора и учителей школы.

20. Дорожить честью своей школы и своего класса, как своей собственной.

Нарушались почти все пункты вышеперечисленных правил. На первом месте по количеству замечаний – нарушения дисциплины и содержания в чистоте помещений. Сразу хотели бы заметить, что мы сохраняем пунктуацию и правописание из источника. Так, в приказе №19 по школе 332 от 19/1-46 г. можно прочесть: «За последнее время участились случаи нарушения «Правил поведения уч-ся». На уроках шумно, в классе грязно, на полу в коридоре бросают бумажки. Дежурные по классам свои обязанности выполняют плохо. Классы убирают плохо. Старосты классов не следят как дежурные убирают классы и за нарушениями дисциплины» [6, с. 12]. Подобные записи встречаются постоянно на протяжении всех лет существования школы, например, в приказе № 2 по 332 школе от 19/11 – 1946 года зафиксировано: «Мною установлено, что после занятий в классной комнате остается много мусора, особенно было мусорно 19/11-46 г. В 4-х классах «А» и «Б».

Приказываю: Всем классным руководителям и групповодам с 20/11 составить и вывесить списки дежурных учеников по классам. Назначать дежурными по два человека. Вменить в обязанность дежурным следить за чистотой класса. По окончании занятий дежурные приводят класс в порядок и передают вновь назначенным дежурным. Преподаватель проводивший занятия на последнем уроке проверяет класс и разрешает уход домой дежурным» [1, с. 7].

Кроме этого, в школе процветает воровство, хулиганство: «В школу отдельные ученики приходят грязными. На зарядку и уроки опаздывают, в раздевалки друг у друга воруют одежду и обувь.

Приказываю:

Ученика 3 кл. «Б» Митрофанова за плохое поведение, за хулиганство 12/10. За неоднократные замечания учителей исключить из школы сроком на неделю с переводом в 3 кл «Г». За дальнейшее нарушения правил поведения будет исключен из школы.

Уч-ка 3 кл «Б» Маркова В. За хулиганство 12/10, за воровство в классе, за обман учителя, за прогулы и опоздания исключить из школы сроком на две недели.

Уч-ка 3 кл «а» Шестак, за воровство тетрадей, опоздание на уроки, за плохое поведение во время перемен, объявляю выговор.

Уч-ку 3 кл. «б» Щербе за хулиганство, за плохое поведение на уроках и во время перемен, за воровство, объявляю строгий выговор...

Предупреждаю всех уч-ся о строгом выполнении правил поведения. Нарушителей правил направлять домой за родителями, а злостных нарушителей исключать из школы.

Дир.шк. А. Лядов» [7, с. 14].

О халатном отношении к учебе получаем информацию из приказа №64 по 332 школе от 14/9-1949 года: «Проверкой установлено,

что у многих учащихся отсутствуют учебники по предметам и дневники, тогда как в течение продолжительного времени в киоске лежат дневники и имеются учебники по зоологии, географии, истории, русскому языку, арифметике, алгебре, «Родная речь» и др. [8, с. 23]

Несмотря на распоряжения директора, усилия учителей, наказания, отчисление из школы ситуация не улучшается вплоть до 1969 года. Приказы повторяются каждую неделю. Расхищается школьное имущество, о чем мы можем узнать из приказа по школе 332 от 20/11 – 46 г.: «За воровство государственного школьного имущества и наглядных пособий исключить из школы следующих уч-в:

Уч-ка 6 класса Титова Германа за воровство 16/11 – из кабинета физики коробку диапозитивов исключить из школы с 20/11 по 27/11 сроком на неделю.

Уч-ка 6 класса Круглова Валентина за кражу при переноске пособий в кабинет топографических карт исключить из школы с 20/11 по 23/11 сроком на три дня.

Уч-ка 6 кл Андреева за воровство топографических карт исключить из школы с 20/11 по 23/11 сроком на три дня

Уч-ку 6 кл. Ершову за скрытие воровства карт объявляю выговор.

Погорельцеву, уч-ку 4 кл «б» и уч-ку того же класса Совельеву за воровство чернилниц приказываю купить по 1й чернилнице и объявляю строгий выговор...» [6, с. 30].

Мы можем предположить, что такая ситуация была связана с голодными 1946–47 годами. Из статьи А.Р. Давыдовича «Школьное питание: уроки истории. Голод в городах» узнаем, что 1946–1947 гг. были сложными в отношении продуктовых поставок в города. «Голод коснулся и крупных промышленных центров с гарантированным карточным обеспечением продовольствием: Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Сталинграда, Красноярска, Ярославля и др. Зимой 1947 г. на предприятиях и стройках Ленинграда и Сталинграда имелись случаи массовых заболеваний дистрофией. В феврале 1947 г. по Сталинграду было зарегистрировано 998 заболеваний у взрослых и 1370 – у детей, из них 700 человек имели дистрофию II степени» [2]. Там же узнаем, что детям, больным дистрофией полагалось усиленное питание в школьных столовых, им выдавались талоны УД (усиленное детское питание). «Школьники должны были получать горячий завтрак во время второй и третьей перемен в два или три потока в зависимости от вместимости столовой и режима занятий (продолжительность перемен устанавливалась в соответствии с уставом средней общеобразовательной школы). График работы школьной столовой устанавливался администрацией школы по согласованию с организацией общественного питания» [2]. Подтверждение этому находим и в Книге Приказов (приказ

№ 44 по школе 332 от 13/3-47 г.) [6, с. 49]. Приказ №25 по 332 школе от 11/12-46 г устанавливает порядок посещения столовой в школе: «Проверкой мною установлено, что несмотря на имеющееся расписание посещения классами столовой все же до сих пор порядка нет. Уч-ки 2-х классов должны посещать столовую с 8 ч до 8,45 ч, посещают же очень мало остаются до 2ой и 3ей перемены, тем самым создают перенасыщение столовой, и что приводит к задержке и опозданию на уроки. Отдельные преподаватели уч-в в столовую не провожают и не следят за их поведением в столовой в результате чего по коридору беготня в столовой шум и беспорядок» [6, с. 27]. Также нас заинтересовало, из чего состоял завтрак – обед школьников, но мы смогли найти меню школьников только конца 1960 – начала 1970-х годов [15].

Судя по школьным приказам, правила поведения нарушались постоянно. Мы знаем из рассказов наших бабушек, дедушек, что сообщали на работу родителям о нарушениях их детей в школах, партийная организация предприятия, на котором работали родители, должна была принять меры относительно «халатных» родителей. Но какого-либо результата в изменении поведения детей мы не видим: приказ № 39 по 332 школе от 28/4 – 1949 года подтверждает это: «Несмотря на неоднократные предупреждения, отдельные учащиеся продолжают до сих пор нарушать правила, и нарушения граничат с злостным нанесением ущерба школе. Так, например, уч-ки 7-го класса Колкушев, Вальдман, Андреев 26/4 перед проведением кино-урока по географии до прихода учителя в кабинете бегали по столам, бросали на пол чернильницы, разливали чернила. Не ограничиваясь этим, перешли в 4в класс, где облили чернилами стены и потолок, на стене написали нехорошие слова. За безобразные действия приказываю кл. руковод. Леоновой уч-ков Вальдмана, Колкушева и Андреева до занятий не допускать до прихода родителей. Потребовать немедленного приведения класса в надлежащий вид. Обсудить поведение уч-ся на педсовете» [8, с. 37].

Следующая категория приказов касается праздников. Мы встречаем распоряжения о дежурствах учительского состава во время праздников, запрете приглашать кого-либо учителям, проживающим на территории школы, в гости. Так же можно среди распоряжений найти поздравления коллектива учителей и учеников школы. Отличившиеся ученики и учителя награждались благодарностями, грамотами и небольшими подарками в виде шахмат и шашек. В книге приказов мы встречаем каждый год поздравление с годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции:

«Комсомольцы, пионеры и учащиеся! От имени школы приветствую и поздравляю Вас с 29-ой годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революцией. Сегодня мы празднуем 29-ю годов-

щину в условиях мирного социалистического созидательного труда. Трудящиеся Советского союза под руководством гениального вождя и учителя тов. Сталина отмечают 29-ю годовщину большими достижениями выполнения 1-го года 4-ой Сталинской пятилетки. Учащиеся советской школы вместе с трудящимися нашего великого союза продемонстрируют свою готовность стать стойкими борцами за дело Ленина-Сталина! Желаю вам успехов в учебе и работе, твердо и упорно боритесь за овладение культурой, крепите дисциплину и порядок в школе, будьте достойными сынами нашей родины. В ознаменование 29-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции объявляю благодарность и премирую следующих уч-в школы:...» [6, с. 14]. И одно единственное распоряжение о праздновании Дня Победы, находим его в приказе № 56 по 332 школе от 7/5 – 47 г: «В ознаменование дня победы Советского Союза над немецкими захватчиками всем учителям с 7-го мая по классам провести беседы о дне 9-го мая. Ст. пионервожатому Г. Дудкину 8/5 – провести митинг с работниками школы. Если возможно на уроках организовать посещение братских могил. Организовать экскурсию во вновь открытый после реконструкции музей Оборона Ленинграда». Мы полагаем, что причиной этого стал факт, что до 1948 года День Победы являлся нерабочим днём, однако Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 года выходной был отменён: вместо Дня Победы нерабочим сделали Новый год. Но о праздновании Нового года мы тоже никакой информации в распоряжениях не находим. Зато узнаем, что во время празднования Великой Октябрьской Социалистической революции ученики посещали Дом Культуры им. Ленина (современный Троицкий), проводили политинформации, линейки, митинги [6, с. 54].

Единичный приказ находим о проведении летнего лагеря на территории школы, но что конкретно планировалось на данный период мы не обнаружили. (Приказ №50 по 32 школе от 30/4 – 47 г).

В отдельную категорию следует выделить приказы, связанные с работой педагогического коллектива. Они есть отрицательного и положительного воздействия, но отрицательных все-таки больше. Учителя и технические работники нарушают дисциплину ничуть не меньше детей. В приказах постоянно упоминаются фамилии одних и тех же учителей, как нарушителей дисциплины и рабочих обязанностей, как и у учеников, впрочем. Подтверждением этого факта являются приказы № 17 по 332 школе от 13/11-46 г: «Несмотря на неоднократное предупреждение о заполнении классных журналов и о своевременном представлении воспитательных планов на 2ю четверть, все же до сих пор, отдельные учителя безответственно относятся к делу. Так, например:

Не предоставили планы воспитательной работы по 1 кл «а», 3 «а», 4 «б», 3 «б», 4 «а», 6 и 7 классах.

Не во всех классах заполнены сводная ведомость успеваемости, не подытожена сводная ведомость (Бояркина, Артемьева, Намарова, Столбова, Горелая, Петрова)

Полностью не заполнены сведения об учащихся Шостко, Комиссарова В.Н., Ясонова, Баринаова, Петрова.

Отсутствует учет посещаемости в сводной ведомости за сентябрь – октябрь месяцы по 6 классу...

Приказываю:

Всем перечисленным выше преподавателям 18/11 классные журналы оформить к 19.00 часов. Сдать в учебную часть на проверку...» [6, с. 21].

«Плохо у нас поставлена также и методическая работа с учителями. В наших школах работает значительное число недостаточно квалифицированных учителей, без соответствующего образования; ежегодно школы пополняются молодыми специалистами, не имеющими опыта работы. Между тем систематической работы с этими учителями не ведется, должной методической помощи им не оказывается. Методическая работа не дифференцируется, проводится без учета опыта и подготовки учителей. Молодым и малоквалифицированным учителям не уделяется особого внимания и заботы со стороны руководителей школы, методических организаций. Основным вопросом является повышение эффективности урока. Здесь особенно много недостатков. Инспекторские наблюдения показывают, что от 20 до 25 % посещенных уроков оказываются уроками плохими, неподготовленными, еще большее число уроков страдает существенными недостатками и оценивается как посредственные уроки» [22]. Нарушают рабочую дисциплину не только учителя, но и технические работники (приказ № 54 по 332 школе от 30\4 – 47 г): «За оставление неубранными классных комнат (5 кл, 4 кл) и уборной (оставлен ящик с бумагами) уборщице Смирновой Е.Ю. ставлю на вид» [6, с. 44]. В год мы встречаем как минимум 9 приказов, подтверждающих неисполнение обязанностей в надлежащем виде учителями: приказ № 63 по 332 школе от 20/1 – 1955 г.

Можно было бы предположить, что проблемы, связанные с безответственностью учителей, исчезнут после того, как новые профессионально обученные кадры придут работать в школы после Великой Отечественной войны, но в Книге Приказов мы находим иную информацию. № 12 по 332 школе от 18 марта 1963 года узнаем, что нарушения дисциплины учителями продолжают. «Несмотря на обсуждение вопроса о повышении трудовой дисциплины, до сих пор в школе имеет место случай нарушения таковой. Отдельные учителя не ведут борьбы за 45 мин урок, задерживаются после

звонка на урок в учительской, коридоре и классах. На урок приходят с опозданием. Фролова, Мясникова, Акименко и Юзова...».

Квалификация некоторых учителей была низкой (приказ № 30 по 332 школе от 10/2 – 1949 г.): «С 5/2 по 10/2 – 49 года проведена проверка тетрадей по русскому языку во 2х, 3х и 4х классах. Проверкой установлено, что, несмотря на неоднократные предупреждения об ответственности в работе и, главным образом, по вопросу успеваемости и прочных знаний, все же до сих пор отдельные учителя продолжают к работе относиться недобросовестно, формально. Тетради не проверяются, работа над ошибками не проводится. К проверке письменных работ относятся несерьезно, безответственно. Так, например: во 2а классе из 37 домашних тетрадей, проверенных и с выставленными отметками учит. Комиссарова З.Ф. в 11 тетрадях пропустила ошибки. Из 37 тетрадей (классных), проверенных и с выставленными отметками, оказались пропущенными ошибки у шести учеников в словах «двадцать девятого» – «двадцать двятого», «потянул» – «подянул»... у многих учащихся надписи на тетрадях печатными буквами. Вырываются листы и не проводится работа над почерком...» [8, с. 26]. Подводя итог, можно сказать, что квалификация и организация учителей была не на самом высоком уровне. Если судить по отчетам «Общегородского совещания директоров школ, завов районными отделами народного образования и инспекторов», которое проводилось ежегодно по итогам учебного года, то это была не единичная проблема, она существовала во всех школах города.

Следующая категория приказов касается успеваемости учащихся. Успеваемость в школе на протяжении 1946–1956 гг. держится на низком уровне, очень редко мы встречаем документы о награждении за хорошую учебу и поведение. Такие распоряжения появляются только после того, как школа становится общей для мальчиков и девочек. Из приказа № 40 по 332 школе от 16/2 – 47 года видим такое положение дел: «Проверкой классных журналов и сообщений преподавателей установлено, что в старших классах в 3 четверти снизилась успеваемость вместо повышения по сравнению с 2-й четвертью. Особенно низкая успеваемость в 6 классе. Отдельные уч-ки как Костров имеют 5 плохих оценок. Титов 3 плохие оценки, Козлов 4, Дрожжин 1, Николаев 2. Плохие оценки уч-ки имеют потому, что не выполняют домашних заданий, на уроках не внимательно занимаются, нарушают правила поведения, не считают обязанными посещать учебные экскурсии [6, с. 39]. Причиной плохой успеваемости и плохого поведения директор школы видит в низкой учебно-воспитательной работе: приказ № 25 по 332 школе от 6/12-1948 года: «Школа 1ю учебную четверть закончила с успеваемостью 81%. Такая низкая успеваемость явилась в результате низкой учебно-воспитательной работы школы

за 1-ю четверть. И несмотря на такие плохие результаты, которых допустить во 2-й четверти нельзя, все же отдельные учителя и до сих пор не поняли своей ответственности перед государством в деле обучения и воспитания детей и продолжают и во 2-й четверти относиться безответственно, формально к этому важнейшему делу. Приказываю:

За формальное отношение к работе по вопросу успеваемости и дисциплины учащихся (тетради учащихся по русскому языку – диктовки не проверены с 15/11 и 20/11), за необеспеченность проведения дня артиллерии, за отсутствие работы над правилами поведения учащихся (в классе грязно, драки и т.д.) учительнице Комиссаровой З.Ф. объявляю строгий выговор с предупреждением о чем поставить в известность РОНО...» [8, с. 37].

Нас очень заинтересовало, куда девались те дети, которых исключали из школы насовсем, а не на короткий срок. Ответ мы нашли в «Общегородском совещание директоров школ, завов районными отделами народного образования и инспекторов 29 августа 1953 г.» и в Книге Приказов: «Отчислить из числа учащихся 332 школы в связи с переездом, переводом в другие школы, ремесленные училища и на работу...в 337 школу»

Из доклада Петрикеева (Зав. Лен. Гор.отделом народного образования) мы узнали, что проблема плохой успеваемости и исключения из школы являлась проблемой не только нашей школы или района «...В нашем городе, как и в других крупных промышленных центрах страны, уже к концу пятой пятилетки станет всеобщим десятилетнее образование. В 1953/54 учебном году мы должны подготовить все необходимое для выполнения этой задачи. Мы уже сейчас обязаны предоставить полную возможность всем учащимся, окончившим семилетку и желающим продолжать свое образование в средней школе, поступить в 8-ые классы. По далеко не точным данным, к концу 1952 года в Ленинграде не обучалось около 600 человек, из них не были вовлечены в школы рабочей молодежи 164 работающих подростка, уклонялось от обучения 87 человек, не обучалось длительно болеющих детей 265 человек. Среди уклоняющихся от обучения преобладают мальчики (из 87 человек девочек – 16 человек) – подростки 1937 года и 1938 года рождения, оставшиеся в школах на второй год и не желающие учиться. Серьезным упреком всем нам, воспитателям, является лаконическая запись против фамилии необучающегося – «Не желает учиться». Невыполнение закона о всеобуче идет, главным образом, за счет отсева учащихся из школы: состав учащихся ленинградских школ с 1/IX по 20/V уменьшился на 10 321 человека, а в период с 20/V по 20/VII, т. е. только во время экзаменов, из школ выбыло 3 000 человек. Некоторые руководители школ откровенно говорят родителям о нежелательности

дальнейшего пребывания их детей в школе. Например, заведующая учебной частью 72-й школы Петроградского района тов. Голубева заявила родителям ученицы 8 кл. Васильевой: «Лучше ей идти работать, чем оставаться в 8 кл. на второй год». В своих действиях она не одинока». Мы подсчитали количество выбывших из 332 школы в 1952 году, их оказалось 84 человека, не считая первые и седьмые классы. «Отдельные директора школ не только не обращаются за разрешением в РОНО при отчислении ученика на работу, но не считают нужным «согласовать» этот вопрос. Одной из существенных причин неуспеваемости, а затем и ухода из школы многих учащихся является отсутствие в школах надзора за младшими школьниками, лишенными его в семье. Только в 103 школах города существовали комнаты продленного дня с охватом 1440 человек с родителями ...надо прекратить отчисление учащихся из школы без уважительных причин» [22].

В Книге приказов находим всего два приказа о травматизме в школе: точнее имеем один случай травматизма и распоряжение о принятии мер в связи с распоряжением по городу. Приказ № 123 по 332 школе от 4 апреля 1964 года: «В связи с тем, что за последнее время в школах нашего района много стало несчастных случаев среди детей и подростков школьного возраста.

В 326 школе в результате несерьезного отношения воспитателя, девочки ушли из комнаты продленного дня и одна из них попала под машину. В другой школе два мальчика подрались и одному из них в глаз попал осколок от очков в результате чего мед. работ. вынуждены оперировать глаз. В 136 вечерней школе два ученика принесли самодельную ракету в кабинет физики. Она взорвалась, подростку в больнице вынуждены произвести ампутацию руки. В одном детском саду одна девочка упала с карусели и ранилась. Все эти случаи происходят благодаря слабой воспитательной работы в школах. Учителя и классные руководители за последнее время совершенно перестали работать над правилами поведения...

Приказываю:

1. Всем учителям и классным руководителям с 6 по 11 апреля в классах провести беседы о выполнении правил поведения и личных требований учащимися. Строго всех учеников предупредить о следующем:

а) Не приносить в школу предметы, не относящиеся к занятиям (ножницы, гвозди, стекла, спички и другие предметы) проверять и отбирать, учеников наказывать.

б) Категорически запретить открывать оконные рамы, на подоконник поставить цветы.

в) Во время перемен чаще быть в классах, дежурным строго следить за поведением учащихся в коридоре и классах. За порчу

школьного имущества, драки, курение учеников наказывать. Вызывать немедленно и требовать от них принятия мер.

2. Прекратить удаление с уроков, отправлять домой за дневниками, тетрадами в перемены. О нарушениях сообщить родителям, требовать от них принятия мер. Проверить всех учеников не посещающих школу по состоянию здоровья» [11, с. 82].

Мы попытались найти, на чем основывалось данное распоряжение. Нашли только речь ведущего специалиста института имени Турнера Ободана: «Вы, товарищи, знаете до сих пор только о транспортных травмах, но вы мало знаете, что делается в общем в отношении так называемых школьных травм. Оказывается, что на 100 случаев травм с детьми школьного возраста от 7 до 16 лет 16 % (1/3) падает на травмы, происшедшие в школе, из них 3 % – на уроке физкультуры и 13 % – прочие школьные травмы, происходящие во время перемен. А что происходит во время перемен? Позвольте привести специальный анализ по данным, которыми мы располагаем, причин ударов твердыми предметами, нанесенными в школе. Если взять всю цифру травм за 100 % , то

29 % травм происходит от ударов кулаком,

24 % – сумкой,

15 % – от ударов камнем,

13 % – от ударов ногой,

9 % – от ударов пряжкой ремня,

3 % – проч.»

И предложение Совета директоров школ принять данное выступление на заметку. А также приказ № 29 по школе 332 от 2/2-1949, который рассказывает нам о несчастном случае, произошедшем на уроке и повлекшем за собой увольнение учителя: «28/1-1949 года на уроке английского языка в 3а классе учительница Соминская Е.М. за невыполнение домашнего задания отобрала у ученика Чеботарева Валентина дневник. Ученик Чеботарев начал настойчиво требовать дневник обратно, мешая проводить урок. Учит-ца Соминская Е.М. вместо того, чтобы доказать ему его грубость удалила его из класса, в результате чего ученик Чеботарев по своей неосторожности при выходе из класса сделал ушиб головы. За грубое обращение с учеником Чеботаревым, выразившееся в отборе дневника и удаление из класса учительницу Соминскую Е.М с 9/2 – 1949 от работы освободить и предупредить всех учителей о недопустимости подобных случаев. Удаление с уроков из класса и отправление домой за родителями категорически запрещаю» [9, с. 33].

Вряд ли мы можем сделать вывод, что травматизм в школе 332 был низок, имея всего два распоряжения на этот счет и учитывая, какое количество нарушений Правил поведения было выявлено. Скорее всего, данный вопрос решался без участия администрации

школы и не имел столь весомых последствий, какие были перечислены выше.

И, конечно же, нас не могло не порадовать то, что в нашей школе были и приятные моменты: так, приказ № 7 по 332 школе от 18 февраля 1963 г. п. 1 гласит «За серьезное отношение к занятиям в кружке кинодемонстраторов, успешную сдачу экзамена и получение удостоверения кинодемонстраторов с правом работы на киноаппаратах «Школьник» объявить благодарность следующим ученикам:

6 а класс Добрякову Борису, Скляренко Виктору, Чупрову Вячеславу

7 в класс Карасеву Сергею, Кузьменкову Анатолию, Гордину Вал.

8 в класс Образцовой Нине, Бушуевой Ирине, Королевой Людмиле» [11, с. 42].

Из приказа № 436 по 332 средней школе от 2/3 – 59 г узнаем, что «24/2 – с.г. ученица 7 в класса Рыжова Наташа на Троицком поле в районе 1го городка нашла деньги утерянные не известно кем. Рыжова Н. деньги сдала в 32 отд. Л.Г.М., тем самым показала себя честной ученицей нашей школы. За благородный поступок ученице Рыжовой Нат. объявляю благодарность. Классному руководителю записать благодарность в личное дело» [9, с. 68].

На основе изучения нескольких Постановлений Правительства СССР можно сделать вывод, что жизнь школы была строго подчинена тем директивам, законодательным актам, которые действовали на территории нашей страны и города. Жизнь школьников послевоенного времени была подчинена жизни страны: праздники, социалистические соревнования между классами по успеваемости и дисциплине. А нам предстоит продолжить исследование: встретиться с выпускниками школы этих лет, изучить документы и свидетельства ленинградских школ 50–60-х годов прошлого века, которые расскажут новому поколению о педагогическом творческом поиске, развитии пионерской и комсомольской организаций, внедрении новых передовых методик в обучении и воспитании подрастающего поколения. Эта работа поможет дать полную картину образовательного и воспитательного процессов в деятельности школ нашего города послевоенных лет.

Использованная литература и источники:

1. Ваксер А.З. Ленинград послевоенный, 1945-1982 годы. – СПб.: Остров, 2005. – 469 с.
2. Давыдович А.Р. Школьное питание: уроки истории // Российские регионы: взгляд в будущее : [электронная версия журнала]. – 2016. – № 3. – URL: <http://futureruss.ru/wp> (дата обращения: 29.12.2017).

3. Любов В.Ф. Учебный год в школе. – М. : Учпедгиз, 1960. – 308 с.
4. Маслинский К.А. Правила поведения в советской школе. Ч. 1 : Слово государства в устах учителя // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2015. – № 1 (36). – С. 56-72.
5. Балашов Е.М., Купайгородская А.П. Народное образование // Санкт-Петербург : энциклопедия : [ист.-культур. интернет-портал]. – СПб., 2004. – URL: <http://encspb.ru/object/2804012065?lc=ru> (дата обращения: 06.12.2016).
6. Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 13: (Книги приказов по школам Ленинграда). Оп. 4. Д. 30: (Книга приказов по 332 школе Володарского (Невского района). № 1.
7. Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга Ф. 13. Оп. 4. Д. 31. Книга приказов ... № 2.
8. Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 13. Оп. 4. Д. 32. Книга приказов ... № 3.
9. Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 13. Оп. 4. Д. 33. Книга приказов ... № 4.
10. Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 13. Оп. 4. Д. 34. Книга приказов ... № 5.
11. Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 13. Оп. 4. Д. 35. Книга приказов ... № 6.
12. Перечень № 28 частей и учреждений медицинской службы советской армии, со сроками вхождения их в состав действующей армии в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. // Солдат.ру : [сайт]. – 2009. – 18 февраля. – URL: <http://www.soldat.ru> (дата обращения: 07.11.2016).
13. Послевоенная жизнь жителей Ленинграда // СЦБИСТ.ру : [сайт работников локомотивного хозяйства]. – 2012. – 17 мая. – URL: <http://scbist.com/blogs/admin/431-poslevoennaya-zhizn-zhitelei-leningrada.html> (дата обращения: 28.12.2016).
14. Приказ Минпроса РСФСР от 06.07.1954 N 490 «О введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов РСФСР» // Правовая Россия : [сайт]. – 2007. – URL: <http://lawru.info/dok/1954/07/06/n1193387.htm> (дата обращения: 01.01.2018).
15. Похлебкин В. В. Кухня века. – М. : Полифакт. Итоги века, 2000. – 612 с. – (Итоги века).
16. Приказ №735-68 от 16.04.1968, утвержденный Главным санитарным врачом СССР. Министерство здравоохранения СССР // www.consultant.ru : [сайт]. – 2012. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения: 06.01.2018).

17. Путеводитель по Ленинграду. – Л. : Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1937. – 417, [3], 80 с.
18. СНиП П-65-73.Общеобразовательные школы и школы-интернаты. Нормы проектирования. – М. : Стандарт, 1973. – URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 26.07.2016).
19. Справочник дислокаций и специализаций госпиталей Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Л. : ЦВММ МО СССР, 1971 – 504 с.
20. Филиал ЦАМО РФ (военно-медицинских документов г. СПб.) Ф. 2998 (Хирургический полевой подвижный госпиталь). Д. 25 («Личные приказы начальника госпиталя» (23.6.41-1.2.42; 1.2.42-1.2.43). 50 л.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 5039: (Отдел народного образования Ленгорисполкома). Оп. 3. Д. 120: (Список школ по номерам и по районам г. Ленинграда). 128 л.
22. Тененбойм Э.Ш. Школы Ленинграда 1950-х гг. (взгляд как бы изнутри). – URL: <http://zt1.narod.ru/shk1950p.htm> (дата обращения: 26.07.2018).

Ламзин Денис

9 класс, ГБОУ школа № 529

Петродворцовый район

(руководитель – Шибанова В.В.)

Мне есть, кем гордиться. Полный Георгиевский кавалер – Иван Никифорович Огурцов

Огурцов Иван Никифорович с командиром (фото из семейного архива)

РАЗМЕРЫ старой фотографии, на которой изображены двое военных, один из них бравый молодец с Георгиевскими крестами, небольшие – длина 152 мм, ширина 106 мм, имеет четкое черно-белое изображение. Это матовый ровный лист высокого качества бумаги с баритовым слоем. Наш герой молодой человек, одет в шинель из защитного сукна и папаху из серого меха. Ремень без пряжки. Какие-либо символы, эмблемы отсутствуют. Сапоги практически не видны, их скрывает длинная шинель. Погоны без номеров полка и вензелей. Пуговицы не обтянутые, гербовые. На фотографии изображен полный Георгиевский кавалер Иван Никифорович Огурцов – родной дядя отца моей прабабушки.

Осенью 2017 года мы с моей мамой обратились с письмом в Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО

(office@rosphoto.org) и договорились о встрече со специалистом по изучению и популяризации музейного фонда Стариловой Людмилой Ивановной. Во-первых, мы смогли выяснить, что это не оригинал фотографии, а копия с авторского оригинала, сделанная со стеклянного негатива. Наш образец – это пересъемка с оригинала по нескольким параметрам: внизу фотографии между обрезкой и самой фотографии виден белый край и в левом верхнем углу видна чёрная полоса, что доказывает пересъемку. Также на фотографии видны места сгибов, которых мы не ощущаем, а в приближении с помощью лупы мы можем видеть ретушь. Это означает, что оригинал фотографии складывали и носили либо в кошельке, либо в кармане, поэтому фотография повредилась, и чтобы сделать и отправить качественную копию фотографии, её отретушировали. Во-вторых, нам подтвердили, что фотография сделана в период с 1915 по 1918 года, а пересъемка сделана позже 1918 года, так как такая обрезка фотографии – фестон (фестон – это зубчатая кайма по краю фотографии) появилась в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В-третьих, появилось предположение, что это студийная съемка. Это подтверждается тем, что на заднем плане фотографии, мы видим «задник» – студийное полотно, на котором нарисован летний пейзаж: зелёные деревья, часть каменного фасада дома, забор, а Иван Никифорович с офицером стоят в зимней одежде. Также мы видим зазор между полом и забором позади офицеров, что доказывает, что это натянутое полотно. Студийность съёмки подтверждают и позы героев. Профессиональные фотографы расставляли людей определённым образом, чтобы подчеркнуть отдельные элементы и определенные достоинства, в нашем случае награды. Герои стоят в центре фотографии, а свет направлен сверху справа, чтобы подчеркнуть награды Ивана Никифоровича. В-четвёртых, в ходе беседы, мы смогли определить вид бумаги, на которой напечатана копия фотографии. Людмила Ивановна дала мне возможность самому определить вид бумаги по сборнику, созданному фондом РОСФОТО «Идентификация, хранение и консервация фотоотпечатков, выполненных в различных техниках».

Таким образом, мы сделали вывод о том, что в начале 1900-х годов фотографии делали очень редко и для того, чтобы зафиксировать знаменательные, значимые события в своей жизни или жизни своей семьи: обручение, свадьба, награждение. Скорее всего, Иван Никифорович стоит на фотографии со своим командиром, которого он уважал и ценил. Полковые командиры также фотографировались только с наиболее заслуженными солдатами, и то, что он согласился сфотографироваться с нашим героем, подтверждает его значимость. А также данная фотография является поздней копией с авторского оригинала.

Полный георгиевский кавалер – подвиги и награды

В нашем семейном архиве не было информации, где, за что и когда наш родственник получил свои награды, которые мы видим на фотографии. Чтобы это выяснить, зимой 2017 года, мы снова обратились к сотрудникам Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО. Нам помогли найти книги Сергея Борисовича Патрикеева «Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг.» [11]. В этом уникальном издании мы нашли приведенные данные о более чем 1,5 млн. награжденных георгиевскими крестами за подвиги, совершенные во время Первой Мировой и Гражданской войн в период с 1914-1922 годы. Изучив эти тома, просмотрев поименные списки героев, мы смогли выяснить номера наград и достоверную информацию о подвигах нашего родственника. Итак, Ивану Никифоровичу были вручены:

Георгиевский крест 4 степени за № 81492 – «Л.гв. Гренадерский полк, полуэскадрон конных разведчиков, старший унтер-офицер. За то, что в боях у д. Старая Завада и Кациолки 10-13.10.1914, будучи послан на разведку, он с успехом выполнил ее, несмотря на явную опасность для жизни, кроме того, узнав о нахождении впереди неприятельского отряда, нагнал его и взял в плен 12 вооруженных австрийцев, в том числе и офицера» [11].

Георгиевский крест 3 степени за № 4461 – «Л.гв. Гренадерский полк, полуэскадрон конных разведчиков, старший унтер-офицер. За то, что 3.11.1914, будучи послан на разведку к д. Сулашово, с опасностью для жизни с успехом выполнил возложенную на него задачу, выяснив расположение противника и открыв место, где были заложены фугасы» [11].

Георгиевский крест 2 степени за № 20 – «Лейб-гвардии Гренадерский полк, полуэскадрон конных разведчиков, старший унтер-офицер. Награжден лично Его Императорским Величеством на смотре 18.12.1914 за то, что в боях у д. Сулашово 2-13.11.1914 неоднократно ходил охотником в разведку и приносил ценные сведения о расположении противника [11].

Георгиевский крест 1 степени за № 9398 – «Лейб-гвардии Гренадерский полк, полуэскадрон конных разведчиков, фельдфебель-подпрапорщик. За отличия в боях полка в октябре и ноябре 1914 года, в Люблинской и Келецкой губерниях и с 6 февраля по 7.03 1915 в Ломжинской губернии, а именно – за бой 7.02.1915» [11].

О чем нам рассказала фотография героя

18 декабря 2016 года нами был сделан официальный запрос директору ГМЗ «Царское Село» Таратыновой Ольге Владиславовне

с просьбой разрешить пользоваться библиотекой музея «Ратная Палата». В музее представлены подлинные предметы вооружения и быта участников Первой мировой войны, документальные и фотографические материалы. Получив официальное разрешение, мы с моими родителями были допущены к закрытым фондам библиотеки, и с помощью библиотекаря отдела научной литературы и библиографии Татьяны Михайловны Тимофеевой смогли найти много интересных материалов для исследования. Мы выяснили, что в Российской императорской гвардии существовали традиции подбирать новобранцев в полки в зависимости от их типажа и внешнего вида. Согласно Приказу № 350 по военному ведомству от 26.12.1873 года, в гвардейскую пехоту набирали «самых лучших людей, как по физическому сложению – здоровых и красивой наружности, так и ростом не ниже 2 аршин 6 вершков» (1 аршин – 0,71 м, 1 вершок – 4,5 см) [4]. По сведениям, указанным Д. Клочковым в книге «Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской империалистической армии, 1914–1917: Гвардейская пехота. Специальные команды и категории, отдельные части» [5], семеновцы и гренадеры были высокие, безбородые, белокурые и «лицом чистые», по возможности, с синими глазами под цвет воротника, в этот полк брали голубоглазых блондинов. Изучив материалы, полученные в «Ратной Палате» и сопоставив их с фотографией нашего героя, мы смогли установить, что Иван Никифорович одет в шинель нового образца мирного времени, с 5 пуговицами на борту. Ремни кавалерийского типа поступили на снабжение пехоты сразу после начала войны, а папахи в гвардии появились в первую военную зиму – в конце 1914 – начале 1915 гг. [5]. Офицеры и некоторые категории нижних чинов были вооружены 7,62-мм револьвером системы Нагана образца 1895 года. Основным образцом оружия нижних чинов пехотных и стрелковых полков была принятая на вооружение еще в 1891 году 3-линейная пехотная 7,62-мм магазинная винтовка.

Из книги С.Б. Патрикеева «Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914-1922 гг.» мы узнали, что Иван Никифорович служил в полуэскадроне конных разведчиков. Мы выяснили, что это вид разведки, при котором «Разведка неприятеля заключается в розыске его, в определении сил, расположения и действий противника. Разведкой местности определяются ее свойства, имеющие влияние на расположение и действия войск» [4, 5]. Устав 1912 года указывал, что при значительном удалении неприятеля разведывательную службу несет преимущественно конница. В кавалерии с 1891 года, а в пехоте с 1908-го стали формироваться специальные подразделения – команды разведчиков. В изучении материалов по военной форме мне очень помог интернет-журнал для любителей униформологии «Мундир» и статья К.Н. Сологуба «Атрибуция

фотографий нижних чинов артиллерийских частей Российской Императорской армии (1881–1917)» [12], в которой рассмотрен процесс атрибуции фотографий нижних чинов артиллерийских частей Российской Императорской армии. В октябре 2017 года мы с моим учителем, Вероникой Владимировной Шибановой, связались с автором этой статьи – Кириллом Николаевичем Сологубом. Мне удалось письменно проконсультироваться по некоторым вопросам, связанным с формой моего героя на рассматриваемой мной фотографии.

В результате всех изысканий, мы пришли к выводу, что, судя по наградам и одежде, фотография сделана в 1915 году. Именно в феврале 1915 года Иван Никифорович получает свой последний Георгиевский крест I степени в звании фельдфебеля-подпрапорщика, нижнего чина унтер-офицерского звания, Гренадерского полка за бой в Ломжинской губернии. На фотографии наш герой запечатлен со своим полковым командиром. Это очень значимая фотография для того времени. На 1915 год указывает и наличие папахи на голове, а папахи в гвардии, как мы выяснили, появились в первую военную зиму – в конце 1914 г. – начале 1915 г.

Огурцов Иван Никифорович

*Героem достойным прапрадед мой был,
Прошел две войны и в них победил.
Не знал, умирая, прапрадед тогда,
Что праправнук прославит его навсегда.
И буду гордиться своими корнями
Свою родословную я составляя.*

Весь собранный материал помог восстановить биографию Ивана Никифоровича. И.Н. Огурцов родился в 1886 году в деревне Маслово Займищевской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии. Отца звали Никифор, а мать – Наталья. Имел родного брата Сергея. В 1907 году герой рассказа был призван в армию. Иван Никифорович получил все свои награды во время Первой Мировой войны за отличное выполнение возложенных на него обязанностей. Он служил в лейб-гвардии Гренадерском полку в полуэскадроне конных разведчиков. Георгиевские кресты IV, III и II степени он получил в звании старшего унтер-офицера, а Георгиевский крест первой степени в звании фельдфебеля-подпрапорщика. Наш герой отличился во многих боях на территории Белостокского воеводства Польши. Так с 10 по 13 октября 1914 года у деревни Старая Завада и Кациолки нагнал и взял в плен 12 вооруженных австрийцев, а также их офицера. 3 ноября 1914 года в разведке у деревни Сулашово он с успехом выяснил расположение против-

ника и открыл место, где были заложены фугасы. У той же деревни со 2 по 13 ноября 1914 года неоднократно ходил охотником в разведку и приносил ценные сведения о расположении противника. Георгиевский крест I степени он получил за особое отличие в бою 7 февраля 1915 года в Ломжинской губернии.

Период 1918–1922 годов в судьбе нашего родственника остался неизвестен. Что случилось дальше, как воспринял Октябрьскую революцию и где находился Георгиевский кавалер, сказать трудно. Судя по тому, что Иван Никифорович не подвергся репрессиям, прожил долгую жизнь, можно предположить, что заслуги перед Советской властью у него были. По воспоминаниям Галины Дмитриевны Хохловой Иван Никифорович был депутатом Петросовета – Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Во время революции Ивану Никифоровичу было предложено стать командующим одного из революционных полков, но он отказался, как он говорил, из-за своей неграмотности. После революции и до Великой Отечественной войны Иван Никифорович с женой Акулиной Федоровной (10.06.1885 г.р.) жили в поселке Лигово под Ленинградом.

Во время Великой Отечественной войны Иван Никифорович оказался в Белоруссии, в деревне около города Сморгонь, как это произошло, нашей семье не известно. В нашем семейном архиве хранится фотография, на обратной стороне которой, в центре, стоит синяя печать, на ней указано: БССР комитет Сморгонского района рабочих депутатов. В семейных воспоминаниях упоминается, что у него была явочная квартира, через которую партизан снабжали информацией и продовольствием, а также прабабушка видела справку, выписанную от руки, заверенную подписью командира партизанского отряда. На наш запрос в Сморгонский историко-краеведческий музей получен ответ, подтверждающий воспоминания родственников. Иван Никифорович был связным партизанского отряда имени Молотова 2-й партизанской бригады имени Суворова. Связные, как правило, в целях конспирации, не вносились в списки партизанских отрядов. Это обстоятельство в наши дни сильно затрудняет выявление связных и подтверждение их деятельности.

После войны Иван Никифорович вернулся в Ленинград, и в поселке Дачном снимал квартиру. Детей у них с супругой не было. К юбилею 40-летия революции в 1957 году Городской жилищный комитет предоставил ему квартиру в Ленинграде. По воспоминаниям бабушки Иван Никифорович работал сапожником. Сохранились в семейном архиве фотографии, на которых мы видим Ивана Никифоровича в кругу родных, на обороте надпись на одной из них «На добрую память любимым племянникам Мите и Нюре».

7 сентября 1976 года под Ленинградом в поселке Мартышкино, в возрасте 90 лет умер фельдфебель-подпрапорщик Лейб-гвардии

Гренадерского полка, полуэскадрона конных разведчиков Иван Никифорович Огурцов. Единственным документальным свидетельством всех его подвигов и заслуг в нашей семье является черно-белая фотография с изображением героя, награжденного всеми Георгиевскими крестами.

Использованная литература и источники:

1. Ардашев А.Н. Учебник выживания войсковых разведчиков : [боевой опыт]. – М. : ЭКСМО, 2015. – 672 с.
2. Великая война. 1914 г. : [сборник историко-литературных произведений / сост. Р.Г. Гагкуев]. – М. : Посев, 2014. – 396 с.
3. Интервью с Галиной Дмитриевной Хохловой. Февраль-июль 2015 года, сентябрь-ноябрь 2016 года, июль 2018 года.
4. Клочков Д.А. Гвардейская пехота. Нижние чины. – М. : Русские Витязи, 2011. – 336 с.
5. Клочков Д.А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской империалистической армии, 1914-1917 : Гвардейская пехота. Специальные команды и категории, отдельные части. – М. : Русские Витязи, 2013. – 416 с.

Электронные ресурсы

6. Быков М. Я бы в гвардию пошел // Русский мир : [сайт]. – 2008. – август. – URL: <https://russkiymir.ru/media/magazines/article/141854/> (дата обращения: 23.10.2017).
7. Генеалогический форум Всероссийское генеалогическое древо : [сайт]. – URL: <http://forum.vgd.ru/315/8555/all.htm> (дата обращения: 05.03.2018).
8. Дроздов С. Русская Гвардия в боях 1915 года // Проза.ру : [сайт]. – 2013. – URL: <http://www.proza.ru/2013/07/02/548> (дата обращения: 01.02.2018).
9. Котов Р. Семеновцы и Семенцы : к 90-летию упразднения Лейб-гвардии Семеновского полка // Русская народная линия : [сайт]. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/05/29/semenovcy_i_semeny (дата обращения: 20.12.2016).
10. Олейников А. Вести разведку, громить врага. Некоторые особенности боевого применения русской конницы в Первой мировой войне // Независимая газета : [сайт]. – 2017. – 27 янв. – URL: http://nvo.ng.ru/history/2017-01-27/9_934_razvedka.html (дата обращения: 28.12.2017).
11. Патрикеев С.Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста, 1914–1922 гг. – М. : Духовная нива, 2012-2015 ; Электронная версия // Монеты и медали : [сайт]. – URL: <https://www.numismat.ru/gkcatalogs.shtml> (дата обращения: 28.12.2017).

12. Сологуб К.Н. Атрибуция фотографий нижних чинов артиллерийских частей Российской Императорской армии (1881–1917) // Мундир : [интернет-журнал]. – 2011. – URL: <http://www.vedomstva-uniforma.ru/mundir4/art/index1.html> (дата обращения: 28.11.2016-26.12.2016).
13. Орден Святого Георгия // Награды России : [сайт]. – URL: <http://ordenrf.ru/rossiya/orden-svyatogo-georgiya.php> (дата обращения: 03.01.2016).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа VII региональной олимпиады по краеведению школьников Санкт-Петербурга

Секция 1

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Председатель жюри: Исай Моисеевич Кузинец – д.и.н., профессор, житель блокадного Ленинграда, действительный член Академии военно-исторических наук.

Члены жюри: Илья Владимирович Ваганов – старший преподаватель кафедры истории Отечества ПСПбГМУ им. академика И.П. Павлова; Эльвира Ильинична Архипова – член Союза краеведов России, ветеран педагогического труда; Сергей Анатольевич Назаров – историк-краевед; Наталья Петровна Верещагина – педагог-организатор ГБНОУ «СПб ГДТЮ»

Секретарь секции: Елена Петровна Клишина – педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДДЮТ Московского района.

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Тимохина Алина	студентка 2 курса СПб технический колледж управления и коммерции, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ Красногвардейского района	По страницам блокадного дневника
Стребличенко Андрей	уч-ся 9 класса ГБОУ лицей №82 Петроградского района	Боевой путь эсминца «Свирепый» в годы Великой Отечественной войны
Алексеева Анастасия	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №560 Выборгского района	Благодаря им «музы не молчали» (о работе артистов в блокадном Ленинграде)
Босня Евгений	уч-ся 11 класса ГБОУ СОШ №560 Выборгского района	Воспоминания Е.П. Петричевой как источник знаний о жизни простого человека в условиях немецкой оккупации
Мамедов Иса	уч-ся 8 класса ГБОУ гимназия №402 Колпинского района	«Так назначено судьбой» (о деятельности колпинской милиции в годы войны)
Алгазина Алина	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №253 Приморского района	Т.В. Григоровва-Рудыковская

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Овчинников Эдуард, Бабенко Григорий	уч-ся 9 и 8 класса ГБОУ СОШ №467, ГБУ ДО ДТДиМ Колпинского района	Боевой путь Валентины Грибалёвой
Журавлев Даниил	уч-ся 8 класса ГБОУ гимназия №74 Выборгского района	Запасной командный пункт Ленинградского фронта – объект ЗКП «Нева».
Морковина Варвара, Рылеева Екатерина, Рылеева Валерия	уч-ся 9 класса, ГБОУ гимназия №148 им. Сервантеса Калининского района	Необычные события блокадного Ленинграда – блокадные свадьбы
Петрова Виктория	уч-ся 10 класса ГБОУ гимназия № 107, клуб «Петрополь» ГБОУ «СПБ ГДТЮ»	«Сохраняя память о Великой победе» (Биография историка М. И. Фролова)

Секция 2

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Председатель жюри: Елена Павловна Стальмак – педагог дополнительного образования клуба «Петрополь» ГБОУ «СПБ ГДТЮ».

Члены жюри: Алёна Александровна Сугоровская – экскурсовод, координатор проектов Музея А.А. Ахматовой в Фонтанном доме; Зинаида Абрамовна Рудая – руководитель отдела петербурговедения ЦГПБ им. В.В. Маяковского; Наталья Павловна Королёва – действительный член Всемирного клуба петербуржцев; Дарья Дмитриевна Павлова – методист сектора Музей истории Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных.

Секретарь секции: Кондратьев Михаил – студент РГПУ им. А.И. Герцена.

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Пинковская Екатерина	уч-ся 9 класса ГБОУ лицей №281, ГБУ ДО ДДТ «Измайловский» Адмиралтейского района	История замечательных книг
Логинова Евгения	уч-ся 10 класса ГБОУ СОШ №450 Курортного района	Гипсовый лепной декор в архитектуре Петербурга
Шварёва Екатерина	уч-ся 10 класса ГБОУ СОШ №450 Курортного района	История одного автографа (Блок и театральная постановка пьесы «Балаганчик»)
Баранова Виктория Павлова Алёна	уч-ся 9 класса ГБОУ гимназия №446 Колпинского района	Колпино – атомному флоту России
Слободич Анна	уч-ся 9 класса ГБОУ лицей №395 Красносельского района	Русский композитор Н.Н. Черепнин; пересечение судеб и родословных
Рухлина Дарья	уч-ся 10 класса ГБОУ СОШ №335 Пушкинского района	Традиции милосердия в семье Романовых

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Фролова Мелания	уч-ся 10 класса ГБОУ гимназия при ГРМ, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Ленинградские страницы жизни композитора Ореста Александровича Евлахова
Головина Лидия	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №349, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района	Сотрудники отделения СПОН Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена в 1920-1930-е годы
Мацуева Ольга	уч-ся 10 класса ГБОУ гимназия №343, Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Между поэзией и наукой (А.М. Городницкий, поэт и ученый, выпускник Ленинградского городского Дворца пионеров)
Кутузов Максим	уч-ся 8 класс ГБОУ СОШ №421 Петродворцового района	Врач и художник А. Агушев

Секция 3

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

Председатель жюри: Кирилл Борисович Назаренко – д.и.н., профессор Института истории СПбГУ, преподаватель Аничкова лицея ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», председатель Оргкомитета олимпиады.

Члены жюри: Владимир Ильич Аксельрод – к.п.н., методист, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Алла Вячеславовна Князькина – Председатель Совета РОО «Институт Петербурга»; Светлана Дмитриевна Мангутова – к.п.н., заведующая Научной библиотекой Русского географического общества; Ирэн Александровна Мартыненко – главный специалист Санкт-Петербургского отделения ВООПИК, сотрудник РОО «Институт Петербурга».

Секретарь секции: Марианна Олеговна Михеева – студентка СПбГАСУ.

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Копылова Мария	уч-ся 8 класса ГБОУ гимназия №73, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Где эта улица? Где этот дом?» Или история адресной системы Санкт-Петербурга на примере домов №41,43 по Большой Морской улице
Баклушина Анна	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №336 Невского района	История Щемиловки
Измайлова Анна	уч-ся 8 класса ГБОУ гимназия №171, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Арсенал в Царском Селе: от создания к возрождению

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Каймакан Полина	уч-ся 10 класса ГБОУ гимназия № 278, ГБУ ДО ДТ «Измайловский» Адмиралтейского района	Дом и его обитатели. Подольская, дом 2
Кузовлева Евангелина	уч-ся 9 класса ГБОУ Вторая Санкт-Петербургская гимназия Адмиралтейского района	Церковь Казанской иконы Божией матери в Вырице: 100 лет испытаний и судьба современного православия
Сычёва Валерия	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №560 Выборгского района	Из истории Выборгского сада: спорные вопросы, малоизученные страницы
Кази Илона	уч-ся 9 класса ГБОУ гимназия №74 Выборгского района	К 190-летию Ботанического сада Лесотехнического Университета
Исаев Иван	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №530 Пушкинского района	Забывтый купеческий особняк в Царском Селе
Табачник Ксения	уч-ся 10 класса ГБОУ гимназия №209, Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Церковь Святого митрополита Петра на Ульянке (страницы истории 1700-2018гг.)
Каблукова Ариадна	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №464 Пушкинского района	Музыкальные традиции Павловска

Секция 4

ЗЕМЛЯКИ. ИЗВЕСТНЫЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ

Председатель жюри: Татьяна Геннадьевна Смирнова – зав. сектором исторического краеведения и школьного музееведения, руководитель ГУМО ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

Члены жюри: Борис Валерьевич Грумбков – генеральный директор АО «Издательский дом «Санкт-Петербургские ведомости»; Алексей Дмитриевич Ерофеев – член городской Топонимической комиссии, журналист, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Лидия Анатольевна Алексеева – заведующий библиотекой ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

Секретарь секции: Егор Павлович Горбатов – учитель истории и обществознания ЧОУ «Школа «Шамир».

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Андреева Анна	уч-ся 8 класса ГБОУ Вторая Санкт-Петербургская гимназия, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Петербургский хирург Е.В. Павлов: жизнь, отданная людям
Романова Полина	уч-ся 8 класса ГБОУ лицей №533, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Введенский в Петербурге – Петрограде – Ленинграде

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Брагина Анастасия	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №421 Петродворцового района	«Его зарыли в шар земной»
Полищук Ксения	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №421 Петродворцового района	Ровесник Октября
Федрунова Ирина	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №233, краеведческое объеди- нение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардей- ского района	Вместе со страной и эпохой (история Карла Оскаровича Лутца)
Назаралиев Сергей	уч-ся 9 класса ГБОУ гимназия №526 Московского района	В.Берг – ученый-астроно- метрист
Алгазина Алина	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №253 Приморского района	Т.В. Григорова-Рудыковская. Блокадные дневники
Леусенко Леонид	уч-ся 9 класса ГБОУ Вторая Санкт-Петербургская гимна- зия, Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Дело Старокадомского или о чем рассказали архивные документы
Васильева Вероника	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №127, краеведческое объеди- нение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардей- ского района	Первый детский мировой судья – Николай Алексан- дрович Окунев
Васильева Полина	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №416 Петродворцового района	В. Фаберж – актриса блокад- ного театра
Чусовитина Варвара	уч-ся 11 класса ГБОУ гимна- зия №107, Юношеский Уни- верситет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Петербург Н.Я. Агнивцева

Секция 5

ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ

Председатель жюри: Мария Александровна Корсунова – педагог-организатор, руководитель ГУМО, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

Члены жюри: Джумук Елена Сергеевна – методист музея А.А. Ахматовой в Фонтанном доме; Тамара Александровна Жеглова – педагог дополнительного образования, учитель Аничкова лицея ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Анна Евгеньевна Ладыжникова – руководитель историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

Секретарь секции: Валерия Леонидовна Горобец – учитель, руководитель структурного подразделения ГБОУ гимназия №107 Выборгского района.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Таракчян Марта	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №500 Пушкинского района	Памятный значок выпускницы 1929 года
Баева Наталья	уч-ся 10 класса ГБОУ СОШ №507 Московского района	Книги из коллекции П.Н. Лукницкого (по материалам книжного фонда музея А.А. Ахматовой)
Юшина Полина	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №58 Приморского района	На Свирском рубеже (Предмет из коллекции школьного музея рассказывает)
Бутылов Матвей	уч-ся 9 класса Академический лицей «Физико-техническая школа», клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	О чём может поведать фотография? (история одного предмета из музея «Нарвская застава»)
Зайцева Юлия	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №71, Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Гумилев, Ахматова, «Жемчуга» и Экстер. Загадки двух автографов, одного посвящения и одной обложки.
Качалова Екатерина	уч-ся 10 класса, АНОО «Международная школа Герценовского университета», клуб археологии ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Древние керамические традиции Южного Приладожья (по материалам неолитической стоянки Подолье-3)
Парижев Дмитрий	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №232, клуб археологии ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Мозаика из зала Афины. Реставраторы, как соавторы древнего мастера.
Очайкина Валентина Сурия	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №121, клуб археологии ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Технологии античных стеклоделов на примере стеклянных сосудов из Пантикапея в собрании Государственного Эрмитажа
Лебедев Кирилл	уч-ся 8 класса ГБОУ гимназия №402 Колпинского района	«Всё остаётся людям» (жизнь и судьба Горбылёвой Т.В.)
Шурыгина Мария	уч-ся 8 класса ГБОУ гимназия №177 Красногвардейского района	Военная юность подруг фабрики «Пятилетка»

Секция 6

Петербургская биографика и история образования

Председатель жюри: Никита Владимирович Благово – член совета Русского генеалогического общества, зав. музеем гимназии Карла Мая.

Члены жюри: Александр Викторович Чернега – член правления Союза краеведов СПб, директор туристической компании «Прогулки по Петербургу», издатель; Сергей Евгеньевич Глезеров – краевед, журналист, автор книг о Петербурге; Александра Тимофеевна Бойцова – старший методист сектора Музей истории Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Секретарь секции: Мария Михайловна Осипова – педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Нестеренко Александра	уч-ся 8 класса ГБОУ гимназия №278, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Богу и ближнему» (История рода Джунковских)
Жданова Анастасия	уч-ся 11 класса ГБОУ СОШ №104 Выборгского района	История моей семьи в истории Партизанского края 1941-1943гг.
Новикова Светлана	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №531 Красногвардейского района	Мы знаем, что он без вести пропал
Шлякова Божена	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ № 238 с углубленным изучением английского языка Адмиралтейского района	Педагогический коллектив Новой школы в 1918-1923 гг.
Адамович Игорь	уч-ся 11 класса ГБОУ лицей №393, Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Мои предки Арские на службе Отечеству
Суслов Данила	уч-ся 10 класса ГБОУ гимназия №402 Колпинского района	«Когда уйдем со школьного двора» (судьбы выпускников 1941 года)
Четырина Анастасия, Постникова Яна	уч-ся 8 класса ГБОУ СОШ №332 Невского района	Страницы истории моей школы: школа №332 в послевоенный период
Рахман Хашими Саббир	уч-ся 9 класса ГБОУ СОШ №423, Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	История моей школы с 1935г. по 1945 г.
Расимавичуте Рута	уч-ся 10 класса ГБОУ СОШ №111, ГБУ ДО ДДТ Калининского района	Балто-славянские корни моей родословной
Воронцова Дарья Серякова Екатерина Чернявская Вероника	уч-ся 11 класса ГБОУ СОШ №156 с углублённым изучением информатики, ГБУ ДО ДДТ Калининского района	История школы №156 в годы войны в лицах

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на VII региональной олимпиаде по краеведению (9-11 классы)
2018 года

Выпуск 27

**НАСЛЕДНИКИ
ВЕЛИКОГО ГОРОДА**

Подписано в печать Формат бумаги 84 × 108 ¹/₃₂
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 9,08 уч. изд. л. Тираж 400 экз. Заказ №
Отпечатано в